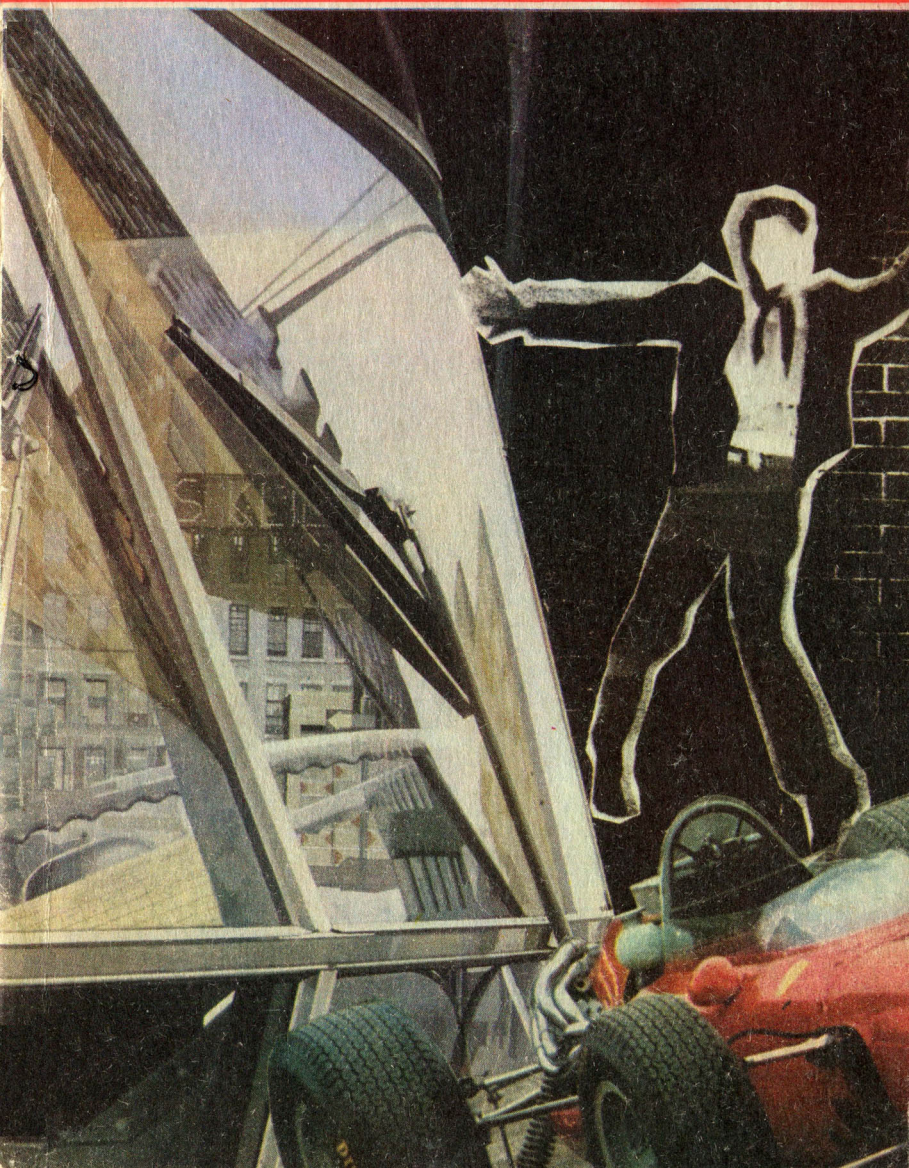

ВОКРУГ
СВЕТА

4 1991

ИСКАТЕЛЬ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА.

4 1991 (184)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Майкл
КОЛЛИНЗ

СТРАХ
Роман

2

Владимир
МИХАНОВСКИЙ

ЗЕЛЕНОЕ ОБЛАКО
Рассказ

III

«Вокруг света» («Искатель»)

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Майкл КОЛЛИНЗ

Страх

РОМАН

ГЛАВА 1

Все началось с нападения на полицейского.

Неизвестное лицо (или лица) напало на патрульного полицейского среди бела дня на Уотер-стрит вблизи реки, затопило его в аллею и обчистило. Свидетелей не было. Произошло это в районе Челси, где окна, выходящие на аллею, всегда заколочены и люди не видят того, что им не положено видеть.

Мы все знали этого полицейского: патрульный Стеттин. Он молодой, служит недавно и еще полон энтузиазма. Говорят, он был так расстроен тем, что его «взяли», что хотел уволиться. Нападавший забрал у Стеттина дубинку, пистолет, наручники, дежурный блокнот, часы, бумажник, булавку для галстука, ботинки и мелочь из кармана. Произведено нападение было профессионально: Стеттин даже тени не успел заметить.

— Ну что ценного можно взять у полицейского в патруле? — удивленно спросил Джо Харрис.

— Пистолет, — ответил я.

Джо Харрис — мой самый старый друг. Он никогда не выезжал из Челси, как это делал я, но мы поддерживали контакты все это время. После Марти, моей подруги, сразу идет Джо. С тех пор как я вернулся в Челси, мы часто видимся. Джо — бармен.

Я сидел в «Пэкиз Паб», где работает Джо. Босс, Пэки Уилсон, тоже обсуждал дело Стеттина с кем-то из посетителей. Про дело все знали, хотя его и пытались скрыть. Полицейских эта история разозлила. А когда они злы, то выполняют свою работу с угрюмой сосредоточенностью.

Нью-Йорк во многом странный город. Например, в любом районе, будь то Челси или Йорквилль, есть два типа людей. Те, кто родился, скажем, в Челси, всегда там жил и будет жить, если, конечно, не попадет в тюрьму или не будет вынужден скрываться, те, кто являются частью Челси. И другие, кто родился где-нибудь в Омахе и теперь считают, что живут в Нью-Йорке, а не в Челси, — люди, которым удалось найти квартиру в районе города, о котором они не знают, что он называется Челси. Как на летнем курорте — местные и приезжие. Местные знают все новости. Я родился в Челси, так что считаюсь местным.

— Нет, — сказал наконец Джо, — пистолет можно достать более легким путем, Дэн. Даже частный сыщик должен это знать.

Дэниэль Форчун, частный детектив. Это я. Форчун — когда-то был Фортуповский, а в середине у меня стояла раньше буква Т, означавшая — Тадеуш. Под таким именем сошел с

судна мой дед: Тадеуш Ян Фортуновский. Когда я был маленький, старики рассказывали мне, что дед носил это имя с гордостью. Как и у многих уроженцев средней и восточной Европы, родословная у него была очень запутанная. Он родился в Литве, входившей в Российскую империю, в семье поляков, родным языком которых был немецкий. Но он считал себя поляком, а имя — это было единственное, чем он мог доказать свое польское происхождение. Мой отец родился здесь, в Америке. Чтобы не выделяться, отец стал называть себя Форчун. Старики говорят, что мой дед отказался разговаривать с человеком по фамилии Форчун, несмотря на то, что он ему сын. Дед умер еще до моего рождения. Я его не знал. Отца, собственно, тоже не знал. Он дал мне имя — измененное — и почти ничего больше. Теперь я Дэн Форчун.

Я не расследовал крупные и опасные дела. Немного индустриального шпионажа, разводы... Вооруженная охрана, вручение вызовов в суд — это чтобы было на что жить. А главным образом — личные проблемы маленьких людей, которым необходимо оказать давление на кого-то, но без помощи полиции. Такая работа мне не очень нравится, но кушать надо. Я сам себе хозяин, мне не обязательно надевать белую рубашку и рано вставать. Есть и большой минус, связанный с этой работой, она делает меня чем-то вроде полицейского. А в Челси это плохо. В результате настоящих друзей у меня только двое — моя Марти и Джо Харрис. И даже Джо не до конца со мной откровенен.

— Ну кто нападает на полицейского среди бела дня просто ради пистолета? — сказал Джо.

Он прав, конечно. Есть пути полегче, попроще.

— Может, ради денег? — предположил я, сам в это не веря.

— Ну что ты, Пират, — усмехнулся Джо. — Где ты видел идиота, который полезет к легавому из-за мелочи в кармане?

Джо и сейчас иногда называет меня Пиратом. Дэнни Пират. Эту кличку я получил очень давно, когда потерял руку. Я рассказываю множество историй о том, как лишился руки. Рука была левая. Я правша. Во всем можно найти что-то хорошее, если уметь искать.

Я потерял руку, когда мы с Джо грабили судно. Нам было тогда по семнадцать. Ночь была темная, и я упал в трюм. Рука сломалась в нескольких местах, так что ее пришлось ампутировать чуть ниже плеча. Может, будь я богатым, у меня сейчас было бы две руки. В городской больнице не нашлось врачей или времени, чтобы спасти руку. Я не в обиде. Жизнь-то мне спасли.

Джо вызвал помощь. Уголовное дело против меня тогда не возбудили. Видите ли, мой отец когда-то служил в полиции. У меня были там друзья. Или, точнее, друзья в полиции были у моей матери. Много друзей.

Полицейские забыли об этом деле — у меня нет судимости. А местные не забыли. Это было у нас не единственное ограбление в те дни, просто на этом мы чуть не попались. Местные все знали. Я потерял руку. Последствие было неизбежным: Дэнни Пират. В Челси все помнят. Ну и прекрасно. Это делает меня менее «легалым», хотя я и частный детектив.

— Когда полицейского убивают, это понятно, — сказал Пэки Уилсон, обращаясь сразу ко всем, кто сидел у стойки. — А вот если его ограбили и не убили — понять трудно.

— Может быть, наркоман, — предположил Джо. — Он мог обменять пистолет на дозу.

— Может быть, — согласился Пэки. — Наркоман за дозу все сделает.

— Наркоман дрожит, если видит полицейского на экране, — усмехнулся я. — Только не наркоман.

Пэки кончил дискуссию, заявив:

— Это был человек, ненавидящий полицейских. Какой-то псих, у которого «зуб» на всю полицию.

Еще несколько дней разговоры на эту тему шли в Челси и Вилледже. Потом прекратились. Люди вообще странные. Каждый день где-нибудь в мире убивают полицейского. Грабят полицейского среди бела дня очень редко. Однако убийство полицейского дает газетных заголовков на целый месяц, а ограбление, после первой вспышки интереса, быстро отходит на задний план. Людей больше интересует смерть.

Я и сам мог бы забыть о Стеттине через неделю. Мне хватает забот. За Марти сильно ухаживал богатый клиент в ее клубе. Три человека, которым я должен был вручить вызов в суд, упорно меня избегали. Не было никаких причин связывать второе ограбление и два убийства со Стеттином. На Уэст-Сайд происходит по сорок краж в день и столько же разнообразных преступлений с применением насилия. Через какое-то время просто перестаешь замечать мелкие преступления.

Так что патрульный Стеттин оставался для меня в области досужей болтовни.

Пока в мою контору не вошел тот парень.

ГЛАВА 2

— У него большие неприятности, мистер Форчун. Я это знаю, — сказал парень.

Был понедельник, прошло пять дней после того как ограбили Стеттина. Моя контора — это одна комнатка на Двадцать восьмой улице. У меня одно окно с видом на кирпичную стену, которая от сажи стала черной. Само окно грязное, так что не обязательно смотреть на стену — разве что

становится слишком жарко и приходится окно открывать. Сегодня было жарко.

— Его нет, — продолжал парень. — Я хочу сказать, что с тех пор его не видел.

— Начни с имени, — предложил я. Парень явно нервничал.

— Джо — Джо Олсен, — торопливо проговорил парень. — Джозеф Олсен, только мы всегда называем его Джо-Джо. Я искал весь уик-энд. Никто его не видел.

— А ведь я тебя знаю, — заявил я. — Пит Витанца, правильно? Сын Тони?

— Да, — кивнул Пит Витанца. — А Джо-Джо — мой друг, мистер Форчун.

— Хорошо, — сказал я. — Давно он исчез?

— Уже четыре дня.

— Ну, знаешь, четыре дня...

— Весь уик-энд, — настаивал Витанца. — Где-то с начала пятницы. У нас были планы на этот уик-энд. Большие планы.

— Иди в полицию, — посоветовал я.

Пропавшими лицами занимается полиция. У нее для этого есть все возможности. «Кролики» — это люди, которые сочли свою жизнь невыносимой. Она была их слишком сильно и слишком долго. Быть «кроликом» — значит хотеть убежать больше всего на свете, и мне не нравится роль ищейки в этой ситуации. Пусть такими делами занимается полиция.

— Джо-Джо сейчас по своей воле нигде бы не остался, — настаивал Пит. — Он купил недавно новый мотоцикл, жутко красивый. Мы весь мотор перебрали. Вчера, в воскресенье, мы должны были участвовать в гонках.

— А он не появился?

— Ну да, с пятницы его нет. Он... был чем-то обеспокоен. Какие-то неприятности.

— Он женат? — Девяносто девять из ста «кроликов» женаты или замужем. Вот и думаешь...

— Нет-нет. То есть у него бывают девушки, конечно. Постоянной, правда, нет — после этой Дрисколл... Джо-Джо и я, у нас есть моторы, понимаете? Джо-Джо учится в автомобильном училище. Мы когда-нибудь будем работать в фирме «Феррари».

— Он живет с семьей?

— Они мне сказали, что он уехал по делам. Я знаю, что это неправда. Он же не взял мотоцикл. Без мотоцикла он бы никуда не поехал!

— Что он сделал, Пит? — спросил я. — Что провернул?

— Ничего! Я клянусь...

Он нервничал. Что-то у него еще было на душе.

— Продолжай, — сказал я.

— Тот легавый... — медленно проговорил он, — Легавого

обчистили, помните? Это было накануне того, как Джо-Джо слинял.

— Стеттин? Ну и что?

— Так это же случилось в двух шагах от Шмидта.

— Гаража Шмидта на Уотер-стрит?

— Ну.

Ему казалось, что он нарисовал картину предельной ясности.

— Ты хочешь сказать, что вы с Джо-Джо ремонтировали мотоциклы в гараже Шмидта?

— Ну да. Джо-Джо, он вообще работает у Шмидта — я хочу сказать, механиком в гараже, а последние два месяца мы возились там с мотоциклом.

То, что пытался сообщить мне Пит Витанца в свойственной Челси косноязычной манере, сводилось к следующему: Джо-Джо Олсен отсутствовал, хотя у него не было никаких причин отсутствовать — напротив, были все причины присутствовать; Джо-Джо исчез наутро после того как был ограблен Стеттин. В этом могло что-то быть. В этом могло не быть ничего.

— Джо-Джо нуждался в деньгах? Мотоцикл, наверное, немало стоил.

— Джо-Джо откладывал деньги. Он хороший механик. Шмидт ему неплохо платил, а семье он денег не давал.

— А пистолет ему был нужен? Может, он хотел заняться новым бизнесом?

— Нет, черт возьми! — быстро проговорил Пит. — К тому же у его старика есть оружие. Он мог достать пистолет.

— А у него были какие-нибудь неприятности с чердаком? У психнагра он не лечился?

— Нет.

По теории вероятности, не могло быть никакой связи между парнем, отсутствующим паршивых четыре дня, и нападением на Стеттина. Или, скажем, один шанс из тысячи... Ну что ж, один из тысячи — это тоже шанс...

— В тот день, когда обчистили Стеттина, вы с Джо-Джо находились в гараже весь день?

— Часов до шести.

Я не знал точно, во сколько напали на Стеттина, но, судя по слухам, это было где-то от 17.30 до 19.30.

— Вы все время были вместе?

Пит Витанца промолчал.

— Мы по очереди катались на мотоцикле. Я хочу сказать, мы его испытывали. Бывало, уезжали минут на десять-пятнадцать.

— И в течение этого времени не видели друг друга?

— Ну.

— Ты думаешь, он заметил что-то такое, чего ему не следовало видеть?

Он опять промолчал.

— Понятия не имею, мистер Форчун. Я знаю только, что он бы не слинял на этот уик-энд, если бы не серьезные неприятности. Когда я увидел его в пятницу утром, он был испуган, понимаете? Он сказал, что работать не сможет, у него дела. — Витанца смотрел на меня с мольбой. — Может быть, ему нужна помощь, мистер Форчун. Я хочу сказать, вы должны помочь ему, найти его. У меня есть чем заплатить.

Мне приятно думать, что я решил помочь Питу еще до того, как он это сказал. Как большинство людей, презирающих деньги, я в них всегда нуждался. Но тогда я о деньгах не думал. Да и сколько мог заплатить парень из трущоб? Мне было нечем заняться, к тому же я не сомневался, что все окажется пустяком. Джо-Джо развлекается где-нибудь с девчонкой. Парни ведь не все друг другу рассказывают. А Питу ситуация казалась серьезной. Ну что ж, это прекрасно, если он хочет помочь другу...

— Ладно, я этим займусь. Сколько ты можешь заплатить?

— Пятьдесят долларов хватит? Я хочу сказать — для начала...

Я удивился. Откуда у него такие деньги?

— Расскажи мне про Джо-Джо. Еще друзья у него есть?

— У нас мало друзей. Джо-Джо, он вообще одиночка, понимаете? Мы занимаемся в основном моторами.

— Девушки?

— Ничего особенного. Может, про кого-то я и не знаю.

— Ты упоминал про какую-то Дрисколл?

— Нэнси Дрисколл. Она постарше нас. Только она... Я хочу сказать, она за ним гонялась, понимаете?

— Где я могу ее найти?

— Не знаю. Я ее давно не видел. Может, Джо-Джо не хотел... чтобы я с ней встречался, понимаете?

— Где он играл в карты, в кости, вообще развлекался?

— Джо-Джо не играет. Он любит кино. Танцевать ходит в «Полиш Хол». Еще в плавательный бассейн... Я не плаваю.

— Дай мне список — все имена и места. Его домашний адрес. Фотография есть?

— Я так и думал, что она вам понадобится, — сказал Пит.

Он протянул мне маленькую фотокарточку. Она была плохая, но я все же разглядел Пита с мотоциклом и высокого светловолосого приятного на вид парня примерно того же возраста. Придется обойтись такой. Пит оставил мне список имен и заведений и ушел.

Я позвонил Марти. У меня появилось пятьдесят долларов, мы могли бы с ней куда-нибудь пойти. Она ответила мне приветливо, но была занята.

— Новые девушки в клубе, бэби, я должна с ними репе-

тировать, — сказала Марти. — Увидимся в пять, о'кэй? Не трать сразу все.

Получалось, что я свободен до пяти. Ничего не оставалось, как работать. Я не спешил. Парень исчез на четыре дня — не такое уж чрезвычайное происшествие. Тем не менее я был уже у двери, когда зазвонил телефон.

— Форчун, — произнес я в трубку. — Это Дэн Форчун. Тишина.

И в то же время не совсем тишина. Слышалось что-то вроде тяжелого дыхания. Я ждал. Только дыхание. Я повесил трубку. Вероятно, уже тогда нужно было что-то заподозрить. Но подобного рода звонки бывают не так уж редко в Нью-Йорке. У нас много психов.

Я вышел из дома и направился к полицейскому участку. Это всегда первая инстанция. Там на Джо-Джо Олсена ничего не было, но лейтенант Макс, похоже, заинтересовался. А я удивился: парень дожил в Челси до девятнадцати лет и ни одного привода. Что это за парень такой особый? И еще меня удивило, что этим делом заинтересовался лейтенант Макс. Я спросил о причине, но Макс ничего не ответил. Полиция своей информацией не делится.

Когда я вышел из участка на жаркое солнце, то увидел высокого мужчину.

Он был через улицу от меня, стоял и увлеченно рассматривал витрину книжного магазина. Вот это меня и насторожило. Он явно не относился к тем, кто читает книги, а угол, под которым этот человек стоял, показывал, что и не на книги он смотрит. Пользуясь стеклом как зеркалом, он наблюдал за полицейским участком.

А еще я обратил внимание на его ноги. У него были чрезвычайно маленькие ноги для такого крупного мужчины, а ботинки давно вышли из моды: остроконечные, двухцветные коричневые с бежевым — такие носили в двадцатые годы.

Я начал пересекать улицу. Он быстро пошел прочь. Я наблюдал, как он уходит, и думал о том молчаливом телефонном звонке.

ГЛАВА 3

Томми Пуччи обслуживал бар в «Фугази». Я выпил два пива, прежде чем начал его расспрашивать. Таков протокол. В Челси протокол такой же строгий, как при королевском дворе, а может быть, и строже. На третьем пиве я задал вопрос. Томми протирает стойку.

— Я не видел Олсена, — сказал Томми.

— Официально или действительно? — настаивал я. — Джо-Джо чист. Просто его ищет друг.

Пуччи задумался. Очевидно, решил, что ситуация безопасная.

— Я его не видел дня два. Я уже говорил Витанце.

— Скажи мне что-нибудь такое, что ты не говорил Питу. Какие-нибудь друзья, девушки, о которых Пит не знает... Томми помолчал.

— Может быть, эта свинья Руковски.

— Девушка?

— Дженни Руковски. Джо-Джо иногда с ней выходит. А Витанца — нет. — Томми ухмыльнулся. — Наверное, Джо-Джо стыдно, что его видят с этой шлюхой. Я его понимаю.

— Где я ее найду?

— А прямо здесь. Только она не очень часто заходит.

Руковски — значит, полька. Полька — значит, римско-католическая церковь. Я прошел пару кварталов до польской римско-католической церкви святого Игнатия: отец Мартиниус Рески.

Старенький отец Рески знал Дженни Руковски — дрянная девчонка, которая никогда не ходит к мессе. Когда я объяснил, что я нечто вроде полицейского, он охотно дал мне ее адрес. Думаю, он надеялся, что Дженни, трагедия для несчастной матери, будет наказана за свои грехи.

Дом оказался около церкви. Обычный обшарпанный дом. Семья Руковски жила на третьем этаже. Девушка, которая наконец ответила на мой звонок, была высокая и полнотелая. Судя по ее лицу, она отсыпалась после хорошего похмелья.

— Джо-Джо Олсен! — выплонула она в ответ на мой вопрос. Как будто это было ругательное слово.

— Так вы его знаете?

Волосы у нее были светлые, длинные и грязные. Давно нечесанные. Я бы не решился назвать ее красивой. Она помаргивала, как будто ей светили в глаза, хотя на лестничной площадке и в прихожей было сумрачно. Войти она меня не пригласила.

— Фу, да у этого козла одни мотоциклы на уме, фу! С ним скучно. Я хочу сказать, от него всегда мало толку.

— Но он был вашим другом?

Она хихикнула.

— Ну ты даешь. Черт возьми, он козел, но случается, что пойдешь и с козлом, не разобравшись. А друзей у меня не бывает, если ты меня понимаешь.

— Я понимаю. — Присмотревшись, я решил, что Дженни Руковски почти все время живет на девяносто седьмом этаже — и не от виски. На виски так высоко не поднимаются.

— Вы знаете, куда уехал Джо-Джо, Дженни?

— Уехал?

— Похоже, что он исчез, испарился, смылся, — терпеливо пояснил я.

Она моргнула.

— Да ты меня разыгрываешь, мистер! Джо-Джо? Ты шутишь! Господи, он же никуда из гаража не уйдет. Он и спит там в яме. И чтобы Джо-Джо сыграл в кролика?.. — Потом она просветлела. — Эй, а может, он увидел свет, а? Кольнулся, заторчал, слинял.

— Может, девушка? — попробовал я.

— Джо-Джо? — хохотнула она. — Так у него же был мотоцикл!

Я уныло смотрел, как она моргает.

— Вообще-то была одна. Той же породы, что и ты, скучная. И старая. Лет двадцать пять, наверное! Только это она за ним гонялась, за Джо-Джо, да.

— У нее есть имя?

— У кого есть имя? Черт возьми, может, он пошел к википгам.

— Викинги? — удивился я. — Это уличный ганг?

— Ну ты как будто в школе не учился. Викинги — это были ребята в древние времена, понимаешь? Я хочу сказать, Джо-Джо был на них повихнутый. Рога на голове и вообще. Бороды и рога.

— Викинги, — пробормотал я. Наверно, у меня выпучились глаза. В Челси никто не интересовался прошлым, даже вчерашним днем. — Он изучал историю, что ли?

Но ее внимание опять отвлеклось.

— Эй, одна рука! С ума свалиться!

Она заметила, что у меня нет одной руки. Глаза ее расширились, рассматривая прищипленный рукав.

— Кто еще хорошо знал Джо-Джо? — спросил я.

— Одна рука! — дивилась она. — Во дает!

— Считать ты умеешь, — усмехнулся я. — Ну, расскажи еще что-нибудь о Джо-Джо.

— Бороды и рога. Обалдеть.

Ее воспаленные мозги окончательно вознесли ее куда-то. Я оставил ее грезить о бородах и рогах и одноруких мужчинах. Ей хватало своих проблем. Большая, некрасивая, и дом — помойная яма. Возможно, она сама создала большую часть своих проблем — но это можно сказать о любом из нас, верно?

Я прошел на Уотер-стрит к гаражу Шмидта. Шмидта не было. Контора гаража стояла запертая. Видно, Шмидт никем не заменил Джо-Джо. Я посмотрел свой список. И плавательный бассейн, и автомобильное училище находились на Двадцать третьей улице. У меня уже болели ноги. Я взял такси.

Вначале я попал в автомобильное училище. Когда спросил о Джо-Джо, меня адресовали к худому бледному человеку в очках и с пронзительным голосом, к инструктору.

— Нет, я не видел Олсена! У него был важный экзамен в пятницу. Он не пришел. А в субботу — практические занятия. Тоже не пришел!

Он был чертовски зол на Джо-Джо. Похоже, полагал, что все это характеризует лично его с плохой стороны. Вероятно, подумал я, он из тех, кто с удовольствием вышвырнет ученика.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы рассказать о Джо-Джо? — спросил я. — Кто-нибудь из учеников — близкий друг?

— Рис-Смит, — сказал инструктор. — Ему, возможно, известно, что затеял Олсен. Хотя я и сам знаю, чем занимается Олсен.

У меня зашевелились уши.

— Знаете?

— А кто не знает? Они все одинаковы. Учишь, учишь их полезному делу, а они только и думают, как какую-нибудь юбку подцепить.

Я вздохнул. У каждого свой «пунктик». Инструктор тратил слишком много времени на учебу мальчишек, которые хотели одного: побыстрее стать взрослыми. Инструктор устал от долгих лет неудач. В душе скопилась горечь. Учитель, который понял, что никто не хочет учиться; все хотят лишь легкого пути к легким деньгам.

— А этот Рис-Смит? — спросил я. — Кто он и где его искать?

— Он инструктор на неполный рабочий день. Мы его иногда приглашаем. Он лучше всех в Нью-Йорке знает об инъекции топлива, только вот большей частью единственное топливо, о котором он думает, — это алкоголь.

Сесил Рис-Смит сидел у стойки бара с таким видом, будто давно уяснил, что стойка бара — лучший друг человека. В его бокале оставалось еще немного пива. Если бы бокал совсем опустел, ему бы не позволили сидеть, ничего не заказывая. А если он не будет сидеть у стойки, то как сможет какой-нибудь щедрый незнакомец угостить его выпивкой? У Рис-Смита, совершенно очевидно, денег не оставалось, одна надежда. Я предложил ему виски. От радости и, надеясь на продолжение, он позволил увести себя в относительно уединенную кабинку.

— Пропал? — кивнул Рис-Смит, когда я рассказал ему о Джо-Джо. — Вот и я думал, где же он. Оп, кстати, щедрый мальчик.

Рис-Смит посмотрел на мой пустой рукав.

— Молодые редко бывают щедрыми, мистер Форчун. Для того чтобы развилась щедрость, нужны страдания.

У меня не было настроения рассказывать историю своей руки. Ни одну из историй о своей руке. Я молча рассматривал Сесила Рис-Смита.

Маленький человечек, худой и жилистый, с сероватой кожей уроженца Британских островов. Усы редкие и светлые, волосы редкие и раньше были светлыми, теперь стали седыми. Руки дрожали, когда он поглощал даровое виски. На-

верное, очень давно алкоголь стал чудовищем, навсегда загнавшим его в этот дешевый бар далеко от дома.

— Давайте поговорим, — предложил я, — и вам присесть еще.

Он, видимо, опустил не до конца.

— Я стал бы говорить о своем друге Джо-Джо и без выпивки, мистер Форчун. Но не откажусь ни от единой капли, которую вы соизволите предложить.

— Извините, — сказал я.

Он пожал плечами.

— Так что там с Джо-Джо?

— Похоже, он исчез. Родственники говорят, уехал по делам. Пит Витанца считает, что это не так.

— Его семья, да, — кивнул Рис-Смит. — Я их никогда не видел. Там что-то не в порядке, мистер Форчун. Джо-Джо беспокоился о своей семье. Я бы сказал, что он ненавидел их и в то же время любил, вы меня понимаете? Он скрытный парень.

— Куда Джо-Джо мог уехать?

— Не знаю, но он просто не может быть далеко от машин или каких-нибудь гонок. Вероятно, Витанца говорил вам о мечтах Джо-Джо? Или, вернее, планах. Он все это сделает. Ему нужны только тренировка и опыт. А стремления хватит.

— Им обоим хватит, — заметил я и рассказал, как пришел ко мне Пит Витанца с полусотней долларов.

— Хороший парень этот Пит, но не такой сильный, как Джо-Джо. Питер больше мечтает, чем действует. А Джо-Джо — скала.

— А вы здесь при чем?

— Я когда-то был гонщиком у «Феррари».

Он посмотрел на свой пустой бокал, и я сделал знак бармену. При этом очередной раз порадовался, что меня выпивка особенно не волнует. В будущее не заглядываю, но пока я ей не увлекаюсь.

— Я был запасным, — сказал Рис-Смит. — Испытывал машины. И еще у меня была бутылка, всегда. Каждый раз, когда мне что-то не удавалось, меня утешала бутылка. Теперь я утешаю бутылку. Но я был водителем. Я знаю гонки. Я знаю об инъекции топлива. Джо-Джо любил со мной говорить.

— Где же он все-таки может быть?

— Я ведь о нем почти ничего не знаю, за исключением его планов.

— А что у него с женщинами?

— Никого с ним никогда не видел. Не те у него интересы. Вот Пит и женщины — это другое дело. — Рис-Смит улыбнулся. — Пит похож на меня. И не то чтобы Джо-Джо не знал, что делать с женщиной. Просто он себя не обременял.

— А викинг?

Рис-Смит засмеялся.

— Ах да, викинги. Он знал все саги. Какие викинги были храбрые, часто говорил он. На парусах любого могли обейти. Он знал имена всех героев саг: Харальд Строгий, Свен Раздвоенная Борода, Халфдан Черный, Харальд Светловолосый, Эрик Рыжий, Овейн Голубой Зуб, Горм Старый... Ему не нравилось, что отец позволяет людям называть себя шведом — они же все норвежцы. Ему это казалось важным.

— Может быть, он отправился в путешествие на машине времени? — сказал я.

Рис-Смит вежливо улыбнулся. Его такие вещи не интересовали.

Рядом с баром я поймал еще одно такси и поехал в плавательный бассейн. Там проверили по журналу: за год Джо-Джо не пропустил ни одного уик-энда в бассейне. А в прошлый уик-энд он здесь не появился.

Я вышел на улицу, чувствуя себя немного не в своей тарелке. Девятнадцатилетний парень пропускает занятия и экзамен, бросает своего друга, пропускает большие гонки, весь уик-энд не плавает. Да он вполне мог быть где-нибудь на пляже в Атлантик-Сити. Есть тысяча объяснений для такого поведения — и что такое четыре дня?

Марти ждала меня, а я всегда старался быть с нею точным.

И все же я чувствовал себя немного не в своей тарелке: Джо-Джо, как бы это выразиться... действительно немножко пропал.

ГЛАВА 4

Мне хотелось отработать пятьдесят долларов Пита Витанца. Джо Олсен никак не походил на «кроликов». Может быть, кто-то подтолкнул его к бегству.

Я проверил больницы, тюрьмы и морг — никаких результатов. Работа была медленная и утомительная. Вы представляете себе, сколько в Нью-Йорке больниц с отделением неотложной помощи?

Затем я перешел к таксомоторным компаниям и аэропортам. Одна ниточка нашлась. Таксист вез в пятницу рано утром парня, очень походившего по описанию на Джо-Джо. Таксист сказал, что, кажется, отвез его из Челси в аэропорт на Ист-сайд. Ничего себе нитка.

Ну, какой бы она ни была, в аэропорту она кончилась. Даже если бы меня и допустили к спискам пассажиров, вряд ли бы они мне помогли. Джо-Джо, решив скрыться, конечно же, взял фальшивое имя.

Всех своих знакомых в барах, ресторанах, кегельбанах, кафе и кондитерских Челси, Вилледж и Литл Итали я просил прислушиваться, присматриваться и при необходимости сообщать мне. Это могло что-то дать, а могло не дать ничего.

Я сел и стал ждать, что кто-нибудь придет и что-нибудь скажет.

Прошло два дня. Ни звука. Хотя, конечно, я и не думал всерьез, что со мной будут откровенны. Я не только запятнан некоторой принадлежностью к «легавам» — несмотря на старую кличку Пират, — но фактически давно не «местный». Слишком далеко я уезжал, слишком долго меня не было.

За последние двадцать лет я много где жил. В большинстве крупных городов мира: Лондон и Нью-Йорк, Париж и Амстердам, Сан-Франциско и Токио...

А жители Челси никуда не ездят. Они выбирают свою роль очень рано и не отступают от нее. Если некто грузчик, он не станет вдруг торговать ботинками. Взломщик сейфов не грабит в аллеях. В Челси любят знать, что из себя человек представляет, чего от него можно ждать в той или иной ситуации, не опасен ли он чем-то неожиданным.

Я же где только и кем только не был... Моряком и официантом, туристским гидом и сельскохозяйственным рабочим, частным детективом и актером, репортером и студентом-переростком. И я убедился, что почти любую работу можно выполнять одной рукой.

В результате получилось, что для Челси я слишком странный. Если, скажем, докер знает больше своего босса, этостораживает... Я стараюсь держать рот закрытым, и многие в Челси не знают всю степень моей чужеродности, но всегда люди что-то чувствуют, чувствуют...

Так вот, прошло два дня, а ничего полезного я о Джо-Джо Олсене еще не узнал. Погода стояла жаркая, мне все больше и больше казалось, что Джо-Джо действительно уехал по своим делам, ничего не сказав Питу Витанце, и еще мне казалось, что намного разумнее было бы проводить время с Марти.

— Как насчет голода, жажды и меня? — спросила Марти.

Марти — одна из причин, по которым я решил некоторое время прожить в одном месте. Мы знакомы уже три года, и я застраховал свою жизнь на ее имя. Это ее не искушает — в наше-то время, когда дети убивают родителей, чтобы на страховку пойти учиться в колледж.

— Посмотрим, — отозвался я, облизываясь.

— Ты пишешь про Джо-Джо Олсена? — спросила она.

Марти любит читать, стоя у меня за спиной, то, что я пишу о своей работе, вместо того, чтобы ее выполнять.

— Это о Джо-Джо или о тебе, Дэн?

— Обо мне, — ответил я.

Я рассказываю историю о Джо-Джо Олсене. Правдивую историю. Так, как все это произошло с Джо-Джо и мною. И не факты, не отдельные события составляют историю. Нет, это делает фон, люди и то, что у них внутри, тени и свет вокруг них. Правда никогда не бывает простой.

Вот, например, получается, что Пит Витанда нарушил одно из правил жизни. По законам Челси, он должен был заниматься своими делами и молчать. А он пришел ко мне. Это очень важно — то, что он ко мне пришел. Если бы он обратился к кому-то другому, кто знает, чем бы все это кончилось. Но он пришел ко мне, потому что я знал его отца, Тони.

История человека — это то, что представляет собой человек. Это люди, которых он знает, любит и ненавидит. История Джо-Джо — это моя история. Без меня она могла быть другой.

Прошло три дня, уже я собирался махнуть на все рукой — но тут события настигли и меня, и первая пролитая кровь оказалась моей.

ГЛАВА 5

Человек, бросившийся на меня из аллеи, был крупный и неповоротливый.

— Отстань от Джо-Джо!

Я не крупный и довольно резвый. Росту во мне примерно пять футов десять дюймов, весу сто шестьдесят футов, а лицо не из тех, что снятся по ночам школьницам. Но я могу поймать муху в воздухе и когда-то прекрасно бегал. Теперь я тоже бегаю неплохо, потому что с одной рукой не очень-то повоюешь. Это называется компенсацией, или адаптацией, или умением использовать то, что у тебя есть.

— Отстань от Джо-Джо!

Ко всему прочему он был излишне эмоционален. Мне повезло — удар пришелся в левое плечо. Нападавший немного потерял равновесие. Этот человек не был обученным бойцом, но мышцами природа наделила его щедро. И кулак мне показался огромным. Я шмякнулся о стену и отлетел от нее, как мячик. Второй удар был нацелен мне в подбородок, но я успел отвести голову назад, и мне лишь слегка досталось по губе.

— Отстань! — рявкнул он снова.

Я ударил его кулаком в лицо, чтобы немного охладить пыл, и тут же изо всей силы ногой в голень. От удара в голень нападавший на меня взвыл от боли. Не мешкая, я направил два мусорных бака ему под ноги.

Наверное, я уже успел выпить в баре «Пэкиз Паб» рюмку виски, когда нападавший на меня осознал, что упустил меня. А меня не покидали мысли о его ботинках.

Когда он упал на мусорные баки, я обратил внимание на его остроконечные двухцветные ботинки, коричневые с бежевым — такие носили гангстеры в двадцатые и тридцатые годы. Несомненно, эти самые ботинки я видел на человеке вблизи полицейского участка в понедельник. Все совпада-

ло — он знал, что я хожу в «Пэкиз Паб», иначе не караулил бы меня в ближайшей аллее. Вероятно, молчаливый телефонный звонок — тоже его работа. Мне очень хотелось знать, кто этот человек.

— Крупный, — рассказывал я Джо и Пэки Уилсону. — Светловолосый или седеющий. Было темно. Квадратное лицо, большое и мясистое, отвисшие щеки, маленькие глазки, говорит с небольшим акцентом. Костюм довольно хороший. Ботинки слишком маленькие для такого крупного мужчины. Двухцветные ботинки, коричневые и бежевые, носки длинные и острые.

Джо задумался. Джо успел поработать почти во всех салунах Челси, во многих проводит время.

— Я его не знаю, — сказал Джо. — Сюда он не ходит.

— Если он тот, о ком я думаю, — медленно проговорил Пэки Уилсон, — то он ходит в хорошие места — в клубы в Вилледж и Литл Итэли. Может быть, в заведения на Пятой авеню.

— У него есть имя, — спросил я, — или нужно догадываться?

— Олсен, — ответил Пэки. — Ларс Олсен. Его зовут Шведом.

Ага, значит, это отец Джо-Джо Олсена. Тут было о чем подумать. Одно дело, к примеру, сказать Питу Витанце, чтобы не лез, куда не просят, и совсем другое — потребовать того же от меня с применением кулаков. Это говорит о степени важности. Швед Олсен очень не хотел, чтобы кто-то вынюхивал след Джо-Джо. Почему?

— Одолжи мне свой пистолет, — попросил я Джо.

Я не ношу пистолет. Это опасно. Когда ходишь с огнестрельным оружием, слишком привыкаешь от него зависеть. Рано или поздно им придется воспользоваться. Человек со «стволом» — это меченый человек. Я неплохо стреляю, но не хочу доказывать это в деле и убедиться, что противник стреляет еще лучше. Пистолет портит мозги. Но иногда его можно использовать как средство убеждения. Олсен уже напал на меня один раз.

— Будь осторожен, — напутствовал меня Джо.

Я засунул пистолет за пояс. Вечером на улице было так же душно, как и в полдень. В списке Пита Витанцы значилось, что Олсен живет на Девятой улице, недалеко от заведения Пэки. Я предположил, что Швед скорее всего пошел домой. Я не жаждал мести и не хотел вмешиваться в жизнь Шведа. Но мне необходимо было продолжить расследование, а это значило, что разговора со Шведом не избежать, и я не хотел, чтобы он подумал, будто ему удалось напугать меня — даже если и удалось.

Не так уж важно выиграть бой, важно, чтобы не победил противник. Я хотел, чтобы Швед усвоил: я поднимусь всякий раз, сколько бы он ни сбивал меня с ног. И еще я хотел

показать, что знаю, кто напал на меня. Я же детектив — пусть подумает, прежде чем связываться.

Здание было не слишком плохое, но и не слишком хорошее. Обычный шестиэтажный дом с пожарной лестницей по фасаду. В отделанном белой плиткой вестибюле я изучил звонки и почтовые ящики и удивился. Олсены жили на шестом этаже, а это дешевый этаж в шестиэтажном доме без подъездной дорожки. Однако, судя по почтовым ящикам, они занимали весь этаж. Получалось, что у них лучшая квартира в доме или, во всяком случае, самая большая. Значит, деньги у них есть и они здесь что-то вроде крупной рыбы в мелком и захудалом пруду.

Из того, что рассказал мне Пит Витанца, я заключил: Олсены, за исключением Джо-Джо, не очень-то утруждают себя работой. Если они паразитировали на какой-то крупной рыбе, выходило, что эта рыба поднимает большую волну. Нажимая на кнопку чьего-то звонка на первом этаже, я думал о ботинках Шведа, его приличном костюме и о том, что выпить он ходит в приличные заведения.

Зажужжала дверь, впуская меня, и я быстро пробежал холл первого этажа. Спрятавшись на первой лестничной площадке, я выслушал ругательства потревоженной мною женщины, которая во всем винила детей-бандитов и их гуляющих матерей. Когда дверь ее квартиры наконец закрылась, я пошел вверх по лестнице.

Швед Олсен не был достаточно обеспокоен или достаточно осторожен, чтобы подумать, почему это сразу зазвонил его верхний звонок, минуя нижний. Собственно говоря, на это я и рассчитывал, потому что я еще не видел в Нью-Йорке ни одного дома, где всегда работал бы нижний, входной звонок, а дверь не оставляли бы приоткрытой для проветривания холла.

Дверь открыл сам Швед. Я узнал человека, напавшего на меня. Костюм он сменил, а ботинки остались прежние. Светлая часть ботинок была перепачкана кофейной гущей. У него было квадратное лицо, светлые волосы почти все поседел. Руки большие. На костяшках правой руки я увидел ссадину. Швед очень удивился. Меня он явно не ждал.

— Фэн Форчун, помните меня? — сказал я. — Кофе хорошо смотрится на ботинках.

Его мясистое лицо стало ярко-красным. Он стиснул свой мясистый кулак. Я распахнул пиджак и показал ему пистолет. Он сделал шаг ко мне. Я вытащил пистолет из-за пояса и помахал им у него перед носом, который рассматривал на шесть дюймов выше моего. Швед медленно соображал. Опасность заключалась в том, что он мог замахнуться, не успев сообразить. Человек посмеее догадался бы, что я не воспользуюсь пистолетом. Швед мог решить, что успеет ударить меня, прежде чем я выстрелю. Но опасность миновала. Взгляд маленьких глазок остановился на пистолете, и он

сделал шаг назад. Я сразу успокоился. Он позволил мне войти в квартиру.

— Какого черта вам нужно, Форчун?

— Поговорить, — сказал я. — Когда мы встретились прошлый раз, было слишком темно. К тому же мы оба были очень заняты в аллее.

— Вы с ума сошли? — сказал Швед. — Я вас раньше никогда не видел.

Очень неумелый лжец этот Швед. Я-то понял, что он узнал меня с первого взгляда.

— Тогда вас не затруднит рассказать мне о Джо-Джо.

Его это смутило. Опять стали стискиваться кулаки. Наверно, на все проблемы, с которыми сталкивался Швед Олсен, он реагировал одинаково: стиснутыми кулаками. Но в этот раз даже он, кажется, понял, что ведет себя непоследовательно.

— А что рассказывать? — осторожно проговорил он.

— Где он, Швед?

Это уж для него было чересчур.

— Я же сказал, отстань!

— Я думал, вы меня никогда раньше не видели?

Он растерянно заморгал. Сейчас был удобный момент воспользоваться его замешательством. Женщина, чей голос слышался вдруг за моей спиной, вероятно, поняла это.

— Убирайтесь отсюда, мистер.

Ее лицо казалось вспаханным и окаменевшим под жарким солнцем полем. Волосы ее были когда-то светлыми, глаза водянисто-голубыми. Теперь глаза стали ледниково-голубыми, седые волосы свисали неровными патлами. Кожа на руках потрескалась. Однако одежда была довольно дорогая. Черное платье свидетельствовало об определенном стиле и вкусе, только вот на ней оно висело как на пугале. Тройное ожерелье из настоящего жемчуга на ее шее было похоже на веревку.

— Я сам этим займусь, Магда, — сказал Швед.

Его голос не мог убедить даже меня. Женщина его проигнорировала. Я видел, кто в этом доме хозяин. Магда Олсен. Жена. Ее можно было принять за мать Олсена, но она была его женой, матерью Джо-Джо. Жизнь сильно потрепала Магду. На меня она смотрела как на таракана.

— Забудьте о моем мальчике, слышали? — сказала Магда Олсен.

— Что с ним случилось, Магда? Может быть, ему нужна помощь?

— Проваливайте.

— Вы не хотите, чтобы он нашелся?

— А кто говорит, что он потерялся? — возразила женщина.

— Я говорю, что он потерялся. Не знаю только, по своей воле или нет.

— Убирайтесь, — сказала Магда Олсен. Она соображала быстрее, чем ее муж. Она уже поняла, что я ничего не знаю. И, разумеется, ничего не собиралась мне рассказывать. Мне приходилось шарить вслепую. Знал я только одно, с Джо-Джо что-то не в порядке. А наиболее вероятная причина бегства — это что он видел человека, напавшего на Стеттина. А если так, то его сейчас кто-то ищет.

— Тот, другой человек, который ищет Джо-Джо, будет играть гораздо грубее, — сказал я. — А я бы помог, если бы нашел его.

Вот тут-то я и понял, что в моих руках настоящее дело. Джо-Джо не прохладается на солнечном пляже. Фраза, которую я бросил, в общем-то, наугад, попала в цель.

У Шведа был такой вид, будто его пнули в самое печное место. Магда Олсен замерла с широко раскрытыми глазами. Перепуганы были оба, но Магда решила ни при каких обстоятельствах не отступать от выбранного курса. А у меня появилось странное чувство в отношении Магды и Шведа. Это можно назвать ощущением. Можно это назвать мнением. Оба беспокоилась, да. Но они беспокоились не о Джо-Джо. Они беспокоились о себе.

— Расскажите мне о том человеке, — попросил я.

— Проваливайте, — тупо повторила Магда.

— Джо-Джо видел, как грабили полицейского?

— Катитесь, мистер! — прорычала Магда.

Если бы я разговаривал со Шведом наедине, то, наверное, чего-нибудь добился. Из соседней комнаты вышли двое мужчин, и моя музыка оборвалась. Они были мальчишки, не мужчины, но очень крупные мальчишки. Оба так сильно походили на Шведа, что, конечно, могли быть только братьями Джо-Джо. За ними я увидел молоденькую девушку. Девушка была красивая. Парни — нет.

— Вали отсюда, — проговорил один из этих парней.

— Мать сказала, чтоб ты убирался, — произнес второй гигант.

У меня был пистолет за поясом. На этот раз я его даже не стал показывать. Парни казались примерно такими же глупыми, как сам Швед, но у него-то за сорок с чем-то лет набрался кое-какой опыт. Он знает, что иногда лучше не спешить. А эти колебаться не станут. Я повернулся и вышел, ничего не сказав.

Они остались стоять в этой своей гостиной, похожей на ярко раскрашенную помойку. Парни и Швед ухмылялись. Я ушел без боя, и они чувствовали себя победителями. Лицо Магды по-прежнему было каменным. Обернувшись у двери, я увидел, что она уже что-то втолковывает Шведу.

Потом я увидел девушку. По всей видимости, это была сестра Джо-Джо. Ее глаза внимательно следили за мной. Мне вдруг показалось, что она единственная, кто не рад видеть мою спину.

ГЛАВА 6

Когда в Нью-Йорке жара, четыре часа ночи — плохое время. Как раз закрываются бары и клубы, и спрятаться от жары некуда.

А для меня четыре часа — хорошее время. Закрываются бары и клубы, освобождается Марти, и мы можем быть вместе. Я пил пиво в «Ривьера-Таверн» и ждал заветного часа.

Сейчас я знал о том, где находится Джо-Джо и почему, не больше, чем когда Пит явился ко мне в контору. Однако теперь было ясно, что он действительно пропал, а не отдыхает где-нибудь. Олсенов не удивила мысль о том, что не только я разыскиваю Джо-Джо. Логически рассуждая, единственная причина — это что Джо-Джо знает нечто лишнее о деле Стеттина и боится за свою жизнь. Станет ли человек, всего лишь ограбивший полицейского, рисковать электрическим стулом, убивая свидетеля? А ведь станет, пожалуй. Одно дело совершить преступление без убийства, ожидая остаться безнаказанным, и совсем другое — наверняка получить срок, оставив живого свидетеля.

И все же мне не нравился вариант, что Джо-Джо был свидетелем нападения на Стеттина. Этого было недостаточно. В Челси детям с пеленок внушают, что нельзя доносить в полицию, нельзя смотреть на то, что не следует видеть. (Да сейчас это и не только в Челси. Никто не вмешивается, никто ничего не видит, все поворачиваются и уходят.) Насколько иным мог быть Джо-Джо? Если он настолько отличался от всех остальных, что отвергал весь кодекс Челси, ему проще всего было бы пойти в полицию. Он же не пошел в полицию, а исчез, и для этого должна быть причина посерьезнее, чем нападение на полицейского. Но что именно? Что было такого особенного и опасного в ограблении Стеттина? Если, конечно, проблема вообще в этом.

Но вот наступило четыре часа ночи, и я в прекрасном настроении быстро шел на встречу с Марти. Вероятно, она уже успела вернуться домой. Я продолжал размышлять об Олсенах. Они беспокоились. Но не о Джо-Джо. В этом я не сомневался. Они беспокоились о себе. Как будто их постигла какая-то общая беда. Я не думал, что это неприятности с полицией. Они были зло-обеспокоены, а не испуганно-обеспокоены. Как будто ходили по яичным скорлупкам. Они как будто дышать боялись. Почему?

Вопросов было намного больше, чем ответов. Что в исчезновении их сына так тревожит Олсенов? Похоже, они беспокоятся не за него, а за себя. Их беспокоит, что кто-то ищет Джо-Джо, потому что от этого может быть плохо не Джо-Джо, а им...

— У тебя ужасный вид, — сказала Марти у двери. — Входи.

Мартина Адэйр. Так значится в театральных программах

(театры не бродвейские, конечно) и на афишах клубов, где выступают полуголые девицы. Как ее зовут в действительности, не имеет значения. Марти двадцать семь лет. Молодая, но не ребенок. Работа для нее важнее всего на свете. Актерская игра, а не шоу с девицами. Она решила стать великой актрисой.

На Марти пиджамная куртка, видны белые трусики. Она посит только белое белье. Говорит, что в ночных клубах, где она подрабатывает — нужно же на что-то жить, — ей до смерти надоели разноцветные финтифлюшки. Квартира у Марти большая, типичная для Вилленд: старая, удобная и дорогая. Мебель Марти подобрала сама. Антиквариат — ее хобби. Реставрировала она мебель тоже сама. (Вот какую картину я не забуду, что бы со мной ни случилось в конечном счете: Марти в белой рубашке, испачканной лаком для мебели, с грязным лицом, с руками цвета старого кожаного ремня, в рваных джинсах, безумно счастливая работает с полюбившимся ей старым столом.)

— Введи меня в курс дел, — сказала она. — Кто тебя удурил?

Мы лежали на диване, который она купила на распродаже старой гостиничной мебели. На нем мог вытянуться во весь рост гигант, если бы еще были гиганты. Мне нравится этот диван. Я лежал на одном его конце, Марти на другом. Наши ноги соприкасались. Я рассказал ей о Шведе и остальных Олсенах. Она нахмурилась.

— Ты можешь это бросить? От этого дела пахнет чем-то дурным.

— Я взял пятьдесят долларов. Поработаю еще немного.

— У этого Джо-Джо большие неприятности, бэби, — задумчиво проговорила она. — Он не просто так ушел. Может быть, ты ему не нужен.

О, Марти знает, что такое неприятности и как люди на них реагируют. Она никого не осуждает. Марти знает, что одни, пытаясь забыть свои неприятности, пьют виски, другие прибегают к женщинам или наркотикам. А кто-то смотрит ТВ по десять часов в день или бьет своих детей... Она знает, что у большинства из нас есть какая-то маска, которую мы показываем миру, привыкаем считать, что это и есть наше настоящее лицо. Она знает, что у каждого есть убежище. Таким убежищем может быть бар или игла в вене — или какой-нибудь закрытый клуб для лучших людей города...

— У Джо-Джо не было неприятностей, — твердо заявил я. — Так сказал Пит Витанца, да я и сам это теперь вижу.

— Хороший мальчик, который много работает, откладывает деньги, строит планы, — медленно проговорила Марти. — Но он сбежал, а его отец пытался избить тебя, чтобы у тебя отпало желание его искать.

— Несомненно, он хочет, чтобы я прекратил поиски.

— Никто не может знать о другом человеке всего, — за-

метила Марти. — У этого Джо-Джо могли быть какие-то неприятности, а Витанца просто ничего не знал.

— Похоже, так, — кивнул я, — но что именно?

— Присмотрись к его мечте и его семье, — посоветовала Марти. — Возможно, здесь и кроется разгадка. Вот возьми меня, Дэн. Мне было шестнадцать, мать пьяница. Мальчишки в колледже обращались со мной как с грязью, потому что я была городская девчонка и не входила в студенческую женскую организацию. Я решила стать свободной и знаменитой. Ставлю сто к одному, исчезновение Джо-Джо связано с его семьей.

— Может быть, патрульный Стеттин тоже как-то замешан, — возразил я.

— И ты занимаешься делом об избииении полицейского за пятьдесят долларов?

— Может быть, Джо-Джо уже мертв, — заметил я. — Черт возьми, Марти, я ничего не могу понять. Единственное, что ему нужно было сделать, это пойти к полицейским. Они быстро бы схватили того, кто напал на полицейского, и у Джо-Джо не было бы никаких проблем.

— Что же ты собираешься делать? Решил стать частным полицейским?

— Я решил регулярно питаться. А здесь я могу заработать на жизнь только частным сыском. Если я вернусь на море, кто будет заботиться о тебе?

— Да уж кто-нибудь найдется.

— Похоже, ты хочешь, чтобы я сделал из тебя честную женщину.

— Может быть, мне захотелось свить гнездо, — задумчиво проговорила она. — Или просто я устала.

— Хватит, не пугай меня.

— А ты бы так сильно испугался?

— Нет... и вот это меня действительно пугает. Мне может это даже понравиться.

— Хорошо бы, если я могла вернуть тебе руку, — сказала вдруг Марти.

Она улыбалась мне с дальнего конца дивана. Я коснулся ее ноги кончиками пальцев.

— Никто не может вернуть мне руку, но ты вернула меня в мир.

— Это так?

Так. Иногда Марти — единственное, что дает мне силы встать утром с постели.

— Идем в постель, — сказала она.

Однорукому нужно больше времени, чтобы раздеться. У Марти спальня большая, кровать вполне ей соответствует. На столике у кровати — телевизор. Неоновая вывеска на улице мигает красным и желтым почти всю ночь. Марти нравится эта мигающая вывеска внизу. Марти боится темноты, ей становится страшно, когда она не слышит голосов.

Она боится засыпать. В постели Марти много смеется. Играет в разные игры. Но когда игры кончаются, она крепко обнимает меня. Мне знакомо это чувство. Мне знаком страх, переполняющий наш мир. Сейчас я вдруг стал думать о том, в чем нуждался Джо-Джо Олсен и где он сейчас. Я ждал Марти в постели и думал, что, может быть, Джо-Джо лежит сейчас где-нибудь в тишине и боится уснуть.

— Дэн.

Она произнесла это очень тихо. Я поднял глаза. Я ожидал, что она совсем близко от меня — но нет, Марти стояла у окна и смотрела вниз, на темную улицу. Я встал и подошел к ней. Она чуть приоткрыла тяжелые шторы.

— Вон там, — сказала она.

В этот час улица была совсем темной. Неоновая вывеска давно погасла. Но уже начиналось утро, и на востоке небо чуть посерело. Я разглядел их.

— Да, — прошептал я.

Их было двое. Тени, спрятавшиеся у входа в дом через улицу. Я их знал: не имена и не лица, но я их знал. Это были бандиты, «солдаты» преступного мира. А от этого места, где они стояли, хорошо видно только одно здание — то, где находились мы с Марти.

— Ничего, — сказал я. — Они охотятся за мной. Сюда они не попытаются войти.

— Дэн, мне это не нравится.

— Мне тоже. Идем в постель.

Страх иногда действует странно. Он обострил наше желание.

Марти уснула, когда уже совсем рассвело. Я лежал без сна. Двое мужчин на улице — это придало делу совершенно иной поворот.

Я думал, во что же меня впутали пятьдесят долларов и парень, который хотел найти своего друга?..

ГЛАВА 7

Телефонный звонок разбудил меня в десять часов. Марти еще спала. Я поплелся к телефону, постанывая. Голос в трубке был незнакомый и официальный. Человек назвался лейтенантом Доланом из полиции Нью-Йорка и сообщил, что капитан Газзо хочет меня видеть немедленно.

Я повесил трубку и пошел обратно к кровати, думая — ну вот и все. Нашли Джо-Джо, надо полагать? В реке? Под кучей старого мусора в подвале? Я совершенно точно знал, о чем хочет говорить со мной капитан Газзо. Мои расспросы о Джо-Джо не могли остаться незамеченными полицией. А Газзо занимается убийствами. Мне страшно хотелось лечь обратно в кровать, но вместо этого я встряхнулся, чтобы окончательно проснуться, и потрогал Марти за плечо.

Она огрызнулась и поглубже зарылась в подушку. Марти не любит просыпаться, как не любит засыпать. Под простыней она казалась маленькой и очень нежной. В этот момент мне подумалось, что не может быть ничего настолько важного, чтобы я оставил ее. И все же я знал, что уйду. Если, конечно, мне позволят уйти.

Я подошел к окну — проверить. Те двое были на месте. В некотором смысле мне их стало жаль: ночь, наверное, показалась им длинной. Я оделся и подошел поцеловать Марти. Она обругала меня и перевернулась.

— Не открывай никому, кого не знаешь, — приказал я.

Я шлепнул ее по бедру. Она открыла один сердитый глаз.

— Ты меня поняла?

Она закрыла глаз и кивнула.

Я стал спускаться к первому этажу. Вышел через заднюю дверь во двор. Перелез через забор, прошел пасквозь дом, стоявший позади дома Марти, и оказался на следующей улице. Для уверенности я сделал еще несколько замысловатых поворотов вокруг домов и прошел через чужие двери и задние дворы. Жара отбила всякое желание завтракать. Я выпил две чашки кофе в закусочной и отправился в полицию.

Капитан Газзо — старый полицейский. Я его знаю с детства. Он был знаком с моей матерью. Газзо называет меня Дэном, если мы встречаемся не по официальному делу. Он никогда не был женат и живет только своей работой. Газзо хороший полицейский и понимает, что его долг — помогать жителям города, а не запугивать их. Но он также понимает, что полиция — это необходимое зло; очень хорошо, что он это понимает. Газзо тоже человек, и ему иногда кажется, что он сумасшедший. Так ведь и мир сумасшедший, и чтобы справиться с ним, может быть, и нужно быть сумасшедшим... А еще он говорит, что не знал бы, как обращаться с нормальным человеком, потому что таких еще не встречал. К ненормальным он относит и меня. Ему виднее.

Несмотря на утренний час и жару, в кабинете Газзо было сумрачно: он задернул шторы. Газзо утверждает, что солнце несовместимо с его работой. По его серым глазам было видно, что он опять плохо спал. Некоторые говорят, что капитан иногда вообще не спит, что у него нет кровати, да и дома-то нет своего, дома в привычном смысле. Эти люди шутят, что на ночь Газзо подшивает себя к очередному досье у себя в кабинете. Но я знаю, что у Газзо бессонница. Он этого не скрывает. Он говорит, что для полицейского бессонница — все равно что нашивки за боевое ранение. Или знак того, что ты еще человек.

Газзо не тратил время на вступление и, пригласив сесть, сразу приступил к делу.

— Прежде чем ты начнешь распространяться насчет своих прав, защиты клиента и прочего, я тебе вот что скажу. Я знаю, что ты ищешь Джо-Джо Олсена. Ты считаешь, что

он пропал. Все это мне уже рассказали. Теперь ты скажешь мне, кто, что, когда, где, почему и как. О'кей?

— Джозеф, Джо-Джо, Олсен, — медленно проговорил я. — Работает на Уотер-стрит в гараже Шмидта. Отсутствует с утра прошлой пятницы. Я пытаюсь выяснить, почему его нет и где он. Меня напал его друг, Некто Пит Витанца. Пока еще я не нашел ни волоска от Олсена.

— Джозеф Олсен... — Газзо задумался, и через некоторое время из компьютера, которым была его голова, выскочила перфокарта. — Он имеет какое-то отношение к Шведу Олсену?

— Сын, — кивнул я, — Швед его скрывает.

Я рассказал с неудачной попытке Шведа избить меня, кое-что о разговоре со всеми Олсенами. Я не упомянул, что у меня был пистолет и что, по моему мнению, у Олсенов какие-то свои неприятности. Ни слова также о двух телях под окном Марти. Похоже, Газзо все это заинтересовало, но с капитаном ничего нельзя знать наверняка. Мы знакомы двадцать пять лет, а я так и не понял, любит он меня или ненавидит.

Газзо потер свой подбородок, поросший седой щетиной.

— Значит, парень работает в гараже Шмидта?

— Работал.

— Он был там в четверг, а в пятницу его уже не было?

— Вот именно.

— Интересно, — пробормотал Газзо. — Ты пока еще ничего не знаешь о том, куда он сбежал и почему?

— Ничего. А теперь расскажите, что есть у вас, капитан. Вы же не из-за этого мальчишки меня сюда вытащили.

Газзо улыбнулся.

— Я думал, ты махнул на мир рукой, Дэн.

— Я махнул, да он отмахивается, — неопределенно проговорил я, — так в чем дело, капитан?

Газзо нажал кнопку. Вошла женщина в полицейской форме. Газзо, казалось, удивился, увидев ее. Я знаю, что она работает у Газзо уже несколько лет. А он по-прежнему рассматривает ее лицо, как бы определяя, не пора ли этому полицейскому побриться. На ее синюю форменную юбку он смотрит с недоумением: что-то тут явно не в порядке.

— Дело Джоунса, э, сержант, — сказал капитан.

Газзо видел, наверно, уже все ужасы и извращения в человеческой жизни, но привыкнуть к женщине-сержанту он не может. Когда она вернулась, он взял папку с делом без улыбки.

— Тани Джоунс, но это не настоящее имя, — начал читать Газзо. — Настоящее имя: Грейс Энн Мерц. Родилась: Грин Ривер, штат Вайоминг. Родители живут там. Белая, двадцать два года, волосы светлые, рост пять футов восемь дюймов, вес 132 фунта. Манекеница и хористка. Работала

в «Голубом подвале». Это туристский клуб на Третьей улице. Газзо посмотрел на меня.

— Твоя птичка работает в одном из туристских клубов, правильно?

— В «Вэт Клуб» Монте.

— Она знает Тани Джоунс?

— Мне об этом ничего не известно. Когда Марти одевается после работы, она выбрасывает из головы все клубы. И если уж мы говорим о работе, то актерской. О настоящем мастерстве.

— Но, может быть, в этот раз? — настаивал Газзо. — Могли же быть какие-то разговоры.

— Она не общается с клубными девицами вне работы, капитан. Все время, которым располагает, она проводит с театральным народом, — объяснил я. — А что случилось? Она умерла? Ее убили? В четверг или пятницу?..

Это была простая догадка. Газзо занимается убийствами. Он интересовался парнем, который был на Уотер-стрит в четверг и пропал в пятницу.

— В четверг пополудни, — сказал Газзо. Он продолжал изучать дело. — Жила она в дорогой четырехкомнатной квартире в доме без швейцара на Дойл-стрит. Лифт самообслуживания. Тело нашла утром в пятницу служанка, которая приходит два раза в неделю. Смерть наступила от огнестрельной раны в голову, стреляли с близкого расстояния. Оружие было тридцать восьмого калибра. Квартиру очистили. Пропало много драгоценностей. Примерно на пятнадцать тысяч долларов. Есть страховочный список украшений. Ее приятель тоже подтвердил факты пропажи и сказал, что больше ничего не тронули.

Читая, капитан время от времени поглядывал на меня. Я не мог понять почему. Может, он думал, я знаю больше, чем это было в действительности. А что я мог знать? Ну, хорошо, картину я понял: Дойл-стрит была в квартале от Уотер-стрит. Но за сутки в Уэст-сайд случается пятьдесят преступлений с применением насилия, а убийство с ограблением получает в газетах лишь несколько строк.

— Вероятно, здание на Дойл выходит задней стеной к Уотер-стрит? — поинтересовался я. — Тот же поперечный блок, в котором стоит гараж Шмидта на Уотер?

— С боковой аллеей, которая выходит на обе улицы, — кивнул Газзо.

Я представил себе город с птичьего полета. В большинстве городов трущобы и зоны среднего класса разделены должным образом. Реки делают из Манхэттена нечто особое. Манхэттен, на котором и расположен наш Нью-Йорк, — остров, места мало, расширяться некуда. В результате город движется кругами. Частные дома, роскошные доходные здания перемешиваются с маленькими фабричками и еще черт зна-

ет с чем. А новые здания на улицах со смешанным населением — первейшая цель для воров.

— Она застала вора на месте? — спросил я.

— Похоже, что так. Дверь была заперта и на цепочке. Служанке пришлось воспользоваться задним входом. Задняя дверь открыта, замок взломан. Эта дверь ведет на служебную лестницу, которая спускается к аллее и подвальному гаражу. Аллея выходит на Дойл-стрит одним концом и на Уотер-стрит — другим. Вора никто не видел.

— Среди бела дня? — подчеркнуто сказал я. — Притом что женщина была дома.

— Ее приятель говорит, что Тани всегда уходила во второй половине дня, она работала манекенщицей. В четверг позвонила, сказала больно и отменила встречу с фотографом. Фотограф говорит, она часто пропускала встречи... Постель была разобрана, измята. На женщине была комбинация, трусики, бюстгальтер.

— Драгоценности где-нибудь всплыли?

— Нет, — ответил Газзо и резко переменял тему: — Расскажи мне еще про этого парня Олсена.

Я понял, почему он переменял тему. Капитан не хотел говорить о драгоценностях. Они давно уже должны были где-то появиться. Воры быстро разгружаются. Я не настаивал. Если Газзо что-то скрывает, на это есть свои причины.

— Да я все рассказал, — неохотно проговорил я. — Он исчез, точка.

— Ты думаешь, этот Джо-Джо что-то видел?

— Драгоценности не всплыли, — я медленно покачал головой. — Если даже вор вышел на Уотер-стрит, то что мог увидеть Джо-Джо? Просто идущего человека.

— Может, он увидел кого-то в аллее?

— Ну и что? Откуда он мог знать?..

— А вдруг он узнал этого человека? Потом услышал об ограблении и убийстве — и сопоставил все эти факты. А тот человек тоже увидел его и узнал.

Это была хорошая версия. Я мог в нее поверить. Но некоторое время все же сопротивлялся.

— И он, значит, болтался здесь с вечера четверга до утра пятницы? — недоверчиво проговорил я. — Я хочу сказать, если убийца его видел, то что столь долго удерживало убийцу? Мой клиент говорит, что разговаривал с Джо-Джо утром в пятницу. Джо-Джо, по его словам, нервничал — но он ведь не прятался.

Тут Газзо призадумался. По логике, если Джо-Джо и убийца знакомы и убийца знал, что его видели, а Джо-Джо считал себя в опасности, то убийца должен был сделать что-то в отношении Джо-Джо еще вечером в четверг. Получавшаяся отсрочка не имела смысла — разве только?.. Я подумал о Шведе Олсене.

Не так уж много людей ходит по улицам, на которых можно обратить внимание без особых причин. А если к тому же ты на мотоцикле, новом мотоцикле... Однако если вы увидите своего отца, хотя бы мельком, то заметите и задумаетесь. По какой-то причине это, видимо, не пришло в голову Газзо. И я по-прежнему не чувствовал, что Олсенов беспокоят возможные осложнения с полицией. Да и вообще, зачем Джо-Джо убегать, если он увидел своего отца? Не многие парни доносят на своих отцов.

— А что же Стеттин? — сказал я. — Совпадение? Или, может быть, видел вора?

Газзо опять потер седую щетину на подбородке. Капитан старается бриться как можно реже. Двенадцать лет тому назад ему облили кислотой лицо, и у него нежная кожа.

— наших людей никто не может обвинить в бездеятельности, — заявил капитан. — Если бы Стеттин что-то увидел, он бы устроил целый бой. Но он говорит, что ничего не видел.

— Но вор-то мог подумать, что Стеттин его разглядел.

Газзо вздохнул.

— Да если бы вор только заподозрил, что Стеттин его заметил, разве он оставил бы его в живых? За ним ведь уже было убийство.

— Убить полицейского? Вы бы его из-под земли достали.

— Если он думал, что попался на глаза Стеттину, он мог или убить, или ничего не сделать, Дэн. Третьего варианта нет. Зачем просто ударить его и оставить живым, чтобы он потом мог опознать преступника? Стеттин ведь за ним не гнался. Вот тогда я мог бы понять. Спасаясь от преследования, тот человек мог присгукнуть полицейского. Но Стеттин вообще ничего не видел. Он понятия не имеет, кто на него напал. — Газзо улыбнулся. — Стеттин очень смущен — действительно, в положение он попал дурацкое. Наверное, больше всего переживает из-за ботинок. Мы же его без ботинок нашли. Хорошо еще брюки не потерял.

Газзо был прав. Стеттин как-то со всем этим не вязался. Может быть, Джо-Джо видел все же грабителя, а не убийцу. Или убийцу, а не грабителя.

— Какие-нибудь улики есть? — поинтересовался я.

— Улики? — Газзо кисло поморщился. Уликами дела не раскрывают. — Ну, конечно, одна у этой Джоунс. Проигравший талончик на лошадиных бегах в Монмут Парт днем раньше. На полу рядом с телом. Это оказалось единственным, что не принадлежало Тани и ее любовнику.

— Спасибо, — фыркнул я. — Толку от этого талончика... — и добавил: — А по времени что-нибудь совпадает?

Газзо заглянул в папку. Женщина умерла между пятью тридцатью и шестью тридцатью пополудни. На Стеттина напали около шести тридцати.

Да, вопрос о времени в данном случае играл большую

роль. Джо-Джо и Пит Витанца были в гараже Шмидта часов до шести. А в этом деле все решали какие-то полчаса. «Около шести часов» — это могло означать пять тридцать и возможность ограбить квартиру Тани Джоунс.

Газзо внимательно смотрел на меня.

— Молодой Олсен ставит на лошадей, Дэй?

Я поднялся.

— Он занимается машинами и мотоциклами. Может, он действительно уехал по делам.

Я в это не верил, Газзо — тоже.

Когда я уходил, капитан давал по телефону указание объявить Джо-Джо Олсена в розыск.

На улице я направился в подземник. То, что я услышал от Газзо, проясняло картину примерно в той же степени, что и все остальное, услышанное мной за последнее время. Чем больше я думал об этом, тем труднее мне было представить Джо-Джо в роли грабителя или убийцы. Мне кажется, что Газзо — тоже. В Челси любой ребенок знает, что нельзя идти на дело в своем квартале — а потом выдавать себя бегством.

Что же касается Шведа Олсена, то тут тоже ничего не получалось. Если убил Швед, то сбежать должен был он, а не Джо-Джо. Нет, ни один из них не должен был убежать. Может быть, преступление совершил Швед, а Джо-Джо было стыдно. Может быть, в этом все и дело. Джо-Джо убежал от отца, о котором узнал, что он вор и убийца. Это объяснение казалось наилучшим из тех, что до сих пор приходили мне в голову. И это неплохо характеризует мою голову.

Я решил посетить гараж Шмидта. Как-никак, Джо-Джо работает там, и обойти это место я просто не мог.

Меня смущали обстоятельства смерти Тани Джоунс. Я имею в виду теорию о том, как ее убили. Чрезвычайно редко бывает так, чтобы вор запаниковал и воспользовался пистолетом. Даже воры-любители и наркоманы. Джо-Джо если и был любителем, но уж никак не наркоманом. Кроме того, если предположить, что этот вор по какой-то причине напал на Стеттина, то любителем здесь и не пахло. Нападение на полицейского было проведено профессионально. Конечно, пока еще не найдена связь между ограблением квартиры и нападением на Стеттина, за исключением того, что произошло это примерно в одно время в соседних кварталах. Но что мне особенно не нравилось, так это теория о запаниковавшем воре. Жертву грабежа убивают только в том случае, если она сопротивляется.

Профессиональные воры носят пистолеты, да, хотя реже, чем вы могли бы подумать. А пользуются они ими еще реже. Этот вор произвел идеальный вход и выход. Его никто не видел. А по теории, его застигла проснувшаяся в своей спальне женщина, и он ее застрелил. Не должен он был в

нее стрелять. Разве что Тани его узнала — а это уже совсем другая история.

Старый Шмидт лежал под машиной, откуда высовывались его тощие ноги. Услышав, зачем я пришел, он вылез. Шмидт был маленький пухленький человечек лет семидесяти. Седеватосый и с розовым круглым лицом херувима.

— Я беспокоюсь, — сказал старик. — Джо-Джо — хороший мальчик, усердно работает. Он уехал и ничего не сказал мне. Это странно. Я беспокоюсь.

— Может быть, просто захотелось развеяться, у мальчишек это бывает.

— Он бы сказал мне. И мотоцикл. Вот он.

Старик показал на мотоцикл, стоявший в углу гаража. Он был аккуратно прикрыт тяжелым пластиковым чехлом. Мотоцикл блестел под пластиком, как брильянт. Джо-Джо заботился о своем мотоцикле.

— Я ходил к его отцу, — продолжал Шмидт. — Он говорит, Джо-Джо уехал по делам. Ха! Я чувствую, что он врет. У него беспокойно на душе.

— Что вы знаете о Тани Джоунс и патрульном Стеттине?

— Женщина, которую убили, и полицейский? Я знаю только о чем читаю, слышу. Больше ничего. Думаете, Джо-Джо? Никогда! Нет!

— У него были какие-нибудь неприятности? Или, может, появились новые друзья? Что-нибудь не так с девушкой? Или вдруг потребовались деньги?

— Нет. В четверг он весь день занимался здесь мотоциклом, в пятницу не явился на работу. Ничего не сказал. Мне это не нравится.

— А что с этой девицей по фамилии Дрисколл?

— Дрисколл? Ну... она была здесь раз или два. Ей нужен был Джо-Джо. Она поговорила с Питом и Джо-Джо. Джо-Джо ушел. Он не хотел с ней общаться.

— Где я ее могу найти?

Шмидт пожал плечами, потом вдруг поднял палец вверх.

— Подождите! Кажется...

Он как мальчишка побежал в контору. Вернулся с цветной брошюрой. Я взял брошюру. Это было туристское издание по Италии. Бросались в глаза фотографии красных гоночных машин «Феррари».

— Она принесла это для Джо-Джо, вот, — сказал Шмидт. Он показал на штампик на задней стороне обложки. — Она там работает.

Я прочитал адрес: туристическое бюро «Трафальгар», Западная улица, 46.

— Да, — кивнул Шмидт. — Она там работает. Вы думаете...

Он не договорил. Зазвонил телефон. Шмидт поднял трубку. Розовое лицо хозяина стало темно-красным.

— Избили Пита! Он в больнице святого Винсента.
Больница святого Винсента располагалась в нескольких кварталах. Я побежал туда.

ГЛАВА 8

Мне сказали, что Пит, вероятно, будет жить. Сказали также, что и зрение вернется. Он не был слепым, только так казалось. Вместо лица я увидел одну сплошную повязку.

— Оба глаза заплыли, — сказал врач. — Нос сломан, одна скуловая кость тоже. Я никогда еще не видел столько синяков сразу, можете мне поверить.

В тело Пита поступали какие-то жидкости из висевших над ним трубок. Он был в полусидячем положении. Питу сломали обе руки. Но большую опасность представляли сломанные ребра и внутренние повреждения от пинков.

— Ему сделали полную обработку, — сказал врач, криво усмехаясь.

Полиция тоже присутствовала, поскольку ясно было, что Пит не упал с лестницы. В палату меня впустил лейтенант Макс. Сопровождавший его полицейский согласился с врачом, что это впечатляющее избиение, но он не думал, что это сделали профессионалы.

— Любители, — уверенно сказал старый патрульный. — Били руками и ногами. Слишком много крови и повреждений, а боли недостаточно. Похоже, они били его, когда он был без сознания. Так информацию не вытянешь. Любители.

— Им нужна информация? — задал я вопрос Максу.

— Да, — кивнул лейтенант. — Он не мог говорить, но мы спрашивали, и он кивал. Мы не знаем, что их интересовало.

— Где это произошло? — спросил я, потом до меня дошло, что все говорят во множественном числе. — Их? Сколько же их было?

— Двое, — ответил Макс. — Его нашли в аллее. — Он подозрительно взглянул на меня. — А почему вы интересуетесь, Форчу?

Но я не ответил, я думал о двух мужчинах. Двое избили Пита почти до смерти. Двое стояли прошлой ночью на улице и наблюдали за домом Марти. Тут уж понятно было, что эта пара шла по следу Джо-Джо Олсена. Да, я во что-то впутался, и мне это не нравилось, но я уже начинал злиться, глядя на повязки, трубки и висевшие вверх дном бутылочки, которые полностью скрывали Пита Витанцу.

— Он мой клиент, — наконец ответил я Максу.

— Этот мальчишка?

— Он хочет, чтобы я нашел его друга. Джо-Джо Олсен — помните?

Макс кивнул.

— Да, помню. Он ведь объявлен в розыск. Интересно, что он сделал?

— Вот и мы хотели бы это знать, — усмехнулся я.

— Вы думаете, эти двое, что обработали Витанцу, тоже гоняются за Олсеном?

— Может быть, — согласился я. — Или же они не хотят, чтобы кто-то нашел Олсена.

Макс внимательно смотрел на меня. Он был не дурак, этот Макс.

— Вы разыскиваете Олсена?

Я кивнул, глядя па то, что осталось от Пита Витанцы. Кто-то провел ледяным пальцем мне по спине. У меня только одна рука, и я хочу, чтобы она осталась целой.

— Ходите по середине улицы, — посоветовал Макс. — Есть какие-нибудь идеи о том, кто были эти двое?

— Если б были, об этом уже знала бы вся полиция, — с чувством проговорил я.

— А при чем здесь отдел убийств?

— Там считают, что это может быть связано с убийством Тани Джоунс.

— Вот как...

А я, естественно, в первую очередь думал о Пите.

— Могу я с ним поговорить?

Врач пожал плечами.

— Он не в состоянии ответить.

— Пусть хотя бы кивает.

— О'кэй. Две минуты, не больше. Потом всем выйти, — сказал врач.

Я склонился к повязкам. Это было все равно что говорить с трупом. Пит мог лишь чуть-чуть шевелить головой.

— Ты их узнал?

Отрицательное движение головы, очень медленное.

— Они спрашивали о Джо-Джо?

Утвердительный, едва заметный кивок.

— Они хотели, чтобы ты прекратил поиски Джо-Джо? Они хотели сами его найти?

Утвердительное движение. Это становилось все более интересным.

— Джо-Джо знал некую Тани Джоунс?

Ничего. Никакого движения. Потом я увидел едва заметное движение. Пит пожал плечами.

— Тебе не известно, был ли Джо-Джо знаком с Тани Джоунс?

Утвердительное движение. Очевидно, имя Тани Джоунс ничего ему не говорило.

— Ты сказал, что у Джо-Джо какие-то неприятности. Он казался испуганным?

Пожатие плечами, которое я едва заметил.

— А эта девица Дрисколл... Она доставляла Джо-Джо неприятности?

Пожатие плечами.

— Хватит, — вмешался врач.

Тело Пита напряглось. Он хотел говорить. Я высказал догадку:

— Нэнси Дрисколл может что-то знать?

Быстрый утвердительный кивок.

Потом по телу Пита пробежала какая-то дрожь. Врач наклонился к нему и сразу выпрямился.

— Он потерял сознание. Всем выйти. Вон!

Лейтенант Макс оставил полицейского у двери. Мы с Максом вышли из больницы и обнаружили, что по-прежнему жарко, по-прежнему лето, вторая половина дня. А ощущение было такое, что должны быть ночь и зима. Сейчас я не думаю ни о Джо-Джо Олсене, ни о Тани Джоунс, ни о патрульном Стеттине, ни о законе и порядке. Я думал о Пите Витанце и людях, которые могли так избить девятнадцатилетнего мальчишку. Я не хотел правосудия, я хотел разделаться с ними сам. Это как в политике: меня не волнует Программа борьбы с бедностью, меня волнуют бедные. Ну и, конечно, я не мог не думать о себе. Те люди интересовались мною.

— Берегите себя, Форчун, — сказал Макс на прощание.

Интонация насторожила меня, и я замер, глядя, как удаляется полицейская машина. Лейтенант знал что-то и не говорил мне. Газзо тоже знал. Я чувствовал, что это связано с Тани Джоунс и ее убийцей и тем, почему убийца не спешит расстаться с добычей.

Во всем этом было еще что-то. Какая-то третья сила. Теперь я в этом не сомневался. Третья сила, которая пока проявила себя лишь двумя тенями на ночной улице и двумя неизвестными мужчинами, которые задавали вопросы мальчишке и били его. Может быть, это те же самые двое, может быть, другие.

Я отправился к Марти. Она уже встала с постели и причесалась. О ночных тенях она уже забыла. Мы пошли в открытое кафе «О. Генри». Я любовался самым красивым видом в Нью-Йорке: Марти в короткой юбке.

— Ты грязный старик, Дэн Форчун, — заявила Марти.

— А разве бывают другие? Вы, красивые молодые девушки, не даете нам, старикам, состариться с достоинством.

— Я красивая?

— Для меня — да, — сказал я, — и на сцене. Вот что важно: для своего мужчины и в своей работе ты красивая. Она наградила меня улыбкой.

— Ты знала Тани Джоунс, Марти?

Она отрицательно покачала головой.

— Нет. Тебе ведь известно, я с этими девицами не общаюсь. Это ее убил вор, правильно? Одна из девушек говорила о ней несколько дней назад. Тани я никогда не видела. «Голубой подвал», он же в двух кварталах от нас. Какой

ужас, Дэн. Я хочу сказать — дурацкая смерть для молодой девушки.

— Около твоих девушек болтались какие-нибудь мужчины? — спросил я.

— Около девушек всегда...

Марти умолкла. Глаза ее расширились. Она сидела лицом к Шестой авеню, а я спиной. Я обернулся.

— Хелло, Дэнни.

Он подошел и сел напротив меня за наш столик размером с почтовую марку. Энди Паппас. Ничего не подозревающие люди проходили совсем рядом, а Паппас сидел и улыбался. Если не считать цены его костюма, которая могла быть только трехзначной, Паппас выглядел как любой обычный человек. Фетровая шляпа была темно-голубой, тропический костюм — темно-голубой в едва заметную полоску. Рубашка, в голубую и белую полоску, вполне соответствовала времени дня. Галстук строгий, ботинки из мягкой черной кожи... Из-под тонкого пиджака нигде не выпирал пистолет.

— Очень рад тебя видеть, Дэнни. Выпьем все вместе?

Я знаком с Энди Паппасом всю свою жизнь. Мы одного возраста. Выросли вместе — здесь, рядом с рекой. В одно время стали интересоваться девчонками. Окончили среднюю школу в одном классе. Вместе воровали в те ранние дни. Энди знает, как я потерял руку. Это с его наводки мы с Джо пошли тогда на голландское судно. И Энди сбыл бы добычу, если б я не сломал руку. Пожалуй, Энди Паппас — главная причина того, что местные до сих пор считают меня отчасти своим. В Челси никто не захочет понять, что можно быть близко знакомым с Энди Паппасом и не возносить за это хвалу Господу каждый вечер. Мы росли вместе, да, но на этом все и кончилось. Джо бедный и работающий. Я бедный и зарабатываю себе на жизнь, хотя особо себя не утруждаю. Энди богат, и никто не знает точно, в чем заключается его работа.

— Моим друзьям повторите, а мне немного «реми-мартена», — сказал Энди официанту. Официант был вежлив. Энди был вежлив. Он улыбнулся мне. — Поздоровайся со мной, Дэнни.

Энди Паппас — босс. Босс, вот и все. Официально — большой стивидорной компании в доках. Официально у него хорошая, эффективная компания, от которой всем только польза. А неофициально Энди является боссом чего-то совсем другого. Некоторые говорят, что он босс всего остального. Кое-кто даже говорит это вслух. Энди не беспокоит такие пустяки. Всем известно, что Энди — крупный босс в рэке, только вот в каком? Часть этого рэкета — поддержание порядка в доках. Паппас устраивает так, что суда разгружают тихо и спокойно — за цену. В общем, люди думают, что Энди держит по пальцу в каждом нелегальном предприятии, какие только у нас есть. Конечно, истинное занятие Паппа-

са, истинное занятие босса этого типа — вымогательство. Это ведь и есть рэкет — любая деятельность, легальная или нелегальная, где главным рычагом является страх.

— Хелло, Энди, — сказал я. Чуть повернув голову, кивнул Марти. Я хотел, чтобы она ушла. Энди улыбнулся.

— Пусть леди останется, Дэнни. Я видел, как она работает. Она очень хороша. — У Энди приятный голос, низкий и ровный, и речь культурная для человека, который с трудом окончил среднюю школу. — К тому же мы старые друзья, верно, Дэнни?

— У тебя нет друзей, Энди, — сказал я. — Ты всем враг.

Паппас кивнул. Он не перестал улыбаться. У нас это была старая история.

— Ты никак не хочешь смягчиться, а, Дэнни?

— А ты так и не меняешься, а, Энди? Ты ведь не с визитом вежливости явился.

Я кивнул в сторону фонарного столба, стоявшего в нескольких футах от столика этого крошечного открытого кафе. Фонарь был старый, газовый, хозяин «О. Генри» развесил их для атмосферы. К столбу прислонился, притворяясь, что смотрит на девушек, Джейк Рот. Смотрел Джейк не на проходивших девушек, а на меня. Энди Паппас, как всем известно, пистолета не носит, а Рот даже в постель ложится с напеченой кобурой под пижамой. Джейк Рот у Энди главная «убеждающая» сила во всех конфликтных ситуациях. Через улицу я увидел Милта Баньо. Маленький Милт — второй стрелок; сейчас он, стоя у писчебумажного магазина, пытался читать газету по слогам. В действительности он наблюдал за мной в витрине магазина. А чуть подальше, в сторону Шеридан-сквер, у магазина японских игрушек стояла длинная черная машина Энди. Водитель сидел за рулем, опустив козырек фуражки и скрестив руки. Под скрепченными руками, естественно, скрывался пистолет.

Паппас проследил мои взгляды на его людей. Пожал плечами.

— Ты сам это сказал, Дэнни. Мне все враги. Нужно защищаться.

— Это не совсем то, что я сказал, но ладно. Что тебе нужно?

— Сначала выпей, Дэнни. Ты мой друг. Хотя меня ты другом и не считаешь.

— Я с тобой пить не буду, Энди, и моя подруга — тоже.

Я знаю, что захожу с Паппасом слишком далеко. Его холодные глаза заблестели. У Энди мертвые глаза. Холодные глаза мертвого человека, который давно перестал спрашивать себя, чего он в действительности хочет и зачем живет. Я видел такие глаза у генералов. Может быть, если человек часто сталкивается со смертью, это меняет его. Нет ничего храброго в том, чтобы не уступить дорогу бешеному лсу — это просто глупо. Но когда передо мной Энди, я ничего не могу

с собой поделатъ. А ведь я боюсь его. Ненавижу и боюсь.

— Ладно, Дэн, — сказал наконец Паппас. — Я буду краток. Отвяжись от Шведа Олсена и его семьи.

Не скажу, что это ударило меня между глаз. Удар пришелся намного ниже. Куда-то ниже пояса. А еще это было частью ответа на несколько хороших вопросов. Каким-то образом Энди Паппас замешан в дело Джо-Джо Олсена. Это многое объясняло. Да, на месте Олсенов я бы сейчас беспокоился. Если у Энди Паппаса был какой-то интерес, а я оказался не на той стороне, я бы очень быстро «сыграл кролика» — убежал как можно дальше. Я не Олсен, я ничего не знал, и все равно беспокоился.

— Почему? — спросил я.

— Олсен работает на меня.

— Олсен? — Вопрос был ясен.

Паппас пожал плечами.

— Не то чтобы очень много. Мелкие поручения. Но он под моей защитой, Дэнни.

— Ему нужна защита, Энди?

Паппас рассмеялся.

— Послушай, Дэн. Я не знаю всего. Я даже не хочу все знать. Я знаю одно — Олсен не желает, чтобы ты беспокоил его и семью. О'кей?

— А он сказал, почему я его беспокою?

Энди тщательно вытер руки бумажной салфеткой — такие подают со всеми напитками.

— Я с ним не говорил. Его просьба поступила по обычным каналам, Дэн. Если бы это был не ты, а кто-то другой, я послал бы кого-нибудь передать это сообщение.

— У него мальчишка сбежал, — сказал я.

— Это семейное дело. С каких пор ты работаешь на легавых?

— Я не работаю на легавых. Я работаю на хорошего парня, который хочет, чтобы нашли его друга. Хорошего парня, которого сегодня избили почти до смерти. Ну, ему просто не повезло — он не рос вместе с тобой, Энди.

— Осторожно, Дэн!

Мертвые глаза загорелись, и я отшатнулся. Энди криво улыбнулся.

— У меня не бывает «почти», Дэнни.

А я все не унимался.

— Кому все-таки наступили на хвост, Энди?

Это уж было совсем глупо. Даже Энди знал, что я не жду какого-либо ответа. Он поднялся, улыбаясь.

— Не забывай, Дэнни, Олсен под моей защитой.

Когда Паппас поднимается, это сигнал. Как, например, если встает на ноги король, встают все. Я услышал, как в большой черной машине завелся мотор. Милт Баньо пересек улицу и подошел к нам. Джейк Рот тоже вдруг оказался ря-

дом со своим боссом. У Рота глаза были как у змеи. Эти змеиные глаза смотрели прямо на меня.

— Наверно, у него большие неприятности, Энди. — Я сказал это Паппасу, но смотрел на Джейка Рота.

Ответил мне Рот. Высокий худой убийца наклонился через крошечный столик, как голодный стервятник. От него пахло потом. Рот никогда не снимает пиджак на людях.

— Спокойно, нюхач, — сказал Рот. — Очень спокойно. Мистер Паппас сказал отстать. Мистер Паппас сказал забыть. Ты никогда не слышал ни про какого Олсена. Ты даже имени этого не знаешь.

У Рота участилось дыхание. Энди Паппас легонько тронул его за плечо. Рот рывком выпрямился, как собака на поводке.

— Я ему уже сказал, Джейк, — успокаивающе проговорил Энди Паппас. — Можешь передать Олсену, что Форчун сообщение получил. Скажи Шведу, все о'кэй.

Черная машина, мурлыча, остановилась рядом. Паппас попрощался с Марти, коснувшись полей своей фетровой шляпы, и уселся на заднее сиденье машины. Рот сел рядом с Энди, а маленький Милт Баньо — с водителем. Машина умчалась по Шестой авеню.

— Я знаю, что ты его знаешь, — сказала Марти. — Но каждый раз удивляюсь. На него только посмотришь — и дрожь берет.

Я промолчал.

— Знаешь, что самое ужасное? — продолжала Марти. — Что такой человек, такое животное, может влиять на нормальных людей. Он ведь мог бы устроить мне роскошную карьеру актрисы — или навсегда погубить. Такое вот животное, паразит... Как ты можешь с ним так говорить, не понимаю, — сказала Марти с искренним удивлением.

— Я с ним просто не могу говорить иначе. Вот чего я не понимаю, так это почему он мне позволяет так себя вести. Никак не отделается от детских воспоминаний, что ли?

Марти помолчала.

— Интересно, какие неприятности у Олсена, что ему нужна защита Паппаса?

— Кто знает? Может быть, это Джо-Джо убил Тани Джоунс. Или он знает, кто это сделал.

— Тани Джоунс? — удивилась Марти. — Боже мой. Дэн, Паппас никогда не стал бы помогать человеку, замешанному в этом убийстве.

По ее лицу я уже знал, какую бомбу она сейчас бросит.

— Она была его девушкой, Дэн. Я уже говорила, мне рассказывала про нее одна из клубных девиц. Она еще ужасалась — Тани так любила брильянты, а они ее и погубили.

— Но Энди женат. У него дети. По-моему, он искренне гордится тем, что он глава семьи.

Марти как-то очень по-женски рассмеялась.

— И когда же это жена или дети мешали завести подружку? Но из-за его семьи они все тщательно скрывали — это понятно. Ему же надо было беречь свой образ примерного семьянина. Девушка, которая знала ее, сказала, что они никогда не встречались на людях. Он приходил к ней. Тайная игрушка...

— Она могла представлять для него опасность?

— Не знаю, Дэн. Ее знакомая говорила, что Тани была глуповата. Этакая птичка, больше всего любила мужчин. Я не думаю, что она много о нем знала, просто что он важный человек.

Я уже не слушал. Я думал о человеке, убившем женщину Энди Паппаса. Нетрудно представить себе страх, который охватил убийцу Тани Джоунс. Вот у кого много проблем...

Но я думал и о другом: покопав веку мужчины убивают своих любовниц.

ГЛАВА 9

Рабочий день закончился, люди спешили по домам, но Газзо сидел в своем кабинете. Как-то так получалось, что он всегда сидел в своем кабинете, утром и вечером. Возможно, потому, что, как говорил сам капитан, что бы ни было на улицах, утро или вечер, в его сумрачном кабинете всегда стояла полночь.

— Ну какого черта вы мне не сказали, что Тани Джоунс была девушкой Энди?

— Ты не спрашивал, и вообще это не твое дело, — ответил капитан. У него был усталый вид. — Это и сейчас не твое дело, Дэн.

— Можно ставить деньги на то, что он разыскивает Джо-Джо Олсена, — настаивал я. — И можно почти не сомневаться, что это он устроил избиение моему клиенту.

— Нет, — сказал Газзо.

— Да! — сказал я. — Ставлю тысячу к одному, что Энди убил ее, а Энди не любит свидетелей. Господи, Газзо, ну кто осмелится убить подружку Энди Паппаса?

— Нет, — сказал Газзо.

Я выругался.

— Что — нет?

— Нет по всем пунктам. Паппас ее не убивал.

— Алиби? — фыркнул я. — Ну конечно, у Энди будет алиби. Самое лучшее алиби, какое только можно купить за деньги. Совершенно непробиваемое.

Я ни в чем не сомневался. Кто иной мог убить Тани Джоунс? А Джо-Джо увидел что-то такое, что заставило его убежать. Я бы тоже убежал, если б увидел Энди Паппаса на той улице в нужное время.

— Прекрати! — Газзо стукнул ладонью по столу и злобно посмотрел на меня.

— Ты думаешь, я не умею отличать настоящее алиби от фальшивки? Или, по-твоему, Паппас меня купил?

Никто не может купить Газзо. Очень многие в полиции берут взятки, раскрывались целые преступные организации, которыми управляли полицейские, но Газзо купить нельзя. Вообще-то честных полицейских много. Может быть, дело просто в том, что Газзо никогда не нуждался в лишних деньгах. Не знаю, не знаю, не знаю.

— Ну, я готов выслушать, — сказал я.

— Так вот, в точное время ограбления и убийства Паппас находился в Вашингтоне, давал показания комитету конгресса, который расследует преступность в доках. Если бы у тебя были мозги, ты бы это вспомнил. Комитет прокручивал Энди через мясорубку три дня подряд. В день убийства Энди освободился только в восемь вечера. Даже он не мог бы повернуть время назад.

— Ну, значит, кто-то сделал это за него, — сказал я. — Конечно, это самое время он и выбрал бы. Все его ребята были с ним?

— Нет, но у всех есть алиби.

— Ну да, взаимные.

— Нет, — проговорил Газзо так, будто читал очень легкую книгу глупому четырехлетнему ребенку. — Джейк Рот был в доме Паппаса на побережье Джерси. Паппас признал, что сам убрал Джейка подальше, потому что из него получился бы очень плохой свидетель в Вашингтоне. У Энди было нечто вроде джентльменского соглашения с комитетом, что он явится добровольно, если они не будут вызывать никого из его ребят. Но и при этом Энди не хотел рисковать.

— А Милтон Баньо?

— Маленький Милт находился в Филадельфии по делам. Я не спрашивал, по каким именно, но Паппас утверждает, что при необходимости они нам представят свидетелей. Все будут бандитами, но их будет очень много. Почти все остальные были в Вашингтоне с Паппасом или имеют алиби.

— Надежные?

— Не как у Паппаса, — ровным тоном сказал Газзо. — Их не видел никто, кого нельзя было бы купить, это я могу признать. Самое лучшее алиби у Рота. Он весь день провел на частном пляже Паппаса. Мы проверили — его машина не покидала берега. Баньо видело немало надежных людей в Филадельфии, но оттуда можно очень быстро доехать. Остальные могут отчитаться почти о всем своем времени, но не во всем.

— Значит, настоящего алиби нет ни у кого, — подвел я итог.

— А у кого есть, Дэн? Ты же сам знаешь, что алиби без какой-то доли сомнения не бывает. Кто может доказать, чем

он занимался каждую минуту какого-то дня, если не знает, что придется это доказывать. Паппасу повезло, но ведь так редко бывает.

Я зло выругался.

— Это должен быть сам Паппас!

Приятно думать, что зло всегда само себя наказывает, что машину смерти по имени Энди Паппас предала наконец собственная слабость — что он все же человек и ревнив. Но с Энди вероятнее другое: Тани узнала слишком много и для бизнеса выгоднее было ее убрать, невзирая на любовь.

Газзо вздохнул.

— Думаешь, я не хочу, чтобы это был Паппас? Думаешь, я не хотел бы его на этом взять? Да я по ночам не сплю, думаю, что именно на такой ошибке и можно взять Паппаса. Конечно. Только я слишком долго работаю полицейским, чтобы обманывать себя.

— Что это значит?

— Это значит, что я должен быть честным. Я должен исходить из того, что говорит мне опыт, а именно: Энди Паппас ее не убивал и не устраивал ее убийства. — Газзо умолк и отвернулся. Он вытащил сигарету из пачки, зажег. — Я присутствовал, когда ему об этом сказали, Дэн. Я специально хотел видеть, как он отреагирует. Мне уже казалось, что тут мы его и возьмем. Мы про него вообще не знали, пока служанка не рассказала. А сказали мы ему прямо в лоб. Я тоже человек, и мне хотелось посмотреть, как он будет вертеться на сковородке. Но мне вовсе не понравилось, когда я увидел его лицо.

Газзо курил и смотрел на меня.

— Он чуть не потерял сознание, когда мы ему сказали. Я многим сообщал о смерти тех, кого они любят. Я видел тысячу лиц в такой ситуации, знаю, как они выглядят...

Похоже, сигарета у капитана была горькая.

— Он плакал, Дэн. Энди Паппас плакал. Ты когда-нибудь видел Энди плачущим? Хотя бы в пятнадцать лет? Я помню тот день, когда его отца придавило до смерти в доках. Энди только посмотрел на то, что осталось от старика. А в этот раз он плакал. И он просил меня найти убийцу.

— Трогательно.

Но я вовсе не был таким бесчувственным, как могло показаться. Просто мне очень хотелось, чтобы Энди поскользнулся на какой-нибудь человеческой мелочи, ревности, например. И капитан это понимал.

— Мы все проверили, Дэн, сверху вниз, вдоль и поперек. Получается, что она была просто глупая девчонка, гордилась, что с ней встречается сам Энди Паппас. Судя по всему, он был к ней очень привязан и обращался с ней чуть ли не как с дочерью.

— Бывает, дочери обманывают. Может быть, она узнала что-то, чего знать не следует. Энди не рискует.

— Все возможно, Дэн, — вздохнул Газзо, — но мы копали глубоко. Против Паппаса нет ничего. А девчонка — ну что ж, единственное, что о ней можно сказать — это что она слишком любила мужчин.

— И один из них погубил ее, — вставил я. — Энди, может быть, тоже человек.

— Ну черт возьми, Дэн, мы говорим об Энди Паппасе! — заорал Газзо. — Ты думаешь, Энди стал бы устраивать такой дешевый спектакль из-за убийства своей любовницы? Ты думаешь, он застрелил бы ее в квартире, имитируя ограбление? Энди Паппас, профессионал?

Это был самый весомый аргумент из всех, что высказал Газзо. Да, подумал я, Паппас сделал бы все намного лучше. С девушкой произошел бы очень изящный «несчастный случай». А внезапный приступ ярости исключался. Паппас был в Вашингтоне. И я не мог представить, чтобы кто-то обдуманно убил подружку Паппаса. Так что теперь теория о воре смотрелась лучше.

— Вот почему вы не удивились, что взятые драгоценности нигде не всплыли, — заметил я.

Газзо кивнул.

— У каждого скупщика краденого в Нью-Йорке эти бриллианты и жемчуга выжжены в мозгу. Паппас об этом позаботился, можешь не сомневаться. Попытка их продать означала бы смертный приговор.

Смертный приговор с очень быстрым исполнением, подумал я. Вопрос вот в чем: чье имя на этом приговоре? Кто-то искал Джо-Джо Олсена, усердно искал. Следующий вопрос: Паппас или кто-то другой ищет Джо-Джо? Судя по тому, как Энди вел себя, когда говорил мне отстать от Олсенов, Энди сам не интересовался Джо-Джо и не думал, что он имеет какое-то отношение к смерти Тани Джоунс. Но Паппас — умный человек. Он себя ничем не выдаст. Возможно, он сразу бил по обоим воротам: отваживал меня от Олсенов и сам разыскивал Джо-Джо. Во всяком случае, Джо-Джо продолжают искать. А это значило, что ему еще не выкопали неглубокую могилу.

Я ушел, оставив Газзо в его вечной полуночи.

На жарких улицах почти стемнело. Я взял такси и поехал в «Кэт Клуб». Обычно я не ошиваюсь в клубе. Марти запята, она организует показ почти голых девиц, чтобы гости пускали слюни. К тому же виски там разбавленное и со слишком большой наценкой. Но мне хотелось выговориться, а у Марти бывает время в перерывах между шоу.

К самому клубу подъехать не удалось, там стояло слишком много машин. Водитель высадил меня в квартале от входа.

Вот это и было счастливым обстоятельством, потому что я их увидел. Они стояли с непринужденным видом по обе стороны входа в клуб. Со слишком непринужденным видом.

Не любители, может быть, но лишь наполовину профессионалы. Двое мужчин в темных костюмах, оба без особых примет. Конечно, они могли ждать кого-нибудь другого. Но я-то знал, что это не так. Во всяком случае, рисковать не имело смысла. Я пошел в другом направлении. И если у меня были какие-то сомнения, скоро их не осталось. На углу Мак-Дугал-стрит я увидел, что эти двое идут за мной.

Толпы шли фалангами по Мак-Дугал-стрит. Я не хотел, чтобы меня поймали в парке Вашингтон-сквер, и направился на юг. Миновал Сан-Ремо и углубился в темные улочки Литл Итали. Они шли за мной. Похоже, им правилась эта работа. Конечно, они думали, что я совершил ошибку, выйдя из толпы, где был бы в относительной безопасности. Они ошибались. У Дэнни Пирата еще были друзья.

Я завернул за угол на Хьюстон-стрит и сразу побежал. У меня не только были друзья, но я еще знал местность. Они, вероятно, тоже знали, но им казалось, что я уже в их руках, и это делало их беспечными и слишком уверенными в себе. Я успел пробежать три подъезда, прежде чем преследователи показались за моей спиной. Я нырнул в темную дыру по шести каменным ступенькам. Внизу постучал условным стуком, и дверь открылась. Я скользнул внутрь — дверь тотчас же закрылась.

— Тебе придется ждать места, Форчун, — сказал человек у двери.

Я прошел через темный холл в комнату, где играли в карты на крупные деньги.

Я был знаком с дилером, но сейчас он работал, и я для него не существовал. Наверное, мои преследователи уже обнаружили, что я куда-то исчез. Они должны знать, что здесь играют в покер. Скоро они спустятся сюда. Сколько у меня минут? Я подошел к человеку, который меня впустил.

— Мне нужно время, Джонсон. И задний выход.

— Легавые? — поинтересовался он.

— Ну-у-у... — Я укоризненно покачал головой. Нельзя приводить легавых к игре в покер — уж мы-то с ним это знали.

Джонсон повел меня к задней двери, отпер ее. Я вышел. Сейчас я находился в заднем дворе ниже уровня улицы. Я перелез через забор, пересек еще один двор и вышел на Мак-Дугал-стрит.

Там было пустынно. Я быстро поймал такси.

В машине можно было спокойно подумать. Ехать мне, собственно говоря, было некуда. Я ничего не знал о Тани Джоунс, Стеттине или Джо-Джо, но я был замешан в этом деле — и Энди Паппас был замешан в этом деле. И пока я не выясню, что к чему, домой возвращаться нельзя. К Марти тоже нельзя. Со мной хотели поговорить, и эти люди, ко-

печно, не позволят Марти просто стоять рядом и смотреть. Пока все это не кончится, я совсем один. Я никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким. Одиноким и напуганным.

Я оставил такси в самом сердце Челси и прошел несколько кварталов, прежде чем направился к отелю «Мэннинг». Там я снял комнату. Отель очень плохой, дешевый, но служащие не задают вопросов и не знают меня в лицо. Комната оказалась тесная, постель — жесткая и комковатая. Уличный шум проникал через единственное открытое окно вместе с мигающим светом неоновых вывесок. Пожарной лестницы не было.

Через некоторое время я позвонил Марти и Джо. Я не сообщил, где нахожусь. Просто сказал, что скоро дам о себе знать.

А что если, подумал я, Паппас — вор, очистивший квартиру Тани Джоунс, или человек, напавший на полицейского? Я вовсе не исключал такой возможности, что бы там ни говорил Газзо. Я не верил всерьез, что Паппас сам совершил эти преступления или кого-то послал, но кто-то ведь нанял следивших за мной людей. Я был уверен, что они наняты. Мы живем во все более и более безликом мире. Каждый работает на кого-то и мучает себя вопросом, кому он помогает или кого убивает.

Если Паппас ищет Джо-Джо, он может быть убийцей или может думать, что Джо-Джо знает имя убийцы — а возможно, считает убийцей Джо-Джо. А если ищет не Паппас, то это или человек из квартиры Тани Джоунс, или человек, напавший на полицейского, или кто-то третий, о ком я еще не знаю! Мне было известно, что вор убил женщину Энди Паппаса, а этого достаточно, чтобы сбежать куда-нибудь побыстрее и подальше. Это также достаточный мотив, чтобы нанять людей для поисков убийцы. Но обычный вор сразу же сбежал бы, а не стал нанимать людей против Энди Паппаса...

Если Джо-Джо знает, кто убил Тани Джоунс, то почему он не сообщил Паппасу? Олсены на стороне Паппаса. Ничего не говорить полиции — таков кодекс, хотя Джо-Джо и не производил впечатления человека, чтящего этот кодекс, но информировать Паппаса — это не было бы против кодекса, а информатор получил бы медаль...

Выходит, что я ничего не знаю. Но никто мне не поверит. Это и было моей проблемой.

И вот я лежал, одинокий, в дешевой комнате дешевого отеля. Мне казалось, что я нахожусь в мире, где мне вовсе не место. Этот мир смыкался вокруг меня, потому что я искал пропавшего мальчишку. В этом мире мне угрожена смерть, если не найду мальчишку как можно быстрее.

ГЛАВА 10

Туристическое бюро «Трафальгар» находилось на втором этаже большого здания. Я уже стоял у входной двери, когда начали приходить служащие. Первой появилась дама средних лет, седая и воинственная. Она отперла дверь, и я вошел следом за ней. Дама спросила, не может ли мне помочь. Я ответил, что мне нужен управляющий. При этом я старался выглядеть как можно более опасным человеком. Поскольку спал я в этом паршивом отеле плохо, вид у меня был очень опасный. Дама внимательно посмотрела на мой пустой рукав и отошла.

Со временем появились еще четыре особы женского пола. Они приходили по очереди, определяемой внешностью: самая красивая вошла последней. Это кое-что говорило о том, что представляет собой босс. Как известно, в Нью-Йорке конторский служащий стремится позволить себе вольности, которые могут сойти ему с рук, а в этой конторе больше всего позволялось самой красивой девице. Это меня не удивило. Каждая, входя, окидывала меня взглядом, потом смотрела на седую, но та лишь пожимала плечами. Босс появился в девять сорок пять.

— Вы управляющий? — спросил я как можно официально.

— Уолш, — представился он. — Я управляющий. Что...

— Только не здесь.

Он заколебался, потом кивнул.

— Хорошо, идемте ко мне.

Кабинет у него был не очень хороший. Он долго и суетливо садился и усаживал меня. Уолш был высокий, красивый, хотя и со следами времени на лице, хорошо одет. На письменном столе я увидел фотографию его жены и фотографию его яхты. Фотография яхты была в более дорогой рамке, чем фотография жены.

— Итак, — сказал он, — что я могу для вас сделать, мистер...

— Дэн Форчун. Вы можете сказать мне, где я найду мисс Дрисколл.

— Нэнси?..

Голос выдал его, когда он пытался остановиться. Слог «Нэн» выскочил быстро и удивленно. Второй слог был модулирован совсем иначе. По лицевым мышцам было видно, что он сильно удивлен. Значит, никак не ожидал, что я упомяну о Нэнси Дрисколл. Судя по тому, как он управлял своей конторой, мистер Уолш питал слабость к молодым женщинам.

— Мисс Нэнси Дрисколл, правильно, — проговорил я, как бы вспоминая какое-то официальное сообщение, которое и привело меня в это туристическое бюро.

Было в его голосе что-то, что заставило меня насторо-

житься. Уолш осторожничал. И еще что-то. В голосе управляющего едва заметно прозвучал вопрос. Осторожничанье могло объясняться интересом к девушке, если такой был. А вопрос?

— Когда она должна появиться? — Я тоже решил быть осторожным.

— Я, э, не могу сказать, мистер Форчун, — ответил Уолш. — Позвольте ли спросить, почему вы интересуетесь?

— Не могу ответить на ваш вопрос, — заявил я со всей возможной сухостью, стараясь походить на полицейского. — Но я должен с ней поговорить. Возможно, вы знаете, где она находится.

Уолш задумчиво помял правой рукой бицепс левой руки.

— Ну, я не уверен...

Мне пришла в голову мысль.

— Давно она не ходит на работу, мистер Уолш?

— Что? — вскинулся управляющий. — А, ну, примерно неделю. Да, сегодня пятница, вот с прошлой пятницы ее и нет. Я имею в виду, в прошлую пятницу она была весь день, а с тех пор мы ее не видели.

— Иными словами, она не пришла в прошлый понедельник и не показывалась всю неделю.

— Да, — согласился со мной Уолш. — Это так.

— Она звонила?

— Э, ну, нет, — пробормотал Уолш.

Ну вот, опять. Осторожность и невысказанный вопрос в голосе управляющего. Может, он думал, я частный сыщик, нанятый его женой? Это было вполне возможно. По какой-то причине он нервничал. Мне показалось, что у него особый интерес к Нэнси Дрисколл. Но меня сейчас эти служебные романы не интересовали.

Джо-Джо исчез тоже в прошлую пятницу. Мне хотелось выругаться вслух. После всего, что я сделал, могло оказаться, что Джо-Джо Олсен всего лишь уехал с этой Нэнси. И могла быть сотня причин, по которым он об этом не сказал. Нет, пожалуй, все-таки нет. Те двое искали Джо-Джо по какой-то определенной причине. Хотя могло быть и так, что Джо-Джо собирался убежать далеко и надолго, а Нэнси просто прихватил с собой.

— Хорошо, — сказал я, — тогда дайте мне ее адрес.

— Ну, я... — начал Уолш.

— Я думаю, вам придется.

Уолш внимательно посмотрел на меня.

— Она живет на Западной 74-й улице, 145, квартира 2В.

— Спасибо.

Все женщины наблюдали, как я ухожу. Седая гарпия бросила на меня самодовольный взгляд, будто была уверена, что мистер Уолш со мной разделался. Я оглянулся. Уолш забыл закрыть за мной дверь своего кабинета. Сейчас он быстро говорил в трубку телефона. Звонка я не слышал.

Значит, Уолш сам кому-то звонил. Скорее всего это было как-то связано со мной.

Мне пришла в голову еще одна мысль. И мне эта мысль не понравилась. Может быть, те двое, следившие за мной, и избиеение Пита связаны не со Стеттином или Тани Джоунс, а с Нэнси Дрисколл. Отчего бы и нет? Скажем, Джо-Джо сбежал с Нэнси, а кому-то это не понравилось. И двое неизвестных могли разыскивать Джо-Джо из-за Нэнси. Теория была неплохая.

И опасная. Если она правильна, сейчас Уолш, вероятно, пускал волков по моему следу.

Оказавшись на многолюдной улице, я почувствовал себя лучше. Как-то так получается, что дневной свет и толпа позволяют человеку чувствовать себя в безопасности. Ну что может случиться среди бела дня на улице, полной невинных людей? Многое может случиться... Я знаю шесть нераскрытых убийств, которые произошли среди бела дня на многолюдной улице.

На 74-ю улицу я сначала добирался на подземке, потом вышел и остаток пути проделал пешком. Я был настороже. Толпа помогает, когда нужно от кого-то скрыться, но она также может скрыть человека, идущего за тобой. К 145-му дому я приблизился по противоположной стороне улицы.

Этот квартал между Колумбус-авеню и Амстердам-авеню был довольно своеобразен. Он представлял собой мешанину из жилых домов из песчаника, старых обшарпанных домов из песчаника, реставрированных домов из песчаника, домов из песчаника с переделанными фасадами и нескольких высоких современных домов, тоже жилых. Были еще школа и дешевый отель на углу Амстердам-авеню.

Вестибюль в доме № 145 был маленький. Наружная и внутренняя двери стеклянные, цветная плитка на полу и ряд почтовых ящиков между двумя дверьми. В ящике Нэнси Дрисколл не было почты, и это могло означать, что Нэнси или не уезжала, или уже вернулась. А могло означать, что она вообще получает мало почты. Я нажал на кнопку звонка квартиры 2В и стал ждать. В этом крошечном вестибюле между двумя стекляшками я чувствовал себя рыбой в аквариуме. На улице снаружи не было никого, кто казался бы подозрительным или опасным, но я ощущал то покалывание в остатке руки, которое появляется, когда что-то не в порядке. Дверь зажуужжала, я распахнул ее и вошел. Это было хорошим признаком — то, что Нэнси Дрисколл дома. Хороших признаков мне очень не хватало.

Я стал медленно подниматься по лестнице. На втором этаже дверь квартиры 2В оказалась прямо передо мной. Я прислушался — изнутри не доносилось ни звука. Я нажал на кнопку звонка.

Дверь немедленно открылась.

Передо мной стоял человек.

В правой руке он держал пистолет

Я повернулся было к лестнице.

— И не пытайтесь!

Я остановился.

— Идите внутрь!

Я повернулся и вошел в квартиру. Человек проследовал за мной через узкую кухоньку в гостиную, где были прекрасный старый камин и высокий потолок. Одного взгляда хватило мне, чтобы понять: Нэнси Дрисколл, где бы она ни была сейчас, относилась к тем людям, которые стремятся к вещам. Вещам, понимаете? Гостиная была заполнена всеми надлежащими предметами обстановки: маленький бар с набором рюмок и бокалов, подсвечники, безделушки, репродукции картин на стенах, книжные шкафы с рядами бестселлеров в нетронутой целлофановой упаковке. Нэнси Дрисколл хотела иметь все, что имеет или хочет иметь типичный представитель среднего класса.

— К стене! Ладони на стену. Наклониться вперед.

Я оперся о стену своей единственной рукой, и он быстро обыскал меня. Естественно, ничего не нашел.

— О'кэй, можете сесть.

Я сел на дешевую современную кушетку, лицом к нему. При ближайшем рассмотрении все в комнате оказалось дешевым и дрянным: с претензией на элегантность, но сделанно из эрзацев и скреплено деревянными колышками и кнопками — хотя бы в переносном смысле. У меня начала складываться картина — облик Нэнси Дрисколл. Печальная картина.

Человек напротив спрятал пистолет в кобуру на поясе.

— Кто вы? Зачем вам эта Дрисколл?

Он был среднего роста и веса. Одет в поношенный костюм, который и новый-то стоил не больше пятидесяти долларов. Ботинки — поношенные. Шляпа обвисла. Носки спустились. Лицо было бледное и усталое. Глядя на него, я вдруг понял, кому звонил Уолш. Человек, который выглядел и действовал как этот и имел право носить оружие, мог быть только полицейским. Самый мелкий бандит не был бы так плохо одет и не выглядел бы таким усталым. Этот явно был детектив и явно ждал меня.

— Форчун, — представился я. — Вам сообщил Уолш, верно? Я частный детектив.

— Прекрасно. Теперь расскажите мне об этой Дрисколл.

— Расследую одно дело, — сказал я. — След привел сюда. Позвоните капитану Газзо в отдел убийств, если хотите проверить, лейтенант...

— Сержант Дусетт, — назвал он себя. — Эта девушка не была важной особой, Форчун.

Я сразу насторожился.

— Не была?

— Да, она мертва. Я думал, вы сможете...

Сержант умолк и пожал плечами. Я понимал, что он чувствует. Ему хотелось выйти на новую информацию. Мне это тоже было просто необходимо. Каждый след обрывался новым преступлением, и я никак не мог приблизиться к Джо-Джо. Разве что теперь я знал: Джо-Джо был связан с Нэнси Дрисколл и видел реальную причину для бегства. Неприятная мысль...

— Когда? — спросил я.

— Я надеялся, это скажете мне вы, — усмехнулся сержант Дусетт. — Пожалуй, нам нужно съездить поговорить с лейтенантом.

— Я бы лучше поговорил с капитаном Газзо.

Дусетт опять пожал плечами.

— Отсюда вы поедете к лейтенанту. А дальше — как он скажет.

Он вышел позади меня из квартиры и спустился по лестнице. Я подумал, что Дусетт давно работает детективом. Он не доверял никому и ничему. Прекрасное правило — для его-то работы.

* * *

Газзо сцепил пальцы на затылке и уставился в потолок. Я сидел и курил. У капитана опять был невыспавшийся вид. Но он ведь всегда так выглядел.

— Мне это уже не нравится, — сказал вдруг капитан. — Куда ни сунешься, везде ты. А ты уверен, что Джо-Джо Олсен вообще существует?

— Как умерла Нэнси Дрисколл? — спросил я. — Лейтенант забыл мне рассказать.

Я уже отчасти чувствовал себя марионеткой в кукольном театре. Что бы я ни делал, кончалось тем, что я задавал глупые вопросы.

— Многочисленные синяки и кровоподтеки, смертельное повреждение мозга в результате тупой травмы черепа, — сообщил мне капитан. — Иными словами, ее очень сильно избили.

— Похоже, в этом деле вообще очень много избиений, — заметил я.

— Ни взлома квартиры, ни ограбления не было, — продолжал Газзо.

— Когда это произошло?

— По мнению судебного медика, в течение прошлой субботы. Мы нашли ее в понедельник. Собственно говоря, нашел ее управляющий Уолш. Когда она не явилась на работу, он ей позвонил. Телефон не ответил, он сам туда поехал. По крайней мере, так он рассказывает. Ключ у него был.

Теперь я знал, что было в Уолше странным. И еще — я наконец-то услышал первый веский мотив убийства в этом диком месиве. Одна женщина, двое мужчин. Классика. Толь-

ко вот говорили, что Нэнси гонялась за Джо-Джо, так что мотив больше подходил Уолшу, чем Олсену.

— Уолш чист?

Капитан рассматривал потолок.

— Кто вообще бывает чист? Он был дома со своей семьей, в Порт Уошингтон, вечером в пятницу. В субботу рано он вышел один на лодке. Не возвращался сутки. Говорит, что ходил по прсливу на восток. Никого знакомых на лодке не встретил. Ночь провел в лодке вблизи Порт Джефферсон, домой вернулся около полудня в воскресенье.

— Он мог свернуть на запад и войти в реку, — задумчиво проговорил я. — Есть лодочная гавань на уровне примерно Семьдесят девятой улицы.

— Есть такая. Но он там не останавливался, во всяком случае, официально.

— Но ему ничто не могло помешать бросить якорь вблизи берега.

— Ничто не могло.

— А почему так долго не находили тело?

— Мисс Дрисколл была странной девушкой. Много мужчин, но ни одного настоящего друга. Есть одна подруга, некая Пегги Брандт, живет в нескольких кварталах. Эта Пегги говорит, что Нэнси любила уединяться с мужчинами, поэтому никто не удивлялся, если ее телефон не отвечал в течение уик-энда. Более того, Пегги звонила ей в субботу во второй половине дня, и ей показалось, что там уже есть мужчина, так что больше она звонить не стала.

— Суббота, вторая половина дня? — Джо-Джо исчез в пятницу. Или нет? Он покинул Челси, но уехал ли из города?

— Олсен сюда как-нибудь подходит? — поинтересовался Газзо.

Я рассказал ему о различных нитях к Нэнси Дрисколл.

— Пит как будто считает, что она могла что-нибудь знать. Возможно, кто-то прошел по тому же следу, что и я, капитан. Возможно, кто-то слишком энергично задавал вопросы.

— Похоже на это, — согласился Газзо. — Однако в субботу с ней был кто-то, кого она знала. Бывало и раньше, что парень строит из себя недотрогу, а потом у него меняется настроение, и он убивает девушку, чуть только она посмотрела в другую сторону.

Я подумал об этом через минуту после того, как наткнулся на сержанта Дусетта.

— Почему вы не вышли на Джо-Джо, пока я не сказал?

Газзо привычным жестом потер щетину на подбородке.

— Не было ни одного имени. В квартире мы не нашли ни адресной книжки, ни каких-либо записок. Пегги Брандт говорит, что она никогда не слышала фамилий мужчин, с которыми встречалась Нэнси — за исключением Уолша.

— Неужели книжку с адресами не нашли? — удивился я.

— Может быть, она ее и не вела, — проворчал Газзо.

Но он и сам в это не верил. Кто мог украсть ее адресную книжку? Мужчина, который не хотел, чтобы наткнулись на его имя. Или же двое бандитов, которые искали какую-нибудь нить к местопребыванию мальчишки?

— Мне нравится Уолш в роли убийцы, — заявил я.

— Мне тоже, но закон требует доказательств.

— А как насчет тех двоих, которые избили Витанцу? Здесь тоже избиение, а она знала Олсена.

— Я не исключаю такой возможности.

— Но Джо-Джо вам нравится больше?

Капитан вздохнул.

— Он должен мне нравиться. Мотив, возможность, и он скрывается. Ты же знаешь, что обычно так и бывает. Они начинают бить, случайно убивают, пугаются и бегут.

— И это просто потому, что он скрывается?

— Для начала уже неплохо, но у меня есть еще вот что.

Капитан поднял со стола миниатюрную гоночную машину красного цвета. Даже с того места, где я сидел, было видно, что она очень точна в деталях. На заднем конце висела петелька. Петелька была оборвана. Машина выглядела сильно помятой и исцарапанной, как если бы ее долго носили в кармане. Мне показалось, что это «Феррари».

— Ты говорил, что Олсен помешан на автогонках, — напомнил Газзо.

— Особенно на «Феррари», — кивнул я.

Я смотрел на эту миниатюрную гоночную машину. Совершенно очевидно, она служила кому-то талисманом, который носили ради удачи. Ничего себе удача.

— Эта штука лежала под ее телом, — сказал Газзо, — был еще носовой платок с пятнами крови и машинного масла. Получается, что он вытер ей лицо, еще не зная, что она мертва. Платок слишком обычный, чтобы его можно было проследить. Много сигаретных окурков. Пустая бутылка из-под виски, начисто вытертая. Пивные банки, тоже вытертые.

Джо-Джо сбежал. Джо-Джо — фанатик гоночных машин. Джо-Джо работал с машинным маслом. Бутылка и пивные банки — это никак не походило на двух бандитов, задающих вопросы. Адресная книжка — если она была — исчезла. Да, несомненно, кто-то из знакомых Нэнси Дрисколл...

Газзо вздохнул.

— Все совпадает, Дэн. У меня не было выхода на Олсена, это произошло далеко от его района.

— А я помог на него выйти.

— О да, он должен быть тебе очень благодарен, — насмешливо проговорил Газзо. Помолчав, он добавил: — Теперь Олсен в розыске уже не как пропавший, а как подозреваемый в убийстве.

ГЛАВА 11

В этом мире приходится жить, прикидывая вероятность того или иного варианта. Капитан Газзо именно это и делал. С точки зрения капитана, убийцей в полном соответствии с логикой мог быть Джо-Джо. Но я-то успел прочувствовать, что за парень этот Джо-Джо Олсен, и в моей картине он к числу вероятных убийц не относился.

Может сложиться неверное впечатление, если говоришь о человеке только с его друзьями или врагами, но, как ни режь этот пирог, каждый раз получалось, что Джо-Джо Олсен не склонен к насилию. Не вырисовывалась вероятность того, что Джо-Джо Олсен потеряет рассудок из-за женщины. Возможно, конечно, — все возможно, — но не очень вероятно. Вот из-за гоночной машины Джо-Джо мог потерять рассудок, это верно, но вряд ли из-за чего-нибудь еще. Да и в этом случае его реакция была бы ненасильственной.

А здесь ключом было насилие.

Я стоял под жарким послеполуденным солнцем рядом со зданием полиции и мысленным взором обозревал весь ландшафт этого дела — кругом было насилие. Быстрое и профессиональное насилие по отношению к патрульному Скеттину. Незапланированное насилие вора, убившего Тани Джоунс. Рассчитанное насилие, уложившее Пита Витанцу в больницу. Угроза Шведа Олсена. Угроза насилия, которую предвещали две мои тени. Бесконечный потенциал насилия — Энди Паппас. Животное насилие Джейка Рота и Милта Баньо по приказу Паппаса. Обнаженное насилие с начала до конца. В этом ландшафте Джо-Джо Олсену просто не было места.

Но с Нэнси Дрисколл был связан только Джо-Джо.

Теперь мне было необходимо нащупать связь между Нэнси и тем или иным фактором в этом деле — иначе придется убрать ее из дела, решив, что убил девушку посторонний, не имеющий отношения к Джо-Джо и другим действующим лицам. Кто-то вроде Уолша.

Искать ответа следовало у людей, знавших Нэнси Дрисколл. Может быть, полиция что-то упустила. Такое с ними случается, хотя и не очень часто. Но в этот раз они вели расследование, ничего не зная о Джо-Джо. Я опять поднялся к Газзо и взял адреса Пегги Брандт. Потом вернулся на жару и остановил такси. У меня было два адреса Пегги. Поскольку время было еще относительно раннее, я назвал таксисту ее служебный, откинулся на спинку сиденья и попытался ни о чем не думать.

Не получилось. Это никогда не получается. Меня не оставляло ощущение, что я упустил нечто важное...

Мисс Пегги Брандт работала в здании «Юнион Карбайд». Я поднялся на эскалаторе к роскошному фойе и к лифтам. Мисс Брандт вышла ко мне из недр своей прекрасно обстав-

ленной конторы по ковру дюйма в четыре толщиной. Ее лицо сразу стало замкнутым, стоило ей увидеть меня. Взгляд скользнул по моему пустому рукаву. Она была высокая, красивая и очень спокойная. Я объяснил, зачем пришел. Пегги провела меня в зал для совещаний.

— Чем вы здесь занимаетесь, мисс Брандт? — спросил я. Мне действительно было интересно.

— Я редактор, — ответила она. — Я ведь уже рассказала полиции все, что знаю, мистер Форчун.

— Да, конечно. Но я хотел бы побольше узнать о Нэнси. Я ищу убийцу, и мне нужно представлять человека, которого убили.

Пегги Брандт скрестила свои очень красивые ноги, выгнула спину, демонстрируя грудь. Я за всем этим наблюдал. Она мной не интересовалась — я был для нее староват, — но автоматически выставяла товар напоказ. Товар был хороший.

— Я уже пыталась об этом думать, — медленно проговорила Пегги Брандт, — но у меня мало что получается. Нэнси была странной девушкой. Нет, не странной, она была слишком обычной. Вы видели ее квартиру?

Я кивнул.

— Она хотела иметь все: мебель, картины... Время-то шло, понимаете? Она видела слишком много фильмов про современные женатые пары. Нэнси читала женские журналы и мечтала, как сама будет жить такой жизнью. У нее не было желания сделать карьеру, да и способностей к этому, я думаю, тоже... — В голосе Пегги звучало искреннее сожаление. — Она не могла позволить себе по-настоящему хорошие вещи и покупала дешевые имитации. Да и с мужчинами получалось примерно так же.

— А Джо-Джо Олсен?

— Джо-Джо? — Девушка тряхнула своей красивой головой. — Я не знаю никакого Джо-Джо. Наверное, вы имеете в виду Джозефа. Фамилия мне была незнакома. Нэнси вообще мало что рассказывала. Я знала, что у нее есть мужчина по имени Джо, моложе нее. Я думаю, он ей очень нравился. Я хочу сказать, сам мужчина был не так важен, как ее картина: они вместе, в уютном брачном гнездышке. Но мне кажется, он ей нравился, во всяком случае, она считала, что он может обеспечить ей жизнь, к которой она стремится. Но он, по-моему, не спешил. Спешила она. Я никогда не видела девушку, которая так спешила бы.

Она умолкла.

— Джо-Джо не спешил жениться, — чуть-чуть подтолкнул я ее. — У него были большие планы. Он собирался стать автогонщиком.

— Да, Джозеф любил машины, — согласилась Пегги. — А Нэнси любила говорить о том, как они будут раскатывать по всему миру. Но она никак не могла добиться, чтобы он

на ней женился — во всяком случае, я так поняла. И она стала встречаться с кем попало. Мне кажется, она часто дразнила мужчин. Девушки, которые все время говорят о браке, почти всегда становятся такими. У них это не специально, просто они не понимают, что для многих любовь вовсе не означает вступление в брак. Нэнси рассказывала о нескольких неприятных сценах с мужчинами...

— Имена знаете? — оживился я. — Кто-нибудь, кто мог бы...

— Нет, я уже сказала полиции, что имен не знаю. Она очень переживала из-за этого Джозефа, и каждый день ее все больше беспокоило то, что она стареет и все еще не замужем за нужным человеком. Она делала глупости, если судить по тому немногому, что рассказывала. Похоже, она пыталась женить на себе каждого мужчину, с которым встречалась. — Пегги помолчала, раскрестила и опять скрестила свои красивые ноги, рассеянно потерла бедро. — Потом появился этот Уолш.

— Она была его любовницей?

Пегги кивнула.

— Она мне рассказывала, что Уолш долго за ней ухаживал. Мне кажется, мистер Форчун, она как бы сломалась. Внутри, понимаете? Она слишком спешила, мальчики, которых она знала, были такими ничтожествами... и не хотели жениться. Уолш не мог жениться, но он мог что-то ей дать. И однажды она сказала ему «да». А мне сообщила, что устала ждать. — Она посмотрела мне в глаза. — Это нелогично, мистер Форчун, но есть женщины, которые не позволят потенциальному мужу даже прикоснуться к ней до брака, однако соглашаются спать с мужчиной, о браке и не думающем.

— Я знаю.

Это старая и довольно печальная история. Приличная молодая девушка, ей одиноко, она беспокоится и подгоняет время. Ей нужен не мужчина, а брак — но и мужчина нужен тоже. Она скучает, чувствует себя пустой и обманутой. Она не способна лечь в постель с мужчиной, который может на ней жениться, до замужества. Так она воспитана. Потом она встречает мужчину, который не может на ней жениться, которому она нужна только для развлечения, и все ее желания поднимаются на поверхность, не сдерживаемые возможностью брака. Своего рода парадокс. У нее непреодолимый внутренний барьер против страсти без замужества, но вдруг замужество перестает играть роль, просто исчезает как фактор, и человеческое естество вспыхивает со всей силой...

— Вы думаете, ее убил Уолш? — осторожно проговорил я.

— Не знаю, мистер Форчун. Кто может сказать, что между ними было? Она каталась с ним на лодке. Иногда он даже брал ее в деловые поездки. Он приходил к ней домой.

Странно — она говорила об Уолше так, что мне казалось: Нэнси полностью отделяет жизнь с ним от своих поисков мужа. Мужчине это нелегко понять.

— Да, — согласился я. — Вы можете рассказать мне что-нибудь еще о той субботе?

— Нет, ничего. Нэнси не очень-то откровенничала. Она жила в придуманном мире. Каждый мужчина был целью, каждая женщина — соперницей.

— Что вы думаете о женщине? — спросил я. — Я имею в виду — в роли убийцы.

— Наверное, кроме меня, она и женщин-то не знала.

— Миссис Уолш?

— Понятия не имею, мистер Форчун.

Она поднялась и взглянула на часы.

— Извините, у меня работа.

Я ушел. Из этого разговора я не вынес ничего, что вредило бы Джо-Джо Олсену, и ничего, что помогало бы ему, если не считать того обстоятельства, что все это никак не походило на мотив для Джо-Джо. Девушка гонялась за ним. Газзо не говорил, что она была беременна. Это убийство относилось к разряду тех, где мотив и убийца обнаруживаются в одно и то же время. Рано или поздно окажется, что у одного из мужчин, с кем была знакома Нэнси Дрисколл, нет алиби.

— Попробую-ка я еще раз Уолша...

Я прошел пешком от Парк-авеню до конторы туристического бюро «Трафальгар». Уолш не обрадовался, увидев меня. По моему лицу он понял, что сейчас я знаю больше, чем в прошлое посещение. Он нервничал. Он так поспешно впустил меня в свой кабинет, как если бы все его служащие глазели на него. Они и глазели. Я подумал, что почти со всеми ними у него, наверное, что-то было, а теперь они все знали о Нэнси Дрисколл. Он гордился своим завоеванием Нэнси, но беспокоился, что об этом узнают. Нервный любовник может быть опасен.

— Извините, что я позвонил в полицию, мистер Форчун, но... — начал Уолш. Он машинально потирал бицепс.

— Вы думали, что я убийца, — усмехнулся я. — Ну конечно! Ладно, что, собственно говоря, произошло, Уолш? Она собиралась устроить скандал?

Уолш побледнел, это было видно, несмотря на загар.

— Нет! Она... она любила меня.

— Да вы сами в это не верите, — насмешливо проговорил я. — Она скучала, и ей хотелось завести любовника побогаче. Сколько она вам стоила в месяц?

Уолш презрительно хохотнул.

— Вы все не так поняли, Форчун.

Я заметил, что он меня уже не называет «мистером».

— Ей был нужен только я. А я довольно хорош, если хотите знать.

— Я буду о вас мечтать.

Он на секунду смутился.

— Я давал Нэнси то, что ей было нужно, и это были не деньги.

— Вы давали Нэнси то, что ей было нужно, плюс деньги, если я знаю женщин и таких, как вы, Уолш.

Он нахмурился.

— Я делал ей подарки. Почему нет?

— Спросите у своей жены.

Уолш резко наклонился вперед.

— Ее не впутывайте.

— Так что же случилось? Нэнси сказала, что уезжает с Джо?

— Джо?

— Парень, за которого она хотела выйти замуж.

— Он-то? Нет, разве что он очень изменился. Он со своими гонимыми машинами! Иисусе! Вы можете представить парня, который предпочтет Нэнси железяку? Она как-то упомянула, что когда они приходили к ней домой, то разговаривали только о гонках.

Он самодовольно улыбнулся.

— Я с ней о гонках не говорил.

— Вы знали Джо-Джо?

— Кого?

— Джозефа, ее приятеля.

— Мне было известно, что он есть, Форчун, и только. Вы думаете, это он ее убил? Может быть, он узнал про меня и не смог этого вынести?

Это была неплохая мысль. Она и мне приходила не раз. И Газзо об этом не мог не подумать. Такие вещи случаются в жизни, ибо мужчины часто ведут себя нелогично. А еще вот как это можно сформулировать: «собака на сене», и для избиения эта причина ничуть не хуже другой. Может быть, Джо-Джо, уже убегая, захотел прихватить с собой Нэнси, но она уже успела привязаться к Уолшу. От неожиданности Джо-Джо мог прийти в ярость. Но я не хотел, чтобы Уолш думал, будто смог меня переубедить.

— Я думаю, что ее убили вы, — спокойно сказал я.

На мгновение мне показалось, что он сейчас бросится на меня. Я даже начал оглядываться в поисках оружия, но он, видимо, передумал, мышцы его расслабились.

— Вам доставляла неприятности жена. Нэнси захотела слишком многого?

— В полиции не думают, что это я ее убил.

— Там могут передумать.

— Только не при моем алиби.

— У вас нет алиби. Лодку можно повернуть в любом направлении.

— Это нужно еще доказать.

— Может быть, я так и сделаю, — заявил я. — Начну копать где только можно...

Сейчас он был напуган, сильно напуган, но боялся, мне показалось, не того, что я могу что-то найти.

— Не лезьте ко мне! — громко проговорил он. — Слышали? Я не хочу, чтобы вы лезли в мою жизнь, я не хочу...

— А мне плевать, чего вы там не хотите, Уолш.

Он был весь мокрый от пота в этом прохладном офисе. Сделав очень короткую паузу, Уолш переменял тактику.

— Войдите в мое положение, Форчун... Если жена, если дети...

Вот чего он боялся — что его жена узнает, узнает сейчас. Какой ему смысл попадаться сейчас, когда от Нэнси Дрисколл уже никакой пользы?

Он вытер мокрое лицо шелковым платком.

— Я ничего не знаю. Я звонил ей в субботу. Ну да, полиции я это не сказал. А зачем? Я ведь не замешан фактически, а если моя жена...

— Вы ей звонили.

— У нее был мужчина. Она очень злилась, сказала, он сильно пьян, пьяный щенок. Сказала, что все мужчины обманщики. Этот человек был там, понимаете? Послушайте, Форчун, не надо портить мне жизнь. Оставьте в покое мою жену, мой дом. Ну... пожалуйста.

Я убрался оттуда. Может быть, он убил ее, а может, и нет. (Я был уверен, что нет. Его история совпадала с историей Пегги Брандт.) Но если он это сделал, Газзо его возьмет. Судя по всему, Газзо играл под сурдинку. — или чтобы пригасить настороженность Уолша, или не желая травмировать детей, которые никому не сделали ничего плохого. Но если отпадет Джо-Джо, капитан возьмется за Уолша. Плохо ему будет. Мысль об этом меня не огорчила.

Мне очень хотелось чего-то чистого. Для меня в этом отношении существовала только Марти. Я позвонил ей из фойе, когда оставил Уолша. Она оказалась дома. Услышав ее голос, я решил, что должен ее увидеть. Моих преследователей не было весь день. Может быть, имело смысл рискнуть. Увидеть ее — даже если это будет стоить мне жизни.

Сказать-то легко...

ГЛАВА 12

Марти была уже в своей уличной одежде. Кондиционер поддерживал в квартире ощутимую прохладу. Задернутые шторы скрывали нас от опустившейся на город ночи. Шторы я задернул на тот случай, если мои тени вернутся. Но они еще не вернулись. Пока Марти одевалась, я допил третью банку пива. Марти не прячется, когда одевается или раздевается. Она знает, что честная, без всяких ухищрений, на-

гота прекрасна. И еще она понимает, что между мужчиной и женщиной должно быть как можно меньше скрытого. Все должно быть простым и естественным.

Сейчас я лежал одетый на кровати, а она сидела в кресле. Скоро ей нужно было идти на работу.

— Легче бороться с чем-то, когда знаешь, что это такое, — сказала Марти, продолжая разговор.

— Нет, — возразил я, — не легче, но в чем-то лучше. Если бы я знал, кто мне противостоит, то, вероятно, был бы напуган еще больше, но на душе у меня стало бы спокойнее.

— Да, ситуация сложная... Фактически ты знаешь только, что Джо-Джо исчез и его ищет еще кто-то, помимо тебя.

Она была права, конечно. Только это я и знал. Если не считать того, что мой клиент лежал в больнице и у меня были отличные шансы к нему присоединиться.

— А ты не можешь об этом просто забыть? Уйти и все? — мягко проговорила она.

— Нет.

— Мальчик?

— Отчасти. Я не могу оставить клиента, на котором бинтов больше, чем волос. Так не делается.

— Ты думаешь, что эту Нэнси убил Джо-Джо?

— Нет, но так думает Газзо. Нет, Газзо тоже так не думает. Газзо вообще не думает, он выясняет. Он хороший полицейский. Он сначала найдет Джо-Джо, а уж тогда возникнет вопрос, виновен он или нет.

— Если кто-нибудь найдет Джо-Джо, — заметила Марти.

— Они продолжают искать. Вот чего я не понимаю, так это случая со Стеттином. Он-то сюда как замешался? У него забрали все, но что именно было нужно? Пистолет? Дубинка? Бумажник? Что?

— Может быть, тот, кто это сделал, просто хотел убрать Стеттина на некоторое время, — сказала Марти.

Она совсем молодая, Марти, но голова у нее работает. Она слишком молода для меня, и я часто спрашиваю себя — почему? Да, почему я встречаюсь с такой молодой женщиной? Конечно, есть нормальная причина: она очень красивая. Но и еще что-то. Мы в этой стране поклоняемся молодым, и многие в мире стали подражать нам. Но в действительности мы поклоняемся не молодым, а молодости. Да-да, надежде, и невинности, и бессмертию молодости. Мы хотим быть молодыми не потому, что это физически приятно — быть молодым и энергичным, — а потому, что быть молодым — это еще не знать, что мир несовершенен и не вечен и часто не таков, каким мы хотим, чтобы он был. Молодым перестаешь быть в то первое мгновение, когда понимаешь, что совершенства не бывает и ничто не может быть вечным — даже твои мечты и желания. Быть моло-

дым — это смотреть на мир и думать, что все возможно. Марти — это моя иллюзия молодости...

— Ну хорошо, кто-то хотел на время выключить Стеттина, — согласился я. — Но для чего? Просто чтобы ограбить одну квартиру? Скрыться незамеченным? Но ведь ограбление было произведено до нападения на Стеттина. Так что идея в том, чтобы скрыться незамеченным, отпадает. Стеттин ничего не видел. Он не знает, почему на него напали.

— Все это могло быть совпадением, — медленно проговорила Марти. — Полным или частичным совпадением. Возможно, Стеттин — это та деталь, которая ни к чему не подходит. Он вообще ни при чем. Твой Джо-Джо только видел вора и может засвидетельствовать, что он находился на месте убийства Тани. А может быть, Джо-Джо видел всего лишь, кто напал на полицейского, а убийство совершил кто-то другой. Оба убийства. — Она задумчиво покусала ноготь. — Но я не понимаю, Дэн: эти двое, что следят за тобой, если это люди Паппаса, то почему он и предупреждает тебя, и устраивает за тобой слежку? Да они не просто следят, они гоняются за тобой, а Паппас мог бы увидеть тебя в любую минуту.

— Ну и?..

— Ну и кто же эти двое? Кто мог послать людей против Паппаса? Я хочу сказать, если это люди не Паппаса и они разыскивают Джо-Джо, то они должны работать на убийцу Тани, а это значит, что они против Паппаса. Но кто может пойти против Паппаса?

Как я и говорил, голова у Марти работает. Кто в нашем местном уголовном мире пойдет против Паппаса? Это был огромный вопрос без ответа.

— Может быть, их нанял Олсен и не сказал Энди, — предположил я. — Олсен мог это сделать на всякий случай, чтобы насовсем отпугнуть меня. Тогда они и не знают, что пошли против Паппаса.

Марти вздохнула.

— Может быть, может быть и может быть. Может быть, ты не своим делом занимаешься. По телевизору такие дела раскрывают намного быстрее.

— Ровно за час, минус рекламные вставки. Там все очень умные, а преступники всячески им помогают. А я, вполне возможно, это дело и не раскрою.

— Если не раскроешь, с тобой невозможно будет общаться. Я тебя знаю. Когда задета твоя гордость...

— Да я бы сейчас наплевал на свою гордость. Но мне не позволяют это сделать.

— Ну, тогда думай. А я пошла на работу.

Она надела замшевый жакетик, поцеловала меня и ушла. Через несколько минут я поднялся с кровати и подошел к окну. Чуть отодвинул штору и выглянул в щелку. Внимательно оглядел улицу. Там не было ничего примечательного,

кроме обычной для вечера пятницы толпы. Никакие тени не подкарауливали меня внизу.

Я сел к телевизору и долго смотрел очередную часть детективного сериала. Там показывали совершенно невероятные вещи, которые казались вполне вероятными. Вот посмотрю, сказал я себе, и буду думать о деле.

Я опять подошел к окну. На улице было безлюдно. Обычная улица в пятницу около полуночи. Потом я услышал шум в холле у двери.

Легкие шаги, но не крадущиеся. Судя по звукам, двое мужчин. Тени от их ног были видны мне в щель под дверью. За моей спиной светился голубовато-белым экран телевизора. Я оглянулся в поисках оружия.

Резко прозвучал дверной звонок.

Я стоял и смотрел на дверь. Звонок прозвучал опять, еще резче и настойчивее. Я подумал, что те двое, что следили за мной, не стали бы звонить. Тут я услышал третий звонок, очень длинный, и голос:

— Открой, Форчун!

Этот голос я знал, но не сразу смог сообразить, кому он принадлежит.

— Эй, приятель, мы знаем, что ты там.

Я понял. Джейк Рот — лучший боец Энди Паппаса. Я открыл дверь. Даже если бы меня беспокоила встреча с Ротом, я бы все равно открыл. Не откроешь — выломает. Я увидел, что он не один. С ним был Милт Баньо, он стоял шага на два позади Рота. Маленький Милт держал руки в карманах пиджака. Рот оглядел меня сверху вниз своими змеиными глазами.

— Скажи, что нам можно войти, приятель, — негромко проговорил Рот.

Я отступил назад.

— Конечно, проходите.

Рот и Милт Баньо были профессиональной парой. Они не дублировали друг друга. Войдя, каждый исследовал свою часть территории. Рот проверил те места, которые не были видны от двери, и заглянул в кухню. Баньон взял на себя темные углы, спальню, ванную комнату. Стенные шкафы они поделили. Потом сошлись вместе в гостиной, где стоял я. Все это время они передвигались так, чтобы при необходимости прикрыть друг друга огнем.

— Вас прислал Энди? — спросил я.

Они продолжали молча оглядываться по сторонам с того места, где стояли в гостиной. За все это время они еще ни разу не взглянули на меня. У Милта Баньо был разочарованный вид. Мне стало холодно, когда я понял — почему. Баньо искал Марти. Маленький Милт был разочарован, что Марти нет дома. Я не женщина, но я весь передернулся при мысли о том, что он ко мне может прикоснуться. Рот заглядывал под подушки и диванные валики.

— Мистер Паппас прислал нас, нюхач, — сказал Рот.

Никто из людей Энди Паппаса не может понять, почему Энди позволяет мне разговаривать с ним так, как я с ним разговариваю — да я и сам не понимаю. Бывало, людям ломали обе руки за меньшее. Баньо это особенлис не беспокоит, ему просто любопытно. Все, что делает Энди, для него не подлежит обсуждению. А Рот — другое дело. Ему не нравилось, что я называю его босса Энди. Его это раздражало.

— Что я могу сделать для Энди на этот раз? — я выделл интонацией имя.

Рот не посмотрел на меня. Он с отвращением отбросил кресельную подушку, под которой ничего не нашел. Потом повернулся ко мне. И ударил кулаком в губы. Удар был очень быстрый, я даже не успел заметить, как приближается кулак — увидел только злую улыбку Рота, а потом уже сидел на полу.

— Вопросы, вопросы... — проговорил Рот.

Я тряхнул головой, отгоняя туман. Рот бил сильно для такого худого человека. Наверно, он весь состоял из мышц. Я почувствовал вкус крови. Губы уже начали распухать. Один зуб шатался. Я еще раз тряхнул головой и начал подниматься. Успел подняться наполовину, рукой опираясь о пол, когда Рот опять меня ударил. Он ударил меня два раза. Правый кулак угодил в щеку, левый в нос. Помню, я подумал, что в чисто техническом отношении бокс у Рота не очень-то хорош.

— Ты говорил с легавыми, — сказал кто-то. Кажется, это был Рот.

Я увидел Милта Баньо. Он стоял падо мной. Это показалось мне странным, потому что он только что был позади меня. У Баньо был скучающий вид. Наверное, он не мог прийти в себя от разочарования: Марти не было. Вдруг я понял, что Милт не двигался с места — это мое положение изменилось. Последние два удара отшвырнули меня, и я оказался позади Баньо. Я лежал на спине, головой у самого кресла. Нос у меня совсем онемел. Наверно, был сломан. В глазах стояли слезы. Левая скула горела огнем. Казалось, голова принадлежит кому-то другому. Ноги отказывались двигаться. Потом Милт Баньо уплыл куда-то. Я тряхнул головой, и он вернулся на место. Джейк Рот тоже.

— Тебе было сказано, — прошипел Рот. — Мы тебе сказали.

Его голос казался отдаленным, как будто из другой комнаты, хотя лицо было совсем близко. В голосе звучало безмерное удивление. Мне же сказали. Паппас. Джейк Рот. А я задавал вопросы. Ходил в полицию. Рот не мог этого понять. Мне сказали. Рот наклонился ко мне. Я почувствовал, как его пальцы вцеплют мне уши. Он помог мне сесть.

Боль в ушах немного привела меня в чувство. Рот прислонил меня к креслу. Наклонился совсем близко ко мне.

— А ты не послушал, — сказал Рот.

Он легонько ударил меня ладонью по лицу. По сломанному носу. Было больно.

— Надо слушать, — сказал Рот.

Он еще раз ударил меня. Было очень больно. Я оперся левым плечом о кресло и изо всей силы нанес ему удар правой в подбородок. Хороший был удар. Рот упал на спину, взбрыкнув в воздухе длинными ногами. Он стоял полусогнутый, и сохранить равновесие после моего удачного удара никак не мог. На его лице даже появилось немного крови. Он быстро вскочил. Ему уже доводилось получать удары, а я не боец. Но все же кровь ему пустил. Я улыбнулся.

— Ты грязный сукин сын! — прорычал Рот, пнул меня в бок. Ботинки у него были большие и остроконечные. Я почувствовал, что меня поднимают. Это был Милт Баньо. Он посадил меня, как и раньше, спиной к креслу. Мне показалось, что Милт удерживает Рота. Я сидел и смотрел, как они спорят. Потом Рот опять наклонился ко мне.

— Ну, ты понял? Теперь ты понял?

Я опять его ударил. Сил у меня почти не осталось, и я даже не смог сбить его с ног. Но, конечно, он разозлился. Он не стал бить меня или пинать. Вероятно, решил, что от этого мало толку. Я почувствовал его руки у себя на шее. Почувствовал, что меня поднимают. А потом я пролетел по воздуху и ударился в стену.

Я лежал на полу, и мне было холодно. Почему-то мой мозг еще работал. Постепенно я понял, что Рот вышвырнул меня в кухню. Взяв за шею, как цыпленка. Эта мысль меня и взбесила — как цыпленка.

Я потряс головой и огляделся. Рот шел ко мне — казалось, все происходило как в замедленной съемке. Я встал на колени, открыл ящик кухонного шкафа, вытащил большой мясницкий нож. Он был острый как бритва. Я сам заточил его для Марти. Сжимая нож в руке, прислонился спиной к шкафу, сидя. Сейчас Рот и Баньо находились в проеме двери кухни.

Оба держали пистолеты. Вероятно, у них это было чисто рефлекторное при виде ножа. Войдя в кухню, стали поодаль друг от друга, чтобы я не мог достать обоих сразу. Кухня была маленькая, не развернешься, а я оказался зажатым в угол у шкафа. Мне в глаза смотрели дула пистолетов. Рот засмеялся.

— Вонючий нож против двух пистолетов! Ты умрешь очень быстро, сопляк.

— Положи-ка его, Форчун, — сказал Баньо.

— Ближе не надо, — проговорил я. Мой голос даже мне показался странным. Губы у меня сильно распухли. Вся

челюсть болела. В носу начало пульсировать в такт биениям сердца.

— Я тебя убью, приятель, — прошипел Рот.

— Придется, — сказал я, поднимая нож выше.

Баньо шагнул ко мне.

— Послушай, Форчун..

Я сделал выпад ножом.

— Вам придется меня убить. Если кто-нибудь подойдет ближе, я его зарежу. Хотите со мной разделаться — стреляйте. Но только подойдите ко мне — убью.

Я говорил серьезно. Но в то же время понимал, что у Рота и Баньо не было приказа убить меня. Я очень на это рассчитывал. Если же им приказано меня убить, они так или иначе это сделают. Успею ли я ударить одного из них в этом случае? Вряд ли: оба пистолета сорок пятого калибра...

— Джейк... — молвил Баньо.

— Проваливай, если тебе не нравится, — огрызнулся Рот.

— Идем, Джейк, — сказал Баньо.

Я чувствовал по голосу Баньо, что он нервничает. Что-то беспокоило Маленького Милта больше, чем могло бы обеспокоить обычное избиение. Особенно избиение по приказу Энди Паппаса. Может быть, я ошибался.

— Этот грязный мерзавец... — прошипел Рот.

— Мы сделали дело, — настаивал Баньо. — Он все понял.

Я даже не знаю точно, когда они ушли. Вероятно, на какое-то время я потерял сознание.

Помню, как усиливалась боль.

Помню, подумал, чувствуя боль в груди, что у меня сломан не только нос.

Помню лицо Марти, склонившейся ко мне.

Кажется, помню врача.

И боль, боль, боль...

ГЛАВА 13

Когда я очнулся в первый раз, то сразу попытался определить, где нахожусь. Это у меня автоматическое, я ведь много путешествовал. Я лежал в постели. За опущенными шторами светило солнце. Судя по мебели, это была не моя спальня. И на комнату в отеле «Мэннинг» она тоже не походила. Тюрьма и больница вроде как исключались.

Я снова попытался разобраться в своих ощущениях. Голова была очень легкая и не прикреплялась к шее. Головная боль, казалось, располагалась где-то выше головы. Я не понимал, как это возможно. Лицо сильно распухло. Нос прикрывала повязка. Болело везде. На ребрах я смутно ощущал

давящую повязку. Но все части тела были как будто на месте.

Я помнил, что меня избил Джейк Рот, но напрасно силился воспроизвести подробности. Наверное, эти мысли отразились на моем лице.

— У тебя такой вид, будто ты увидел привидение.

Это сказала Марти. Я лежал, конечно же, в ее спальне. Она стояла с подносом, на нем — апельсиновый сок, кофе, чаша с чем-то дымящимся. Сразу захотелось есть.

— Да, увидел, — ответил я. — Свое собственное.

Она поставила поднос на столик у кровати и подала мне сок.

— Это ты нашла меня ночью?

Она кивнула.

— В кухне. У тебя был мясницкий нож. Ты?..

— Нет, я только получал.

Тут я вспомнил свои два удара. Мне стало чертовски приятно. По крайней мере я оставил кое-что Роту на память. Вспомнил и свой ультиматум. Мне стало холодно. Одно дело — рисковать подобным образом в критические секунды и совсем другое — думать об этом после. Джейк Рот не был рассудительным человеком, способным к самоконтролю. Он вполне мог потерять голову.

— Когда я увидела тебя, то чуть не упала в обморок. Сразу бросился в глаза нож, а ты словно мертвый. Потом оказалось, что ты просто без сознания, и я вызвала врача. Он сказал, что выглядит это хуже, чем есть на самом деле.

— Но чувствуется это хуже, чем выглядит, — заметил я. — Какой счет?

— Сломан нос. Теперь ты не будешь таким красивым.

— Переживу.

— Ссадины на лице, много. Легкое сотрясение мозга, перелом ребра. В груди порвалось несколько связок.

— Могу поклясться, я роскошно выгляжу. — Я улыбнулся и сразу поморщился от боли.

— И к дантисту тебе придется сходить. Кто это сделал, Дэн?

— Да забудь ты об этом. Надо было отправить меня домой.

— Надо было! — сказала Марти. — Теперь ешь. Суп хороший.

Я начал есть. Суп действительно был хороший.

— Что им было нужно? — спросила Марти.

— Никаких вопросов. Огромной глупостью было приехать сюда.

Я покончил с супом, начал пить кофе. Она сидела на краю кровати и смотрела. Потом наклонилась и поцеловала меня в лоб. После чего быстро поднялась.

— Оставайся здесь. И постарайся больше не изображать из себя боксерскую грушу.

— Куда, интересно, ты идешь? — удивился я.
— На работу, бэби.
— Работу?
— Сейчас около девяти часов.
— Вечера?
— Врач сделал тебе укол. Он сказал, что ты должен пролежать не менее двух суток.
— Я проспал весь день?
— Да, и вид у тебя был ангельский.
— Ну конечно.
— Двое суток, сказал врач.
— Ладно, — проговорил я. — Иди на работу.
— Ты будешь здесь, когда я вернусь, Дэн?
— Может быть. Нет, бэби, вряд ли.
— Это надо понимать так, что ты можешь вернуться, но сначала уйдешь?

— Лучшая защита — это нападение, — ответил я.

Она опять меня поцеловала.

— Будь осторожен.

Когда она уходила, волосы ее отсвечивали красным в мягком свете спальни. На ней был все тот же замшевый жакетик. Лучше бы ей остаться. Да и мне лучше бы не уходить. Но она должна была работать, я тоже.

Получалось, что Паппас намного больше обеспокоен, чем казалось вначале. Энди еще никогда не устраивал мне работу. Наверно, я подобрался слишком близко к чьим-то чувствительным мозолям. Выходило вроде, что это мозоли Паппаса, но мне такой расклад не нравился. Если Энди хотел вывести меня из игры, он действовал бы более прямолинейно. К тому же я доверял суждению Газзо. Но до конца, правда, я не мог полностью исключить участие Паппаса в этом деле. Газзо не видел Паппаса или его ребят в роли убийцы Тани Джоунс, и вероятно, был прав. Значит, если Паппас не убийца, он должен сам искать убийцу. Тогда зачем обрабатывать меня? Чтобы иметь исключительный доступ к Джо-Джо. Да, это имело смысл — с точки зрения Паппаса. Он хотел съесть Джо-Джо в одиночку. И это означало, что у Джо-Джо серьезные проблемы. А мне следовало поспешить.

Я начал вылезать из постели. Боль разлилась по всему телу. Было трудно дышать, хотя повязка на ребрах помогла. Еще труднее оказалось дышать через сломанный нос. Моя одежда исчезла. Я принялся было ругать Марти, но, открыв стенной шкаф, обнаружил одежду. Наверно, Марти звонила Джо-Джо. Хорошо иметь друзей. Я оделся и впервые посмотрел в зеркало.

Сломанный нос из-за наклеенной повязки на переносице почти не был виден. На скуле тоже имелись наклейки. Губы больше всего напоминали котлету, запеченную в тесте. Но красивее всего были глаза. Дюйма на два вокруг

каждого кожа расцветилась желтовато-коричнево-черным... Да, видик...

Прежде чем выйти, я посмотрел в оба окна, нет ли где тей. Никого не увидел. Потом осторожно спустился по лестнице и огляделся. В субботу вечером такие толпы, что ничего толком не разберешь. Целая армия может раствориться в этом людском водовороте, поди пойми, кто есть кто. Никаких подозрительных личностей я не увидел. На всякий случай прошел по нескольким боковым улочкам, аллеям и через задние дворы, рассчитывая, что это позволит выявить слежку. Никто за мной не следил. Тогда я направился в сторону Дойл-стрит.

Мои намерения были очевидными — нужно начинать все заново. Джо-Джо очень умело спрятался. Никто его еще не нашел, даже Паппас, если Паппас действительно искал. Один факт выделялся на общем фоне, как блондинка в бикини на сходке квакеров: Джо-Джо не считал нужным сообщить семье, где он находится, или же у того, кто искал Джо-Джо, были причины не обращаться за информацией к семье. Лично я считал более вероятным первое — Джо-Джо не сказал семье, и это заставляло задуматься. Почему Джо-Джо скрыл все от семьи? Это был новый вопрос. Может быть, ответ знает старый Шмидт. Или Пит. После Шмидта нанесу визит Питу. А после Пита начну долгую рутину... Но об этом не хотелось и думать.

Гараж Шмидта находился чуть дальше того конца аллеи, который выходил на Уотер-стрит, на северной стороне улицы. Аллея, в которой напали на Стеттина, была подальше, на южной стороне Уотер-стрит, вблизи реки. Я пересек Уотер-стрит и остановился — мне была видна аллея у здания, гараж Шмидта и дальний вход в аллею, где напали на Стеттина.

Я хорошо видел заднюю стену дома, в котором убили Тани Джоунс. Дом был огромный, он возвышался над окружающими, как слон над собачками. Большинство окон выше седьмого или восьмого этажа можно рассмотреть от гаража Шмидта. Пожарной лестницы не было. В аллее рядом со зданием — очень мало укрытий. Я пошел к гаражу Шмидта.

От гаража был прекрасно виден вход в обе аллеи, но ничего больше — ничего в самих аллеях. Однако же кто-то, ездивший вперед-назад по улице на мотоцикле, мог увидеть все, что происходило в аллеях. Я не стал их осматривать. Полиция тщательно изучила обе, по ним целый день ходят люди, въезжают машины.

Я огляделся — удостовериться, что я один. По обе стороны улицы стояли машины, припаркованные тесно, бампер к бамперу. Не было машин только у входа в аллеи и на обеих подъездных дорожках гаража. Я увидел, что в конторе гаража и самом гараже горит свет. Ну вот, Шмидт

работает допоздна и сможет поговорить со мной. Это было хорошее предзнаменование.

Но было и плохое предзнаменование. Тишина.

В гараже не бывает тихо. При том, что свет горел в обоих помещениях, тишина производила зловещее впечатление. Я заглянул в контору. Пусто. На столе раскрытый грессбук и бумажный стаканчик для кофе. Я прошел в сам гараж.

Шмидта я нашел за полуразобранном грузовиком. Его хорошо обработали, прежде чем он умер. Не думаю, что его намеревались убить. Он, вероятно, умер неожиданно для них. Его белые волосы лежали в луже крови, натекашей из носа и рта. Кровь еще не успела подсохнуть. Одна рука, похоже, была сломана. Я не стал изучать, что еще они с ним сделали, но на верстаке горела паяльная лампа. В правой руке старика был длинный стальной прут. Очевидно, он пытался защищаться. Молодец старик.

Только вот не помогло ему это.

Из конторы я позвонил Газзо. Пока я его ждал, мне казалось, что за мной наблюдают чьи-то глаза. Вероятно, разыгралось воображение. Я прислушивался к каждому звуку, пока на улице не завывли сирены и меня не окружили люди в голубой форме. Газзо сел за стол Шмидта. Я высказал ему свои соображения об этом убийстве.

— Взял бы ты отпуск, что ли, — сказал капитан. — А то я не справлюсь с таким количеством мертвых тел.

— Мертвые тела — это ваш бизнес, капитан, — парировал я. — Вы же расцветаете, когда видите труп.

Наверное, я чувствовал себя гадко. И нервничал, Шмидт был хорошим, честным человеком.

— Я не хочу, чтобы следующее мертвое тело было твоим, — заметил Газзо.

Он видел, какое у меня выражение лица. Я тоже не хотел, чтобы следующее тело было моим.

— Ты к чему-то приближаешься, — продолжал Газзо. — Шмидт еще теплый. Может быть, ты слишком близко. Может быть, кто-то беспокоится. Хочешь рассказать мне почему?

— Я не знаю почему. Я ничего не знаю.

— Конечно, — усмехнулся Газзо. — Кто-то обработал тебя для забавы.

— Они думают, что я что-то знаю, капитан, но я ничего не знаю.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Это плохо.

— Я знаю, насколько это плохо, — медленно проговорил я. Очень плохо знать нечто настолько опасное, что из-за этого могут избить, но намного хуже не знать того, что, как считает противная сторона, ты знаешь.

Я вышел на темную Уотер-стрит. Улицу блокировали по-

лицейские машины. Мигалки на их крышах отбрасывали красные блики. Шмидт... Убийцы продолжали свои поиски. Я не думал, что они здесь что-то нашли. Я глубоко вдыхал горячий воздух, стараясь успокоиться. Мне отчасти хотелось, чтобы они нашли здесь все, что нужно, и на этом дело кончилось.

Я закурил сигарету и стал смотреть, как по улице идет патрульный полицейский. Не из тех, кто приехал на машинах, местный патрульный. Замена Стеттину. Я смотрел на него и улыбался. Он вышел из-за угла и встретился со мной взглядом. Вероятно, он дремал где-нибудь и не слышал, как подъехали полицейские машины. А увидев эти машины, сразу стал деловитым и целеустремленным. Он постукивал дубинкой по крышкам машин, заглядывая в машины, стоявшие у водоразборных колонок и подъездных дорожек. Приостанавливался у машин, припаркованных рядом с погрузочными пирсами. Ночью и по воскресеньям стоянка в таких местах разрешалась. Казалось, его раздосадовало, что никаких нарушений он не заметил. Я смотрел, как он медленно приближается к реке, минует вход в аллею, где напали на Стеттина. Поравнявшись со входом, он заглянул в аллею.

В голове у меня что-то щелкнуло.

Иначе я не сумею это описать. Именно щелкнуло. Как будто что-то высвободилось и со щелчком встало на место.

Теперь я знал, какое отношение имел ко всему этому патрульный Стеттин. Я знал, почему на него напали. Вдруг понял.

Не то чтобы во всех подробностях — но связь. Я был в этом настолько уверен, насколько вообще можно в чем-то быть уверенным. Не понимаю, почему, почему я этого не видел раньше. Все было столь очевидным... Я знал, что нужно было грабителю. Единственная вещь, которая могла для кого-то представлять опасность. Единственная вещь, которая могла вовлечь кого-то другого.

Книжечка штрафных талонов.

Догадка? Да. Как вспышка. В детективной работе так часто бывает, спросите любого полицейского.

Получалось примерно таким образом. Стеттин не знал, почему на него напали. Но без причины этого не случилось бы. Значит, причина была. А единственной украденной вещью, которая могла вывести на какого-то человека, была книжечка штрафных талонов. Теперь вопрос: почему она стала опасной?

Думая обо всем этом, я быстро пошел в сторону больницы святого Винсента, где лежал Пит Витанца. Ибо если моя догадка верна — а я знал, что это так, то подтверждение даст мне Пит, хотя он этого еще не знает. Да, если моя догадка верна, убийство Тани Джоунс уже выглядит не так, как мы его представляли. Новая картина мне пра-

вилась больше. Эту картину я чувствовал с самого начала. Воры редко убивают, а Тани Джоунс не пыталась оказать сопротивление. Выстрел был произведен с близкого расстояния и внезапно. Убийца не сбежал. Он искал Джо-Джо. Искал настолько азартно, что это привело еще к двум убийствам. Почему? Потому что вора не было. Никакого ограбления не было. Прикрытие, инсценировка — вот что это было.

Тани Джоунс знала своего убийцу.

Она знала своего убийцу, а он знал ее. Он знал также, что она — девушка Энди Паппаса.

Убийцей был мужчина, который пришел к Тани Джоунс. Мужчина, который пошел к ней, когда это было безопасно: Паппас уехал из города. Мужчина, который обманывал Энди Паппаса с Тани Джоунс, глупой девчонкой, слишком любившей мужчин. Что же именно произошло в квартире Тани Джоунс в тот день? Я этого не знал, догадаться тоже не мог, но по какой-то причине этот мужчина убил Тани. Когда я узнаю, кто, буду знать и причину, но в одном я был уверен: убийство не планировалось заранее. Во всем этом инсценированном ограблении чувствовалась импровизация, отчаянная попытка хоть как-то исправить положение. Что-то случилось тогда, что превратило тайного любовника в убийцу.

Дальше я с уверенностью мог предположить: после того как убийца ушел из квартиры незамеченным, на Уотер-стрит произошло еще что-то — вот и вмешался патрульный Стеттин с его штрафной книжечкой.

В больнице святого Винсента врач не хотел впускать меня к Питу Витанце. Я принялся убеждать его, что у меня срочное дело, — он видел меня раньше с лейтенантом Максом. Наконец врач сдался. Я вошел к Питу.

Пит сидел в постели, загипсованные руки торчали вперед. Выглядел он сейчас лучше. Пит был молод, а молодые быстро поправляются. Повязки еще скрывали его глаза, и, когда я вошел, он повернул голову на звук.

— Мистер Форчун?

К нему уже кто-то приходил, на подносике лежала почта, на кровати — книги, которые он пока не мог читать. Вероятно, ему читала вслух сиделка. Он ждал меня. Среди его посетителей были полицейские, и ему хотелось поговорить о Нэнси Дрисколл.

— Здесь что-то не так, мистер Форчун, — сказал Пит. — Джо-Джо этого не сделал бы. Она ведь сама за ним гонялась, вы понимаете?

— Может быть, он решил в конце концов, что она ему все-таки нужна, — возразил я. — Полиция нашла талисман. У Джо-Джо был такой?

— Маленькая «Феррари»? Черт возьми.

Его рука нащупала подносик с письмами у кровати. Ру-

ка поднялась — в ней было кольцо для ключей. На кольце висела маленькая блестящая машина — красная «Феррари».

— Видите? — сказал Пит.

— У Джо-Джо была точно такая же?

— Конечно, мы вместе покупали. Я хочу сказать — вот еще одна, правильно?

— У тебя твоя сохранилась. А у Джо-Джо?

— Да их тысяча по городу, — возмущился Пит.

— Ладно, — вздохнул я. — Когда мы найдем Джо-Джо и машинка окажется при нем, полиция начнет искать остальные девятьсот девяносто восемь.

— Он ее не убивал, — сказал Пит, но в его голосе звучало сомнение.

— Тогда кто же? Может быть, те двое, что обработали тебя?

— Все совпадает, правильно? Я хочу сказать, она ведь тоже знала Джо-Джо.

— Возможно, но сейчас мне нужно кое-что другое. Я хочу знать все, что произошло на Уотер-стрит в тот день, когда ограбили Стеттина. Все, Пит.

Пит пожал плечами.

— Мы ремонтировали мотоцикл, ездили на нем.

— Они убили Шмидта, — сказал я.

По его телу пробежала дрожь. Он долго молчал. Он не мог не думать о том, что это же могло — или может — произойти и с ним.

— Так что еще рассказывать? — пробормотал наконец Пит.

— Все, что казалось ненормальным.

— А что вообще считать нормальным? Джо-Джо выезжал на мотоцикле. Я тоже. Мы отрабатывали повороты. Джо-Джо делал эти фигуры — ну, как восьмерки. Он любил всякие трюки. Ну и...

Я закрыл глаза. Мысленным взором увидел припаркованные машины на Уотер-стрит. Две подъездные дорожки гаража и погрузочные пирсы. Между дорожкой из гаража и первым пирсом было стояночное место всего для двух машин.

— Вам нужно было пространство для маневрирования? — осторожно проговорил я.

На эти слова он отреагировал. Я заметил его реакцию, несмотря на повязки.

— Вы переставили машину? — спросил я.

— Черную, с откидным верхом, — сказал Пит. — Да. Мы переставили эту маленькую черную машину с откидным верхом к погрузочному пирсу. Помню, мы смеялись.

Одна из тех мелочей, которые толком-то и не запоминаются. Например, зайдешь на почту отправить письма и потом никак не можешь сообразить, почему пришел на

работу с пятиминутным опозданием. Или, скажем, найдешь на своем газоне мусор и перейдешь на другую сторону улицы, чтобы выбросить его в урну. А потом кто-нибудь скажет, что видел тебя на той стороне улицы, и ты начинаешь спорить, что никогда там не ходишь. Ну зачем бы ты стал переходить на противоположную сторону?

— Нам пужко было больше места, — сказал Пит. — Эта машина мешала. Она стояла незапертая. Ну, мы ее и передвинули, да.

— Потом что?

— Ничего. Джо-Джо делал свои восьмерки.

— Ты сказал, вы оба были у Шмидта до шести часов?

Пит задумался.

— Нет, мне надо было домой. И я ушел первый. А Джо-Джо остался, прикрыл мотоцикл.

— Ты после этого говорил с Джо-Джо?

— Ну да, часа через два. И в пятницу тоже. Довольно рано. Он сказал, что занят, не может ремонтировать мотоцикл. Я вам уже говорил.

— А еще что-нибудь он тебе сказал? Может быть, об этой машине?

— Нет.

Я поднялся.

— Ладно, отдыхай. Врач сказал, в понедельник снимут повязки.

— Вы должны его найти, — возбужденно проговорил Пит. — Они ведь уже убили Шмидта и Нэнси...

— Найду, — пообещал я. Но каким я буду — первым или вторым?

На темной улице рядом с больницей святого Винсента я чувствовал себя беспокойно. Сейчас это был не мой город. Он принадлежал убийце. Убийце, который мог нанять людей, искавших Джо-Джо и, может быть, меня. Две тени, у которых не было имен и лиц и которые убивали, задавая вопросы.

Патрульный Стеттин наклеил штрафной талон на черную машину с откидным верхом, потому что Джо-Джо и Пит переставили ее в запрещенное для стоянки место. Только это имело смысл. Убийца вернулся к своей машине и обнаружил на ней талон. По какой-то причине это было опасно. Вероятно, потому, что талон привязывал его к определенному месту в определенное время. Под чей удар это ставило убийцу — полиции, Паппаса или обоих? Я не знал. Но получается, что он нашел талон, подстерег Стеттина, напал на него и забрал штрафную книжечку. Это был один большой ответ. Но оставался один большой вопрос: если у убийцы был талон и книжечка с корешком этого талона, то почему он гонялся за Джо-Джо?

Пока я обдумывал все это, ноги сами несли меня — ту-

да, где я мог узнать остальное. У меня появилось неприятное ощущение — что вот сделаю еще один шаг и повернуть назад уже не смогу...

ГЛАВА 14

Я стоял в начале квартала, где Швед Олсен и его семья жили в своей ярко раскрашенной помойке, и внимательно смотрел по сторонам. Улица была темная, но не пустынная. Субботний вечер все-таки: люди вынесли на тротуар стулья и кресла, сидели, разговаривали, пили пиво. Свободное время. Счастливое время.

Я шел по кварталу, и меня едва достаивали взглядом. Я их не интересовал. А вот и дом Олсенов — я поднялся по нескольким ступенькам в вестибюль. Нижняя дверь была открыта. Я слился с тенями тускло освещенного холла внизу. Некоторое время стоял не двигаясь. На улице снаружи не было никого подозрительного. Все же узнали они что-нибудь от старого Шмидта или нет? Если да, то, вероятно, для Джо-Джо уже все кончено. Я был уверен, что Шмидт ничего им не сказал, но где же они? Мне не нравилось ощущение — как будто что-то смыкалось вокруг меня.

Я поднялся по лестнице. Комнаты за открытыми дверями были темными. Мерцали голубовато-белые экраны телевизоров, жужжали электрические вентиляторы.

Дверь Олсенов оказалась закрытой. Олсенам было о чем подумать, помимо жары. Я нажал на кнопку звонка и стал ждать. Конечно, знал, что рискую. Меня уже предупредили — не лезть в это дело. Да, риск большой, но в жизни приходится иногда рисковать. Если ты никогда не рисковал, ты никогда не жил. Просто существовал, как морковка на грядке.

Швед сам открыл дверь.

— Ты сошел с ума, Форчун.

Его сыновья сидели в креслах. Услышав эти слова, они поднялись. Мать, Магда, была в зеленом платье, которое придавало ее морщинистому лицу отвратительный желтоватый оттенок. Казалось, она не могла поверить, что я снова к ним пожаловал. Я вошел, чуть отесня Шведа в сторону. Парни пошли мне навстречу со сжатыми кулаками. За моей спиной стоял Швед.

Прежде чем они приступили к действиям, я начал говорить. Я забросал их словами. Никаких имен и множество догадок. Старый полицейский метод.

— Он вернулся и обнаружил, что Стеттин прилепил талон на машину, правильно? После того как убил Тани Джонс, он вернулся и увидел, что Джо-Джо переставил машину — а машина была с наклейкой, — и тогда он забрал у Стеттина штрафную книжечку. Потом пошел за

Джо-Джо. Конечно, я понимаю, как вы перепугались. Я бы тоже испугался. Этот человек достаточно сильный, чтобы выступить против Паппаса. А вы оказались между ними...

Никаких имен, просто «он», а звучит это очень убедительно. Если человек, с которым ты говоришь, испуган, он обычно проговаривается — пытаюсь защититься, певзначай называет имя. Я использовал этот трюк сотню раз в делах о разводах.

— ...Он обманывал Паппаса с его подружкой. Потом — бах, бах — он ее убивает. Это уже большие неприятности. Но ему удастся уйти незамеченным. Он возвращается к машине — а она помечена. Люди знают, что он был в этом квартале. Джо-Джо знает, что он был в этом квартале. Он должен убить Джо-Джо. Джо-Джо его видел? Что еще мог он сделать, кроме как пойти за Джо-Джо?

Швед Олсен с тупым видом качал головой. У сыновей лица были белые как мел. Даже Магда — скала — растерянно моргала и казалась загипнотизированной. Они знали, вот в чем дело. Как провинившиеся муж или жена в бракоразводном процессе, они знали и думали, что знаю я. Я заставил их думать, что знаю больше, чем это было в действительности. Но, по их мнению, у меня была не совсем верная картина. Сейчас они были уверены, что я знаю слишком много, но кое в чем ошибаюсь. Им не терпелось столкнуться со мной, в чем я ошибаюсь. Во всяком случае, этого хотелось самому слабому звену, а им был Швед. Швед слишком долго жил с чувством вины. Он просто не мог объяснить, что я не прав.

— Нет, он ничего не сделает Джо-Джо, — настойчиво проговорил Швед. — Он никогда не тронет Джо-Джо. Джо-Джо ничего не видел и никому ничего не скажет, понятно? Ну да, талон, ну и что? Джейк знает, что все о'кэй.

— Не смейся меня, — сказал я. И засмеялся. — В деле об убийстве?

— Джейк, он ничего не сделает Джо-Джо, — настаивал Швед, стараясь убедить себя. Вероятно, до сих пор ему это удавалось.

— Джо-Джо, он же совсем глупый... с этим талоном... — проговорил один из парней.

— Дурак, — поддержал его второй.

— Молчите! — завопила Магда Олсен. — Молчите!

Магда заметила ловушку. Разгадала мой трюк. И попыталась их остановить. Но уже было поздно.

— Да чего там, — усмехнулся Швед, — все о'кэй. Джейк ничего не сделает Джо-Джо, но тебе, Форчун, конец, Джейк тобой займется.

Джейк. Ну вот. В это мгновение, когда я смотрел на Олсенов, я мог думать только об одном: если бы Милта Баньо не оказалось вчера в квартире Марти, я бы уже был мертв.

Джейк Рот не решился убить меня при Баньо. Ибо Паппас поинтересовался бы, почему Джейк убил меня, а причина простая: это ведь Джейк Рот убил Тани Джоунс! Вот что он должен был скрыть от Паппаса любой ценой. Этим и объяснялось все последующее.

Джейк Рот.

Это напоминало большое открытие в науке. Один маленький прорыв — и остальное выстраивается в ровный ряд. Становится ясным. Ну, конечно, Джейк Рот.

Факты, бывшие доселе разрозненными, намертво сцепляются друг с другом. Искаженная картина становится в фокусе. Джейк Рот — хладнокровный убийца, не слишком умный, но хитрый. Крупная фигура, чтобы нанять людей против Энди Паппаса. Достаточно глупый, чтобы обмануть Паппаса, и в достаточной степени животное, чтобы, испугавшись, убить глупую девчонку. Животное, которое живет насильем, а насилие и было ключом ко всему с начала до конца.

— Джо-Джо сорвал талон с машины, — медленно проговорил я, — переставил машину. А Стеттин налепил на нее штрафной талон. Джо-Джо опасался, что хозяин машины видел его поблизости. Он подумал — вдруг хозяин догадается, кто поставил машину в неположенное место и тем самым схлопотал ей штраф. Хозяин-то разозлится... Тогда он сорвал талон, будучи уверен, что хозяин ничего не узнает. Совершенно детский поступок. Очень хитро — убрать талон, хозяин не будет знать, что полицейский наложил на него штраф. Только вот Джо-Джо совершил ошибку, не так ли? Ничего себе ошибочка...

Продолжая говорить, я думал о Джейке Роте. Все стало понятным. Почему он меня обработал? Почему нервничал Баньо? Паппас их не посылал. Джейк Рот действовал по собственной инициативе. Рот взял Баньо, чтобы казалось, будто их прислал Паппас — если бы он приехал один, я сразу мог что-то заподозрить. Рот не знал, что именно мне известно. Я даже вспомнил сейчас тот маленький инцидент в кафе «О'Генри» — как Рот нажимал на меня, чтобы я отстал от Олсенов. Паппас уже сказал мне все, что нужно. Но Рота этот вопрос очень волновал, и он перестарался.

— Какую ошибку сделал Джо-Джо? — спросил я.

Швед пожал плечами.

— Никакую. Джейк видел, как легавый лепит талон на машину. Из окна квартиры той бабы.

Я представил себе эту сцену на Уотер-стрит. Квартира Тани Джоунс располагается в задней части здания на Дойл-стрит — с хорошим видом на северную сторону Уотер-стрит. Джейк Рот, в одной комнате с мертвой девушкой, увидел, как Стеттин прикрепляет талон на его машину, вдруг оказавшуюся в запрещенном для стоянки в дневное время

месте! Наверно, Рот постарался выйти как можно скорее — на ивсценирование ограбления много времени не ушло, — но талон уже исчез.

— Джо-Джо даже не знал эту машину! — презрительно проговорил один из парней.

Рот только что убил Тани Джоунс, а номер его машины был записан на корешке штрафного талона. Даже если полицейские детективы узнают о талоне, это всего лишь покажет, что Рот был в этом районе. Придется еще доказывать, что он входил в квартиру Тани Джоунс. Но как раз на этот вопрос ответ был ясен. Рот боялся не полиции, а Энди Паппаса.

Роту нечего было делать в тот день на Уотер-стрит. То, что оказался там, значило — Паппасу он солгал, а с Тани Джоунс, разумеется, был знаком. Энди Паппас умел сложить два и два не хуже любого другого. И даже лучше: Энди всю жизнь был осторожным и подозрительным человеком. Ложь, присутствие машины на Уотер-стрит и факт знакомства Рота с Тани вызвали бы у Паппаса ошределенные подозрения. А заподозрив что-то, Энди обязательно выяснил бы все до конца — это он умел.

Хорошо, но почему же Рот думал, что Паппас узнает о машине и талоне — даже по корешку? Как мог Энди узнать о талоне, если Стеттин должен был сдать корешок? Только одним путем. Я вспомнил, что сказал Газзо об алиби Рота — он весь тот день провел на пляже в Джерси. Капитан сказал, что машина Рота оттуда не уезжала — его машина!

— Это была машина не Джейка, а одна из машин Паппаса, — уверенно сказал я. Да, только так и могло быть. Раз машина зарегистрирована на Паппаса, рано или поздно с него требовали бы штраф. — Джо-Джо забрал талон. Рот не мог даже заплатить штраф, а он, конечно, собирался это сделать. Небольшая, но все же проблема для Джейка. Он должен был забрать у Стеттина штрафную книжечку, а потом найти талон.

Я зрительно представил, как Джейк Рот стоит рядом с той машиной и обдумывает проблему, а от убийства Тани Джоунс его отделяют лишь несколько минут. Талон прочно привязывал Рота к определенному месту в определенное время. Вряд ли Паппас узнал бы об этом, даже если талон и остался бы неоплаченным — но все же, но все же... На такой риск Джейк Рот не хотел идти — он мог избежать его с помощью ограбления и убийства.

— Джо-Джо не угнал машину, — сказал я. — Он вернулся домой с талоном, и вы его увидели.

Швед кивнул.

— Я знаю номер. Иногда я вожу мистера Паппаса и Джейка. Этот номер меня прямо как ударил.

— Тогда вы уже слышали о патрульном Стеттине, —

продолжал я. — Мы все знали к тому времени. Вы поняли: что-то очень не в порядке.

— Глупый мальчишка смеялся, — сказал Швед. — Он даже не знал эту машину. Показывал мне талон и смеялся... Джейк Рот был обеспокоен, а Джо-Джо смеялся!

— Как вы поняли, что на той машине приехал Рот?

— Я знал, что мистер Паппас в Вашингтоне, а Джейк на пляже в Джерси. Джейку нравилась эта свинюха Джоунс. Джейк, будучи пьяным, говорил про эту девку. Я сказал, что он сумасшедший, если связывается с девицей мистера Паппаса, но Джейк был уверен, что сможет держать ее в руках.

— Итак, вы увидели талон, вы знали про Стеттина, и вы догадались, что с машиной был Рот. Вы решили — Рота очень беспокоит, что Паппас узнает о его связи с Тани Джоунс. И, естественно, вы знали, что Уотер-стрит проходит как раз за ее домом.

— Да, — согласился Швед. — Примерно так я и думал.

Олсены старались не встречаться со мной взглядами. Они смотрели на стены или в пол, изучали свои руки.

— Почему он убил Тани, Швед?

Ответила за него Магда Олсен:

— Джейк никого не убивал.

— Вы же знаете, что это не так, — сказал я.

— Мы ничего не знаем, — заявила Магда Олсен.

— Да, — быстро вставил Швед, — мы ничего не знаем. Джейк никого не убивал.

Как обычно, Швед слишком много говорил. Он даже не заметил смехотворного противоречия в своих словах. Никто из них не заметил. Или заметили, но им было все равно. Они передали мне свое официальное коммюнике. Вот как звучала их версия: они знают, что Рот никого не убивал, и они не знают ничего. А что же с Джо-Джо? Он убежал.

Мне было не по себе. Что-то здесь не так, думал я. Они за Джейка Рота — а все же Джо-Джо убежал. Почему?

— Талон нужен был Роту. Почему Джо-Джо не отдал его Джейку?

Швед рассматривал что-то очень интересное на полу.

— Мы не знали, что он так нужен Джейку.

Я прикинул последовательность во времени. Джо-Джо взял билет. Швед узнал номер машины. Швед догадался, что в машине был Рот. Швед слышал о Стеттине. О'кэй. Но в это время, в четверг вечером, они еще не знали об убийстве Тани Джоунс. Ее тело было найдено лишь ранним утром в пятницу, когда пришла служанка.

— Вы узнали в пятницу утром, — сказал я.

Будучи настороже, они, конечно, узнали об убийстве почти в то же время, что и полиция. Они были за Рота. По всем фактам и правилам жизни Олсенов дело должно было кончиться тем, что Джо-Джо отдал бы талон Роту — и все

Олсены сохраняли бы вечное молчание. Омерта, закон молчания.

Или же, поскольку убитая была женщиной Энди Паппаса, они могли пойти к Паппасу. Не в полицию, нет, так не делается, это не позволяет омерта. Но почему не к Паппасу? Талон и исповедь заработали бы всем Олсенам медаль — особенно Джо-Джо. А он сбежал...

— Джо-Джо убежал, — сказал я. — Он не отдал талон ни Роту, ни Паппасу. Почему?

— Он не любит мистера Рота! — прорычал один из парней. — Он много о себе мнит! Ну конечно, Джо-Джо слишком хорош для нас.

— Будет большим гонщиком, — презрительно проговорил второй.

Магда Олсен стала пурпурной

— Заткнитесь! Заткнитесь!

Джо-Джо не любил Джейка Рота. Джо-Джо не узнал машину Энди Паппаса, хотя его отец работал на Паппаса. Что-то в этом деле выходило за рамки фактов. Несомненно, этим чем-то был характер Джо-Джо Олсена. Характер, я чувствовал с самого начала отличие Джо-Джо от окружающих его людей. Дело не кончилось тем, чем должно было кончиться, лишь потому, что Джо-Джо не разделял образ жизни своей семьи. Более того, он ему противостоял. До такой степени, что не помог ни Роту, ни Паппасу. Джо-Джо Олсен был необычен. Я видел все это на лицах Олсенов. Парни со злыми лицами — злоба не на Рота, а на Джо-Джо, Магда Олсен — холодная и непробиваемая, как скала.

Швед, вероятно, думал о том же, о чем и я. Он медленно покачал головой из стороны в сторону.

— Глупый мальчишка, — сказал Швед. — Он всегда был глупым.

Глупый мальчишка. Джейк Рот, конечно, тоже так подумал. Джо-Джо не относился к «своим». Мог ли Рот чувствовать себя в безопасности, если обстоятельства связали его с таким необычным человеком? Роту необходима была безопасность. Иначе полицейские — с одной стороны, Энди Паппас — с другой. Если б мне угрожала месть Энди Паппаса, я хотел бы быть очень уверенным в своих тылах. Я искал бы тот талон и человека, который его взял. И стремился бы найти их побыстрее. В особенности потому, что Джо-Джо не относится к своим, и от него нельзя ждать, что он станет соблюдать кодекс...

Только... опять у меня появилось ощущение: что-то не так. Потому что я понял — Джейк Рот не мог знать в четверг вечером, кто взял талон. Если б он знал, то сразу оказался бы у Олсенов. Он не мог знать, потому что Джо-Джо сбежал только в пятницу утром! Джо-Джо оставался дома, с талоном, всю ночь четверга, до раннего утра

пятницы. Рот не стал бы ждать так долго, если бы знал, у кого талон. А Джо-Джо следовало использовать эти часы для бегства — если Рот знал, что талон у него.

Потом я вдруг понял — это было как удар. Джо-Джо и не думал о бегстве, пока не было обнаружено убийство Тапи Джоунс. Пока Олсены не поняли, в каком опасном положении оказался Рот. Вот что изменило ситуацию между вечером четверга и утром пятницы. Это и, очевидно, еще то обстоятельство, что Рот узнал, у кого талон. Но как...

— Каким образом Джейк узнал, что талон у Джо-Джо? — спросил я. — Он же не видел, как Джо-Джо его отлеплял или переставлял машину. Иначе он бы пошел за Джо-Джо еще в четверг.

Они молчали. Я переводил взгляд с одного каменного лица на другое. И опять у меня появилось то странное ощущение... Я посмотрел на Магду Олсен. Уж если кто скажет, так это она. И она сказала:

— Его зовут не Рот, а Линдрот. Джейк Линдрот. Он норвежец.

— Джейк пристроил меня у мистера Паппаса, — пояснил Швед.

— Норвежец, — повторила Магда Олсен. — Он кузен Ларса.

— Мой кузен, понимаешь? — поддержал ее Швед. — Я ему обязан.

— Ларс работает на Джейка, а не на Паппаса, — проговорила Магда Олсен.

— Джейк, он меня устроил... — сказал Швед.

Я понял. Если бы я боялся Джейка Рота, я тоже хотел бы быть уверенным. Да, если бы я знал о Джейке Роте что-то такое, что могло обеспечить ему быстрое путешествие в морг или на дно реки, или в болото, я хотел бы быть уверен, что Рот считает меня надежным и безопасным человеком, способным хранить тайну долгое время. Особенно если бы я работал на Рота, или с Ротом. Джейк Рот очень плохо отнесся бы к кузену, протеже, который что-то от него скрыл.

— У Джейка есть планы для Ларса, — сказала Магда Олсен.

Я почувствовал спиной чудовище в этой ярко раскрашенной комнате. Чудовище, которое вздымалось, приобретая форму. Как нечто зыбкое, поднявшееся из оврага в темную ночь. Молчание в комнате пахло чем-то едким, как дыхание чудовища. Швед Олсен и его парни не смотрели на меня. Только старуха не спускала с меня глаз. Крепкая она была старушка. Даже не поморщилась. Ничего в этом мире нет простого, легкого. Храбрость, честность и душевная сила вовсе не являются качествами, которые всегда служат добру. Убийцы бывают храбрыми людьми. Магда Олсен не морщилась от правды.

— Все, что у нас есть, — сказала Магда Олсен, — мы получили от Джейка Рота. Все это — и еще много получим. Мы обязаны Джейку.

Джейку Роту они были обязаны тем, что жили в доме для крупных рыб в мелком пруду. Они жили милостью Рота и надеждами на будущие блага.

Помолчав, я неторопливо произнес очень важные слова: — В пятницу утром, услышав об убийстве Тани Джоунс, вы сказали Роту, что талон у Джо-Джо.

Чудовище выползло наружу целиком и развалилось в комнате. В нем не было ничего человеческого.

Швед Олсен весь покрылся потом.

— Я должен был сказать Джейку. Когда я понял, как все это серьезно, я же не мог не сказать. Он бы все равно узнал, понимаешь? Да он бы спать не стал, пока все не нашел. И если б он нашел, а я ему не говорил, ты понимаешь, что бы было, а? Я хочу сказать, Джейк должен мне доверять.

— Конечно, — сказал я. — Джейк должен тебе доверять. Это важно.

Швед вытер лицо платком.

— Слушай, Форчун, я обязан Джейку. Я должен был сказать Джейку, чтобы он знал — опасности никакой.

— Ну да, ты узнал, кто убил подружку Энди Паппаса, и хотел показать свою лояльность. А Джо-Джо? Ты знаешь, что Рот не мог доверять Джо-Джо. Кузен или не кузен. Ты это знал.

Швед быстро заговорил:

— Я заставил Джо-Джо уехать из города. Джейку я сказал, что он будет молчать. Джейк мне доверяет. Понимаешь? Джейк был очень благодарен. Он сказал, что не беспокоится, а Джо-Джо пусть поживет где-нибудь.

Потом они начали говорить все вместе. Забросали меня словами. Как будто прорвало плотину, и на меня хлынул поток.

— А потом надо было прийти вам! — досадовала Магда Олсен, — и задавать вопросы!

— Надо было говорить с легавыми! — Это один из парней.

— Надо было отправить их на поиски Джо-Джо! — подержал второй.

— Надо было все взбаламутить! — теперь уже Швед.

— Вы! — снова Магда. — Из-за вас Джейк обеспокоен!

— А вы не обеспокоены? — спросил я.

Наступившая после этого тишина была очень тугой.

— Вы действительно думали, что Рот оставит Джо-Джо в покое? — поинтересовался я. — Вы действительно думали, что Джейк позволит жить человеку, который знает о нем нечто такое, за что его могут повесить? Даже если

не считать талона, Джо-Джо знал! Джо-Джо мог рассказать Паппасу!

— Мистер Рот наш родственник! — сказала Магда Олсен. Я рассмеялся ей в лицо.

— Рот убил бы свою мать, если б она о нем слишком много знала.

Но на женщину это не произвело никакого впечатления.

— Мистер Рот сказал, что все о'кэй, слышите? Мистер Рот нам доверяет. А потом вы появились. Вы и этот дурак Витанца. Вот все и поломалось!

Последние слова она прокричала, а я молча выслушал. Возможно, она была права. Не исключено, что Рот очень доверял Олсенам и ему достаточно было бы отсутствия Джо-Джо в Челси. Тогда я сам засунул голову Джо-Джо в петлю. Может быть, Пит Витанца погубил друга, пытаясь помочь ему. Я так не думал, я слишком хорошо знал Джейка Рота, но подобную возможность исключить все же не мог.

— Потом? — переспросил я. — После того, как я появился? Ну и что было потом? Рот стал беспокоиться, да, но он и раньше беспокоился. И вы знаете, что сейчас он ищет Джо-Джо! Вы можете пойти в полицию. Или к Паппасу. Вы думаете, Джейк хочет просто поговорить с Джо-Джо?

— Конечно, поговорить, — сказал Швед Олсен. Огромный норвежец произнес эти слова, обращаясь к своим смешным двухцветным ботинкам. — Джейк хочет поговорить с Джо-Джо, чтобы все знать наверняка, понимаешь?

Я засмеялся, но это было скорее фырканье, чем смех.

— Джо-Джо пусть сам о себе позаботится, — проговорила Магда Олсен. — Ларс — старый человек. Мы хорошо живем. У нас пятеро детей. Один в колледже, да. Всю жизнь Ларс вкалывал в доках. Я всю жизнь работала. Мы жили, как животные. Теперь живем хорошо. Мистер Рот, он кузен, он устроил для Ларса работу у мистера Паппаса. Хорошая работа, хорошие деньги. Мистер Паппас добр к нам, потому что его Джейк Рот попросил. За один день Ларс зарабатывает у мистера Паппаса больше, чем за два месяца в доках. Он слишком старый, чтобы вернуться в доки.

Что тут можно сказать? Объяснять им, что ни одно человеческое существо не должно рисковать своим ребенком ради помощи убийце? Да, это верно. И сказать легко. А нужно ли?

— Вы можете пойти в полицию, — устало проговорил я. — Возможно, Паппас будет вам благодарен.

Но Магда Олсен давно приняла решение.

— С чем мы пойдем в полицию? Мы не знаем, где Джо-Джо.

— Вы не знаете? — удивился я.

Швед Олсен по-прежнему изучал свои ноги.

— Я решил, что мне не нужно знать. Джейк хороший человек. Он не тронет Джо-Джо.

Швед, как и прежде, старался убедить себя, меня и своих сыновей, что действительно верит, будто у Джо-Джо все будет в порядке. Магда не разменивалась на слова. Она знала правду и не отворачивалась от нее.

Я оставил их.

Мне было не по себе. Магда Олсен знала, в чем заключается ее долг и чего он требует. Я тоже знал, но ничего не мог доказать, хотя и сказал Джейку Роту, что я знаю. Можно было не сомневаться — Магда уже звонит Роту по телефону.

Теперь я был меченым человеком. Если не смогу остановить Рота, найти Джо-Джо и представить необходимые доказательства, я мертвый человек.

А я даже не знал, где сейчас Джо-Джо.

ГЛАВА 15

Добравшись до отеля я благополучно, за мной, насколько я мог судить, не следили. Мне приходилось соблюдать осторожность. Шел я как только мог быстро. Каждая темная улица, которую я пересекал, казалась мне пустой сценой с единственным актером — мною. И всю дорогу я думал об Олсенах. Трущобные улицы, сформировавшие Олсенов, и были тем миром, который они знали. Улицы, где в такие вечера люди осознают, что они — жертвы. Рекламки в телевизионных передачах обращены не к ним. Спасения для них нет, и ничто у них никогда не изменится к лучшему. Они родились в фальшивой колоде карт, умрут под стук фальшивых рекламных костей. И в такие жаркие вечера или в зимнюю снежную стужу они на мгновение осознают, что собою представляют.

Лежа на кровати в темной комнате, я вернулся мыслями к Джо-Джо. Похоже было, что Джо-Джо — один из тех немногих, кто может вырваться из этого мира. Наверно, я с самого начала это чувствовал, потому и не отступался. Джо-Джо был одним из тысячи. Совсем непохожий на тех, кто его окружает. Он уже был на пути отсюда. Но теперь трущоба, мир жертв пытается утащить его обратно. Мир, который он отверг, схватил его за лодыжку — если не за горло — и тянет вниз. Ему нужна помощь, чтобы не погрузиться обратно в болото, из которого он вышел. И то, что Рот не мог доверять ему, косвенно показывало, насколько Джо-Джо иной.

«Свой» в Челси имел два выбора, оказавшись в положении, в которое попал Джо-Джо, взяв тот штрафной талон. Он мог промолчать, а мог рискнуть семьей и отдать талон Паппасу. Мог подумать о себе. Энди Паппас сумел бы устро-

ить хорошую жизнь человеку, оказавшему ему такую услугу.

Чтобы жить в безопасности и, может быть, достатке, Джо-Джо нужно было только предать Джейка Рота и свою семью. Но Джо-Джо сбежал от всего этого.

Джо-Джо выбрал самый опасный путь, и он мог его спасти. Если бы Джо-Джо не выдал Рота, Рот махнул бы на него рукой. Но у Джо-Джо есть друг, и друг обратился ко мне, а я привлек полицию, и теперь Рот вынужден будет убить Джо-Джо и меня, пока кто-то из нас не прибегнет к помощи полиции или Паппаса.

Я понял, что должен немедленно обратиться в полицию. Позвонить Газзо, и они сразу придут сюда. Если Рот или его люди не найдут меня до прибытия полиции, я в безопасности. Потому что стоит мне выдать свою версию, и у Рота уже не будет причин убивать меня. Но у него появится еще большая необходимость убить Джо-Джо. У меня-то нет ничего, кроме теории. Полиции потребуется нечто конкретное. Даже Энди Паппасу нужны будут какие-то доказательства. Рот станет все отрицать. Олсены меня не поддержат. Больше никто из живых ничего не знает. Кроме Джо-Джо.

Джо-Джо будет совсем туго, потому что совсем туго будет Роту. И все же это было единственным, что я сейчас мог сделать, желая помочь Джо-Джо. По крайней мере, это заставит Паппаса искать его, да и полиция станет активнее. У полицейских появится шанс добраться до Джо-Джо раньше, чем Рот или его убийцы.

Я уже держал телефонную трубку в руке, когда услышал, как кто-то скребется в мою дверь.

Я огляделся по сторонам. Кроме бутылки виски — никакого оружия. Я взял ее за горлышко и тихо поднялся с кровати. Может быть, этот человек уйдет. Я подошел к двери и остановился, стараясь не дышать. Мне была видна неясная тень в полоске света, пробивавшегося под дверью из коридора.

Звук повторился. Я подумал, что наемные убийцы не скребутся под дверью.

Если я открою дверь или хотя бы выдам свое присутствие в комнате, мне конец. Бутылкой от двоих не отобьюсь. А может быть, там только один? Я опять прислушался. Ничего не было слышно, кроме частого дыхания.

Я открыл дверь.

Там стояла девушка. Сначала я ее вообще не узнал. Мне было не до девушек. Я осмотрел тускло освещенный коридор.

— Позвольте мне войти, мистер Форчун.

Девушка нервничала и спешила. Входя в комнату, чуть задела меня. Она вся дрожала. Я подумал, что она чем-то очень напугана. И тут я ее узнал. Дочь Олсена! Я запер дверь. Девушка смотрела на меня.

— Я поболтал с кузеном Джейком, — сообщил я ей. Она села.

— Когда? Сегодня?

Девушку охватил ужас.

— Нет, — ответил я. — Не сегодня. Как вы меня нашли?

— Я следила за вами до улицы. Вы крались в темноте.

— Что вы имеете в виду — «до улицы»?

— Я видела, как вы свернули на эту улицу. Потом я вас потеряла из виду и решила искать в отелях. Этот отель — третий. Я спросила человека внизу, какая комната. — Она окинула меня взглядом. — Вы... вас нетрудно описать. — Она смотрела на мой пустой рукав.

— И этот человек вам сказал?

— Я дала ему десять долларов.

Итак, моя жизнь стоит десять долларов. Мне хотелось думать, что, если бы спросили мужчины, цена поднялась бы до двадцати пяти. (А возможно, регистратор от страха все бы и так рассказал.) Она была права. Мне нелегко скрываться без руки и с разбитым лицом. Если девушка смогла найти меня, мне давно пора звонить Газзо.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Анна.

— О'кэй, Анна, зачем вы меня искали?

Девушка вся передернулась.

— Она звонила по телефону, Магда. Моя мать. Я была в спальне и все слышала. Сразу же после вашего ухода она позвонила ему.

— Джейку Роту?

Анна кивнула.

— Когда вы ушли, мой отец так плохо выглядел... А мать сказала, она сказала... Ну, что Джо-Джо сам во все это впутался. Она сказала, что мы должны идти до конца... должны довериться мистеру Роту. Мы...

Естественно, это не было для меня сюрпризом. Сейчас мне не терпелось выпроводить девушку и позвонить Газзо. Очень не терпелось. Давно пора было подумать о собственной шкуре. Мертвый я ничем бы не помог Джо-Джо. И я не собирался быть мертвым, даже если это помогло бы Джо-Джо.

— Вы слышали, что она ему сказала? Роту?

— Его не оказалось на месте.

У меня появилось чувство, наверное, сродни тому, которое возникает у приговоренного к смертной казни, когда ему сообщают о губернаторском помиловании.

— Она не говорила с Ротом?

Девушка покачала головой.

— Нет. Пока нет.

— Ни с кем не говорила?

— Нет, попросила передать, чтобы мистер Рот ей перезвонил.

Это было отсрочкой. Не очень большой. Рот и его люди охотились за мной. Но не так активно, как будут охотиться после разговора с Магдой Олсен.

— Спасибо, Анна, — проговорил я.

Но девушка не шелохнулась.

— Вы... вы сказали, что мистер Рот убьет Джо-Джо. Сказали, что Рот никогда не сможет доверять Джо-Джо?

— Да, Анна, не сможет, — кивнул я. — Вы должны заставить своего отца пойти в полицию. Или хотя бы к мистери Паппасу.

— Они не пойдут. Им страшно. — Она вскинула голову. — Я знаю, где он.

Ну, я просто сел. Я потратил целую неделю на поиски Джо-Джо и не нашел его. Теперь же еще и не был уверен, что хочу найти его. Я распланировал свои действия и уверовал в собственную безопасность. Единственное, что мне нужно было сделать, — это позвонить Газзо, провести несколько дней в полиции, пока все не узнают мою версию, а потом лишь держаться подальше от темных аллей, чтобы у Рота не появилось искушения наказать меня за болтовню.

Планы, планы...

— Вы знаете?

Она кивнула.

— Он мне написал записку и прислал на работу. Говорит, у него все в порядке. Говорит... вот.

Она протянула мне конверт и лист бумаги. Я взял. Адрес работы Анны и текст письма были отпечатаны на машинке. Ничего не говорило о том, что это от Джо-Джо. Лишь несколько слов: погода хорошая, он работает, чтобы прокормиться, работа паршивая, но по крайней мере он у машин — и пусть она не беспокоится. Ни подписи, ни обратного адреса. Только упоминание о машинах подсказывало, что писал Джо-Джо. На конверте стоял почтовый штемпель: Спэниш Бич, штат Флорида. В городке Спэниш Бич есть гоночный трек.

— Кто еще это видел? — Вероятно, я пытался найти себе путь к отступлению.

— Никто. Я... Я побоялась.

— Вы уверены? Никто больше не видел? Даже ваша семья?

— Никто, мистер Форчун.

— О'кэй. Теперь уходите. Никто не должен видеть нас вместе. Тот регистратор мог вызвать кого-нибудь.

Она смотрела на меня, взволнованно помаргивая.

— А вы?..

— Не знаю. Нужно подумать.

Я наблюдал за ней, пока она спускалась по лестнице. Потом вернулся в комнату, запер дверь, подошел к окну и стал смотреть на свой город. Теперь это был не мой город, раз

мне приходилось в нем скрываться. Их город, и мне это не нравилось. Телефон стоял на столике рядом с кроватью. Мне достаточно было позвонить — и я в безопасности. Спэниш Бич — не такое уж безлюдное местечко, особенно в ночной сезон. Вполне возможно, что обратиться в полицию — это и есть лучшее, что я мог сделать для Джо-Джо. Может быть, они успеют найти его раньше. Кто я такой, чтобы думать, будто справлюсь лучше полиции?

Но очень может быть, я действительно справлюсь лучше. К теперешнему времени я уже много знал о Джо-Джо. Полиция в Спэниш Бич не знала ничего. Мне было известно, в каких примерно местах искать, что собой представляет человек, которого я ищу, кто мои противники. Джо-Джо причется, живет под вымышленным именем, возможно, изменил внешность. Поэтому не исключено, что я смогу действовать чуть быстрее.

Я чувствовал, как спина становится мокрой от пота. Один телефонный звонок — и я в безопасности. Но, как только я выйду из этой комнаты без полиции, я стану целью, за каждым углом меня может ждать ствол. О да, вполне вероятно, что я найду его на минуту раньше. До последней секунды рискуя получить пулю в затылок.

Один телефонный звонок — и я из этого дела вышел.

А у Джо-Джо, возможно, шансом меньше прожить еще один день.

Ну кого я пытался обмануть всеми этими рассуждениями «за» и «против»? Я знал, что пойду искать Джо-Джо. В конечном счете моя собственная безопасность зависела от того, удастся ли покончить с Джейком Ротом.

Я надел пиджак и пошел к двери. Ладонь у меня была мокрая. Но я открыл дверь, спустился по задней лестнице, вышел через задний ход и несколько кварталов брел аллеями, прежде чем рискнул выйти на дорогу и остановить такси. Водителя попросил отвезти меня в аэропорт Ньюарк. Там договорился со знакомыми ребятами, что они захватят меня на грузовом самолете в Майами. А оттуда до Спэниш Бич совсем близко.

Ждать пришлось долго, и я позвонил капитану Газзо. Его не оказалось на месте. Я передал анонимное сообщение, что Джо-Джо Олсен может быть в городке Спэниш Бич, Флорида. Вот и все. Капитан догадается, а пока я еще не находился под защитой полиции и вовсе не собирался привлекать внимание к своему имени. Джейк умел узнавать то, что известно полиции. И вряд ли это стоило очень дорого.

Я ждал рассвета в темном углу ангара. Курил и наблюдал, как загружают самолет. Я был доволен собой. Чертовски храбрый человек. Честный детектив и достойный гражданин.

ГЛАВА 16

В Спэниш Бич было жарко. Шумный город, переполненный людьми: шли автомобильные гонки.

Я еще помню, когда Спэниш Бич был сонным маленьким городком, где говорили больше на португальском, чем на английском, и ловили губок с лодок, на бортах которых были нарисованы глаза. Теперь город вырос и очень изменился.

У гоночного трека машины на кирпичной дорожке, административные помещения были открыты. Судя по письму, которое получила Анна, Джо-Джо был где-нибудь поблизости от этой тренировочной дорожки на какой-нибудь малопривлекательной работе. Он достаточно умен, чтобы держаться подальше от самих машин. По крайней мере, я надеялся, что это так.

Я отыскал отдел кадров и вошел. У стойки согнулся над бумагами какой-то человек. Он не поднял голову, услышав меня.

— Никакой работы, кроме продажи программ, — сказал он. — Если устраивает, бери бланк и заполняй.

Это был маленький человечек с седыми волосами и лысинкой, которую он пытался скрыть, зачесывая волосы наверх. На руках чернильные пятна. Пиджака на нем не было, потная рубашка прилипла к спине.

— Я ищу человека, — сказал я.

Он поднял глаза. Не шелохнулся, только посмотрел на меня.

— Молодой парень. Светловолосый, высокий, лет девятнадцати, — добавил я.

Он отложил ручку.

— Кто вы такой, черт возьми?

Я вытащил свое удостоверение. Тогда он поднялся и пошел посмотреть. Большого впечатления это на него не произвело. Он бросил взгляд на мой пустой рукав и лицо.

— Вы частный детектив, — заметил он, — я ничего вам не обязан говорить. Частный, Нью-Йорк, и вообще.

— Так как насчет моего друга? Вы, наверное, взяли его на какую-то работу в прошлую субботу или понедельник.

— Я всю неделю брал парней только для программ.

— Больше никого?

— Ну.

— Хотите спасти жизнь мальчишке с программками?

Он засмеялся.

— Между нами говоря, мистер, их не стоит спасать. Щенки, все до единого. Они устраиваются на эту работу, чтобы смотреть гонки. Гоночные прилипали. Половину времени просто смотрят, а программки не продают.

Этот человек был из тех, кому нужно кого-то ненавидеть. Кого-то или что-то. Ненависть заполняет пустоту их жизни.

— Поговорите со мной, и я вас избавлю от одного из них, — предложил я. — Фамилия Олсен, но, вероятно, здесь он называет себя иначе. Высокий, светловолосый, симпатичный. Особых примет нет. Любит моторы.

Он пожал плечами.

— Так выглядят многие из них. Они приходят и уходят. Если работают неделю, это уже ветераны. Фотография есть?

Я достал фотографию, которую дал мне Пит. И фотография была плохая, и Джо-Джо, конечно, уже изменил свою внешность.

— Дрянное фото, — подтвердил седой человек. — Тут он сразу на всех похож. — Он перевел взгляд на меня. — А чем, кстати, знаменит, этот Олсен?

У меня перехватило дыхание.

— Кто-то уже здесь был? — хрипло проговорил я.

— Такой у меня сегодня день, — недовольно ответил он.

— Когда? Сколько их было? Какие они из себя? Что вы им сказали?

— У вас много вопросов, мистер.

Я положил на стойку двадцать долларов. Мне очень не хотелось с ними расставаться. Деньги сразу исчезли.

— Их было двое. Они ушли примерно час назад, не больше, — и он довольно точно описал ту пару, которая охотилась за мной. Несомненно, это те, кто избил Пита и, вероятно, убил Шмидта.

— Что вы им сказали?

— То же, что и вам. У меня нет Олсена. Описание подходит десятку из этих щенков. Ваша фотография мало что меняет. Я могу дать вам список. Дальше действуйте сами.

— А этим вы список дали?

— Конечно, они ведь тоже заплатили. — Он задумался. — Могу оказать вам одну услугу. Я думаю, вы не так уж сильно от них отстаете.

— Как это?

— Ну, я слышал, один из них сказал другому, что надо идти на гоночный трек, а не тратить время, расспрашивая людей по городу и во Фламинго.

— Фламинго?

— Это поселок сразу за чертой города. Там проводят мотоциклетные гонки — некоторая конкуренция для нас.

— Почему вы думаете, что это дает мне преимущество?

— Придержите лошадей, — осадил меня человечек. — Когда первый сказал, что не надо тратить время, второй ответил, что они только выполняют приказания Большого босса. Тогда первый предложил позвонить Большому боссу во Фламинго, чтобы быстро ехал сюда. Второй возразил — надо сразу пройти по списку, но первый заявил — нет, будем ждать. Мне не надо было догадываться, кто такой Большой босс.

— Дайте мне список, — попросил я.

Я не знал даже, продает ли Джо-Джо программки, по другим путям у меня не было. Во всяком случае, у людей Рота тоже ничего другого не было. К тому же одолжение они мне уже сделали — проверили мотоциклетный трек во Фламинго и, вероятно, все отели в городе и ничего не нашли. Судя по тому, что я здесь услышал, бандиты Рота оказались в Спэниш Бич раньше меня. Как это могло получиться? Может быть, они тоже прочитали письмо Анны, но я в это не верил. Они же не пошли сразу к гоночному треку. Я вспомнил, что Магда Олсен не смогла связаться с Ротом по телефону, а мои две тени не следовали за мной прошлым вечером. Очень походило на то, что они узнали о Спэниш Бич раньше меня. Только они знали меньше, чем я из письма Анны, и по какой-то причине поехали во Фламинго. И как раз это давало мне шанс.

— Вот, пожалуйста, — сказал маленький человечек.

Список, который он протянул, содержал всего восемь имен.

— Тем ребятам я дал десять, но фотография, которая есть у вас, исключает двоих.

Получалось, что у меня еще одно преимущество!

Они отправились примерно на час раньше меня. Джо-Джо будет мало пользы, если я доберусь до него вторым. Надежда, конечно, все равно оставалась, потому что он будет настороже — возможно, сможет сбежать.

Я вышел под палящее солнце. Нашел тенистое место, сел и начал изучать список. Не было смысла просто бегать от одного к другому. Если под первым именем, которое проверили бандиты, скрывался Джо-Джо, он, вероятно, уже мертв. Или опять сбежал, и мне все придется начинать сначала. Нет, мне нужно как-то сократить путь, сразу выйти на самое вероятное имя.

Я прочитал список вслух: Диего Хуарес, Джордж Хэннер, Макс Джоунс, Тед Джон, Энди Ди-Сика, Дан Блэк, Марко Туччи, Том Аддамс. Хороший получился список. Такой национальный состав мог быть у любой уличной шайки.

Псевдоним — интересная вещь. Любой специалист скажет вам, что псевдоним всегда выдаст человека, который его придумал, — нужно только знать побольше о том, что этот человек собой представляет. У каждого из нас, говорят специалисты, нет в голове ничего такого, что не имело бы места где-то в прожитой жизни. Псевдоним стрелкой укажет на какой-то отрезок жизни, если достаточно знаешь об этой жизни. Конечно, иногда многое зависит от того, насколько человек хитер или встревожен в данное время. Большинство мелких преступников берут псевдонимы настолько простые, что их кто угодно может вычислить — обычно это вариация настоящего имени или имя с такими же инициалами. Но и в сложных ситуациях человек не

способен придумать ничего такого, что не было бы связано с его жизнью.

Я в это верил. Оставалось еще поверить в то, что достаточно знаю о Джо-Джо. Я стал обдумывать каждое имя в списке по очереди.

Диего Хуарес. Это имя ничего мне не говорило и к тому же было слишком необычным. В списке перечислялись высокие парни нордического типа. Если парня зовут Диего Хуарес и он высокий и нордического типа, это его настоящее имя — или же изменилась его внешность, а не имя.

Макс Джоунс и Тед Джон исключались. Имена были слишком заурядными и звучали фальшиво. Джо-Джо придумал бы нечто более оригинальное.

Энди Ди-Сика и Марио Туччи показались мне равно возможными. В Челси много итальянцев. И Джо-Джо мечтал о «Феррари». Джо-Джо много думал об Италии.

Том Аддамс? В это никак не мог поверить.

Джордж Хэннер. Здесь я видел шанс. Звучание было как у доброго заурядного имени — но такого, которое никто никогда не носил. Оно звучало так, будто его придумал писатель. А «Хэннер» слегка напоминало «хонду» — мотоцикл! Я довольно долго рассматривал Джорджа Хэннера.

Потом перевел взгляд на Дана Блэка. Зазвонил звоночек. Сигнал тревоги.

Дан Блэк. Простое, обычное, приятное имя, но сигнал тревоги был громкий. Я подумал о викингх. Дженни Руковски говорила мне о Джо-Джо и викингх. Сесил Рис-Смит говорил о Джо-Джо и викингх. У Джо-Джо это была навязчивая идея. Джо-Джо все про них знал. Помнил знаменитых королей. У Рис-Смита легко скатился тогда с языка перечень имен. Великие викинги. Одним из них был Халфдан Черный! Понятно? Халфдан Черный? Дан Блэк?

Прав ли я? Но как это можно узнать, не проверив? С чего-то надо было начинать. И удача не помешала бы, везение. Да, да, везение. Это тоже часть жизни. Многие дела, которые я расследовал, многие вещи в жизни определялись удачей, фортуной, шансом, случаем, обстоятельствами за пределами контроля.

Думал я об этом уже в такси. Тут мне повезло — ехать пришлось всего пять кварталов до мотеля, записанного у меня как адрес Дана Блэка. Очень дешевый мотель, и это было многообещающим признаком. Совсем дрянной мотель, где кабины были фактически сараями, а туалет располагался в центральном здании рядом с душами. Подъездная дорожка и двор были захламлены. Стоял мотель отступя от дороги, и я подумал, что гостей бывает здесь мало.

И еще раз мне повезло — Дан Блэк был дома. Управляющий, толстяк, не интересовавшийся ни Даном Блэком, ни мною, вообще ничем, кроме жары и пива, сказал, что Дан Блэк живет в кабине № 3. Я подошел к кабине № 3.

Я был пастороже. Кабина оказалась предпоследней в дальнем от дороги ряду. Везение продолжалось. Перед кабиной никого не было. Я обошел кругом и не увидел никакого укрытия за кабиной, кроме кустов футах в тридцати.

Я постучал, Дан Блэк открыл дверь, и я понял, что нашел Джо-Джо Олсена.

— Хелло, Джо-Джо, — воскликнул я. — Меня прислал Пит Витанца. Я Дэн Форчун.

— Да, — сказал Дан Блэк, он же Джо-Джо Олсен. — Внутрь. Быстро!

Я вошел в кабину. Я никак не мог туда не войти. Мое везение кончилось. В руке Джо-Джо Олсена был большой автоматический пистолет 45-го калибра. Предохранитель спущен. Джо-Джо держал его так, чтобы было видно — он умеет обращаться с оружием, а дуло смотрело мне в сердце.

А мне-то и в голову не приходило, что Джо-Джо Олсен может не хотеть, чтобы его спасали.

ГЛАВА 17

Он выкрасил волосы в темный цвет, укоротил — на фотографии они были длинные, надел темные очки, наклеил темные усики. Но это был Джо-Джо.

— Я приехал помочь тебе, — сказал я.

Одежда на нем была дешевая и новая. Чистая рабочая одежда. Глаза ярко блестели, голос низкий и приятный. На столике лежал второй пистолет.

— Кто просил вас помогать, Форчун? — тихо проговорил он. — Кто просил Пита? Я же сказал ему забыть обо всем этом.

Я не ответил, потому что не знал, что ответить. Кто просил меня вмешиваться? Кто удосужился спросить Джо-Джо, чего он хочет?

— Как вам удалось так легко меня найти? — поинтересовался Джо-Джо.

— Разве я сказал, что это было легко?

Он сидел на единственной кровати в этой унылой комнате. Я устроился в покосившемся плетеном кресле. В кабине была одна комната с двумя окнами в передней стене и окном в задней, отгороженное занавеской место для приготовления пищи и два узких чулана. Стены показались мне тонами, как бумага. Я слышал все, что делалось в соседних кабинах и снаружи. Люди Рота могли быть уже где-то здесь. Все зависело от того, с какого конца списка они начинали.

— Мой друг Пит, — сказал Джо-Джо, — через него вы меня и нашли.

— Мне сказала твоя сестра, — возразил я. — Она беспокоится о тебе.

— Кто ее просил?

— Они избили Пита и убили старого Шмидта, — сообщил я.

— Пит? Шмидт? — Дуло пистолета немного опустилось. — Старого Шмидта?

— Они убили его, пытаюсь найти тебя.

Дуло пистолета опять поднялось.

— Почему я должен верить, что это действительно так, Форчун?

— Шмидт мертв. Пит в больнице. Посмотри на мое лицо.

— Много людей умирает, откуда я знаю, кто убил Шмидта или избил вас и Пита?

— Я знаю, кто избил меня. Уж я-то могу узнать Джейка Рота, если столкнусь с ним лицом к лицу. Впрочем, я думаю, мы оба его скоро увидим...

— Вы лжец. Вы работаете на легавых.

Джо-Джо играл сейчас «крутого парня». Хладнокровного и опасного. Я особо его не винил, но мне нужно было проникнуть за эту его оболочку.

— Может быть, я нашел не того Джо-Джо Олсена, — сказал я. — У моего Олсена были большие планы. А посмотри на себя. Прячешься, как сопляк какой-нибудь. Работаете на Джейка Рота. Ну конечно, получается-то так, парень. Разве что ты просто спасаешь свою шкуру.

— Мне заплакать сейчас или позже?

— Может быть, ты все-таки убил Нэнси Дрисколл, — продолжал я. — Это и был первый шаг на пути вниз? Нет, второй. Первый — это когда ты «сыграл кролика», чтобы помочь Джейку Роту.

— Нэнси?

Это его ударило. Пистолет опустился. Я продолжал:

— Хочешь сказать, что не знал?

Он растерянно моргал.

— Нэнси? Мертва?

— Рот и его ребята убили ее, пытаюсь найти тебя. Сколько еще трупов тебе нужно?

— Нэнси? Ну что она могла знать обо мне? Я ее черт знает сколько не видел. Она хотела за меня замуж.

— Когда ты покинул Нью-Йорк? — резко проговорил я.

— В пятницу!

— Ты можешь это доказать?

— Конечно, могу! В пятницу рано утром, сразу как поговорил с Питом. Он должен был сказать вам!

— Пит не видел, как ты уезжал из города, — заметил я.

— Я уехал! В пятницу ут... — Он умолк. Теперь дуло пистолета смотрело мне в лоб. — Вы все это придумываете. Хотите меня запугать.

— Запугать тебя? Ты чертовски прав, я хочу тебя запугать. Джейк Рот и за мной охотится. Человек, который оказался достаточно глуп, чтобы забавляться с девицей Энди Паппаса, и достаточно жесток, чтобы ее убить. Кто знает, почему он ее убил? Вероятно, она что-то о нем знала, чего не должен был узнать Энди Паппас. Когда Рот напуган, он убивает — чтобы заставить кого-то молчать. Сейчас он боится тебя, парень.

Джо-Джо не произнес ни слова. Он сидел на кровати и смотрел на меня. Наверное, думал, как ему поступить. Я надеялся, что он сломается и расскажет всю историю.

— Ему нужен этот талон, парень, — сказал я. — Ты или я, или кто-то другой махнули бы рукой на этот талон. Шанс очень невелик, что он попадет к Паппасу. Но Рот и такого малого шанса боится. Я думаю, он убил Тани Джоунс, чтобы обезопасить себя. А Шмидта и, вероятно, Нэнси Дрисколл убил для того, чтобы найти тебя. Ради корешка талона он ограбил полицейского. Ты думаешь, он позволит тебе жить, что бы там ни говорил твой отец?

Я замолчал, неторопливо зажег сигарету.

Мне удалось подвести его к нужной мысли. Пусть подумает о Шведе. Пусть подумает о том, как попал в такое положение. Я сидел, курил и ждал звуков снаружи, которые, я знал, скоро будут.

Наконец Джо-Джо заговорил.

— Он сказал, что Рот считает себя в безопасности, но мне все же лучше уехать. Я помню, как он это произнес. — В душной комнате мотеля он видел перед собой сцену в своем доме тем утром. Испуганный, весь потный Швед. Рот их кузен, их образ жизни, и так или иначе он все узнает. — Все будет о'кэй, когда я отдам талон мистеру Роту, но мне надо побыть где-нибудь, пока все не успокоится. Конечно. Он звонил Роту по телефону, когда я уходил.

— Он знал, что Рот не доверяет тебе. Даже если ты отдал бы талон, это ничего бы не изменило. Швед говорил обратное, но он-то знал.

— Нет, он не знал. Он доверяет Роту.

— Теперь Швед знает: Рот совершил убийство, чтобы найти тебя, — сказал я.

— Мне нельзя пока возвращаться.

— Рот убил бы свою мать ради собственной безопасности. Он убил Тани Джоунс просто на всякий случай...

— Я никому ничего не скажу. Рот это знает.

— Нет, — я покачал головой. — Ничего подобного Рот не знает.

Как и Швед, он убеждал себя, что у него нет выбора, что так должно быть. Он думал не о себе.

— А почему бы не рассказать все? — предложил я. — Тогда безопасность тебе гарантирована. Полиция будет тебя

охранять. И Паппас тоже. Заговори — и с Ротом покончено.

— Я и так в безопасности, — заявил Джо-Джо.

— Может быть, но зачем рисковать? Ради Джейка Рота?

— Я не стучу, — сказал Джо-Джо.

Из его уст это прозвучало грязным ругательством. Отвратительный кодекс бандитов и убийц. Подлый кодекс, существующий для защиты акул и паразитов.

— Молчание. Никому ничего не говорить, — сказал я. — Но не ради Рота. Молчание ради твоей семьи, так? Так, но это в конечном счете бесполезно, парень.

Джо-Джо зло взглянул на меня.

— Я им должен.

— Должен, но не это.

— Старик не может вернуться в доки.

— А себе что ты должен? — спросил я.

— Я перебыюсь.

— Ты ведь не веришь, будто они не знают, что сделает Рот.

— Они ему доверяют. Они ему верят.

— Не доверяют они ему, а ты тем более. Ты один на один с убийцей, парень, понятно?

— Нет.

Но голос его упал до шепота. Я сильно надавил на Джо-Джо.

— Тогда зачем же ты сохранил талон? — сыграл я своей козырной картой.

Взгляд голубых глаз устремился на меня.

— Что?

— Ты ведь не отдал Роту талон, верно? Ты ушел, когда Швед говорил с ним по телефону. Ты понял, что Швед считает — тебе надо бежать. Ты понял это, когда он сказал, что все будет о'кэй, но тебе лучше уехать на некоторое время. Думаю, ты знал, что Рот убьет тебя, даже если ты отдашь талон. Вот ты и оставил его для страховки.

Я наблюдал за ним. По всему выходило, что у Рота талона нет. Джо-Джо просто сидел и смотрел на меня.

— Ладно, — сказал он наконец, — я ему никогда не верил. Ну и что?

— Они бросили тебя волкам, парень, и сделали это ради себя. Ты это знаешь, иначе не убежал бы с талоном.

— Я им должен, — тупо повторил он. — Им надо жить.

Он был хороший парень. Парень с большими мечтами. Хорошим всегда труднее. Мир Шведа был ему чужд. Он знал, что представляют собой его родные, и ненавидел их — но в то же время и любил. Кем бы они ни были, они оставались его семьей, и у него имелся собственный кодекс, который он соблюдал невзирая на риск. Может, ему и удалось бы сохранить свой кодекс и остаться живым, если бы не появился я и не замутил воду. Я-то думаю, что Рот в лю-

бом случае с ним разделался бы, но мое вмешательство обострило обстановку. Теперь я должен был попытаться его спасти.

— Что ты им должен, Джо-Джо? — спросил я. — И что ты должен себе?

— Я о себе не забуду, — мрачно ответил Джо-Джо.

— Ладно, скажем, никто тебя не выдаст. Что дальше? Как же с твоими большими планами?

— Я их осуществляю, Форчун.

— Автогонщик? — усмехнулся я. — На виду у публики? Может быть, фотографии в газетах? Кого ты хочешь обмануть?

— Я всего добьюсь, — упрямо сказал он. Но вид у него был потерянный.

— Ничего ты не добьешься! Ты будешь никем. — Я говорил это как можно резче. — У тебя нет никаких свидетельств о том, что ты умеешь что-то делать. Ни диплома, ни даже бумажки об образовании. Ты прекратишь существование как Джо-Джо Олсен. А у Дана Блэка нет прошлого — и будущего нет. Да и Даном Блэком ты не сможешь быть долго. Ты станешь просто никем. Человек без имени, который шарахается от любой тени.

Сейчас он смотрел в пол. Пистолет опустил. Я не отставал. Возможно, этими словами я спасал и его жизнь, и свою. Если мне не удастся его убедить, причем в самое ближайшее время, кто знает, что он сделает, когда появится человек Рота.

— У тебя есть три возможности, парень. Ты можешь вернуться вместе со мной, отдать талон полиции, и пусть Рот получит, что ему причитается. А сам сможешь жить своей жизнью.

Или тебе придется постоянно бегать от Рота. Не исключено, что ты всегда будешь опережать его на шаг. Но жить придется в таких вот сараях. Переезжать из города в город, перебиваясь случайной работой, чтобы прокормиться. Имя ты сменишь столько раз, что наконец забудешь, кто ты такой.

А можешь попробовать уговорить Рота и присоединиться к нему. Вдруг он поверит, что ты принял его сторону. Вряд ли он тебе поверит сейчас — но вдруг. Ты можешь даже убить меня для начала, чтобы Рот увидел, насколько ты свой.

Это я ему специально сказал: пусть поймет, какой будет жизнь с Ротом. Вообще-то я думал, что теперь Рот ему не поверит, что бы он ни сделал. У Джо-Джо всегда будет возможность войти в милость к Паппасу, рассказав ему про Рота. Джо-Джо понял это раньше меня.

— Есть четвертый путь, Форчун, — сказал он. — Я могу отнести талон Паппасу. Это будет на пользу и мне, и всей семье.

Я кивнул.

— Почему бы и нет? Но это то же самое, что объединиться с Ротом. Я даже не уверен, что Энди поверит тебе или поможет семье — вы же долго утаивали от него важную информацию, — но попробовать можно. Тогда ты станешь наемным щенком, который рано или поздно кончит на столе в морге или на дне реки.

Джо-Джо ничего не сказал. Я внимательно смотрел на него. Теперь я должен был использовать все, что о нем знал.

— Кроме того, — сказал я, наклоняясь к нему, — это ты мог сделать с самого начала. Мог сразу же пойти к Паппасу. Только это было бы против твоей воли. Ты ненавидишь Паппаса и все, что он собой представляет. Ты не хочешь участвовать в ракете. Поэтому ты и убежал. Не желая вредить семье обращением в полицию, но не желая и прикрывать Рота или идти к Паппасу — ты убежал.

Он сидел молча. Я не сказал ему ничего такого, чего бы он себе не говорил раньше. Он был умным и хорошим парнем. Я заставил его взглянуть в глаза тому, что он уже знал. Как психиатр. Его воротило от того, как живет отец. Он терпеть не мог Рота и Паппаса и все, среди чего вырос. Ему хотелось быть свободным и идти своим путем.

— Вот послушай меня, Джо-Джо. Я расскажу тебе историю. Был парень, очень похожий на тебя. Он... да какого черта... Это был я. Дэн Форчун. Мне было шестнадцать, я родился и вырос в Челси. Парень, не лучше любого другого в Челси. А времена стояли тяжелые — депрессия. Мой отец работал в полиции. Да, правда. Он был полицейским примерно таким же, как все остальные. Если ему предлагали небольшую взятку, может, он и брал, может, нет, когда как. Моя мать — она тогда была очень красивая — работала танцовщицей. Она подолгу оставалась одна. Как-то раз мой старик застал ее с мужчиной и чуть было его не убил. За это его выгнали из полиции. Он начал пить. Регулярно избивал мать. Потом он вдруг ушел. Он так и не смог ее простить, вот и ушел. Ей приходилось поднимать меня, как уж она могла. Она быстро состарилась, сама начала пить. Что она могла сделать, чтобы прокормить меня? Она любила мужчин. Так что у нее было полно «друзей», многие из них служили в полиции. У меня появлялся новый «дядя» каждые два месяца. Я их ненавидел. Поганца-отца, который не только не простил мать, но и не хотел ее даже понять. Шлюху-мать, которая не могла не пить. А из этой ненависти получилось вот что. Я собирался сделать для них то, чего они не смогли сделать для меня. Обеспечить матери приличную жизнь. Стать большим человеком и доказать отцу, что я на многое способен. А ты знаешь, что делает парень в Челси, если хочет стать большим человеком. Крадет, грабит — становится преступником.

Всегда идешь тем путем, который подсказывает общество. Если бы я родился в богатых пригородах, то, вероятно, просто бросил бы школу и устроился на работу. Но я родился в трущобах, поэтому стал воровать. И поначалу мне все удавалось. Целый год я содержал мать. Потом я упал в трюм судна. Потерял руку. В больнице было время подумать. И вот однажды ночью до меня дошло. Кто я такой, чтобы судить других? А ведь именно это я и делал. Мои мать и отец были теми, кем сделала их жизнь. Какого же черта я становлюсь мучеником, чтобы им что-то доказать? Это уже стоило мне руки. Но я не имел права быть им судьей и мучеником ради них. Я ведь не хотел быть вором, это я знал точно! Тогда я спросил себя — может быть, мой первый долг перед самим собою?

Получалось, что я жил их жизнью. Но я не имел никакого основания извиняться перед кем-то за их жизнь. Моя жизнь — вот о чем я должен был думать. Их я все равно не спасу, а с чем останусь сам в конечном счете? Когда вышел из больницы, я уехал. Больше ни разу не нарушил закон. Сам строил свою жизнь, Джо-Джо. Может, ничего особого я и не достиг, но это уже другой вопрос. По крайней мере, я неудачник в своей жизни, а не в чьей-то.

У меня пересохло в горле. Я очень долго говорил. Может, лучше бы я себе говорил все это почаще, тогда бы и добился большего в жизни. Я знал только, что хочу все это высказать Джо-Джо. У меня ведь не было сына...

— Наверное, самое трудное, — хрипло проговорил я, — это идти своим путем, как когда-то древние викинги...

В кабине было очень тихо. Я прислушивался к машинам, проходившим по шоссе. Джо-Джо улыбнулся. Это не была улыбка счастья, триумфа или облегчения. Просто улыбка в ответ на слова.

— Они шли своим путем, верно ведь? — сказал Джо-Джо. — Викинги не брали подачек. А мой отец позволяет называть себя Шведом.

— Это его жизнь, Джо-Джо, — устало проговорил я. — Хорошо это или плохо, но твоя семья живет своей жизнью. Они сделали свой выбор. Ты не можешь жить за них.

— Да... — тихо проговорил Джо-Джо.

Вот и все.

Я позвонил в местную полицию. Газзо еще до меня связался с ними, и они сказали, что сейчас же приедут.

Я взял второй пистолет Джо-Джо, и мы стали ждать, когда появятся люди Рота. Если повезет, полиция окажется здесь первой.

Нам не повезло.

ГЛАВА 18

Они приехали в серой машине, взятой напрокат.

Они ожидали найти лишь одного ничего не подозревающего, напуганного мальчика.

Я видел, как они вышли из машины и проверили оружие, прежде чем приблизиться к кабине. Опустив пистолеты в карманы пиджаков, они неторопливо пошли к двери кабины № 3. Я открыл водопроводный кран. Они постучали — небрежно, будто пришли с визитом к приятелю. Мы никак не отреагировали. Они постучали еще раз. Громче, чтобы перекрыть шум льющейся воды.

— Открыто, — крикнул Джо-Джо, — входите.

Они вошли. Я был за дверью, когда она открылась. Джо-Джо прижался к стене по другую сторону двери, скрытый чем-то вроде подставки для шляп.

Вошли они быстро и уже успели миновать нас обоих, прежде чем заметили льющуюся в пустую раковину воду и начали поворачиваться.

Я ударил пистолетом того, что пониже ростом.

Второй был помощнее, и Джо-Джо пришлось ударить его три раза, прежде чем он упал.

Ни один из них не успел достать пистолет из кармана. Джо-Джо наклонился, чтобы забрать оружие. Я подскочил закрыть дверь.

Две пули вонзились в дерево как раз над моей головой. Щепка поранила мне щеку. Быстро пригнувшись, я упал спиной назад в кабину. Сильно ударился головой. Ногами я захлопнул дверь. Джо-Джо направился к окну. Я начал подниматься, голова покруживалась от удара.

— Нет! — крикнул я Джо-Джо. — Под окно! Не высовывайся.

Сам я приблизился к другому окну. Низко пригибаясь, выглянул из нижнего левого уголка. Я увидел их серую машину, а за ней что-то вроде тени. Яркое светило солнце. По шоссе проезжали машины. Деревья переливались всеми мыслимыми цветами. Вся сцена была довольно несуразной.

Тень за машиной осторожно выпрямилась. Высокая тонкая тень в сером костюме.

— Рот, — сказал я Джо-Джо, скорчившемуся у другого окна. — Присматривай за этими двумя.

Джо-Джо сидел, прислонившись спиной к стене, держа под дулом пистолета лежавших без сознания бандитов. Теперь ясно было, почему они так долго не появлялись. Ждали Джейка Рота. Они позвонили Роту — маленький человек на гоночном треке слышал этот разговор, — и Рот приказал ждать его: к Джо-Джо поедут все вместе. Просто удивительно, как много ошибок может сделать умный человек. Правда, Джейк-то был не такой уж и умный, но хитрый — точно. Он всегда старался избежать риска. В данном

случае Джейк заставил своих людей ждать, чтобы самому удостовериться, что взят и Джо-Джо и талон. На этом он потерял последний шанс.

— Послушай, Джейк, — крикнул я, — я только что услышал первые полицейские сирены вдали. — Рот стоял на открытом месте и держал револьвер в руке. — Все кончено.

— Я с тобой разделаюсь, Форчун, — ответил Рот уверенно.

Он стоял так специально — чтобы я поддался искушению и выстрелил. Тем самым я выдал бы себя. Джейк Рот — прекрасный стрелок и без труда сможет меня убить.

— Не разделяешься, — сказал я. — Ни сейчас, ни потом. Мы взяли двух твоих ребят, и они все расскажут. Олсен спрятал талон. Мы не выйдем из укрытия. Беги, Джейк.

Рот стоял неподвижно. Если я смогу задержать его разговором, возможно, успеет подъехать полиция. Я не был уверен, что это окажется благом для полицейских. Рот успеет кого-нибудь из них застрелить.

— Единственное, что тебе надо было делать, это не высовываться, Джейк, — прокричал я. — Тысяча против одного, Энди ничего бы не узнал. Ты сам все испортил, Джейк, запаниковал.

Рот молчал. Я видел, как напряглись мышцы его лица. Очевидно, он решал сейчас, сможет ли взять нас штурмом. А еще он мог надеяться, что мы не успеем за его ребятами, взятыми в плен. Да мало ли возможностей...

— Тебе надо было всего лишь довериться Джо-Джо и оставить его в покое, — продолжал я. — Но ты же всегда боишься. Как и с девушкой, верно? Ты и ей не хотел довериться. Она что-то знала? Пригрозила рассказать Энди? И ты испугался, Джейк?

Но я знал ответ, конечно. Страх. Конечный ответ на все эти вопросы. Рот столь долго жил оружием и страхом, что и действовал всегда привычным образом. Он слишком боялся Паппаса. Животное, которое видело лишь один путь к безопасности — убить любого, кто может причинить вред. Извращенный ум. Ум, характерный для убийцы... Они убивают, спасаясь от опасности, которая намного меньше, чем обвинение в убийстве. Они убивают, усложняют тем самым простое и губят себя.

— Я тебя прикончу, Форчун, — сказал Рот, стоя на открытом месте под солнцем. — Тебя и мальчишку. Как и тех, остальных. Ты уже мертвый!

Это были прощальные слова Рота перед бегством, и меня они не беспокоили, — сирены слышались совсем рядом. Теперь Рот вряд ли станет тратить время на Джо-Джо и меня. Но мне хотелось сказать напоследок свое прощальное слово — я ведь был человеком, и обидя, за то, что Рот меня избил, еще не прошла.

— Беги, Джейк, — сказал я с иронией. — Беги как можно быстрее.

Краем глаза я заметил движение. Это Джо-Джо поднимался, чтобы выстрелить в Рота — тот как раз садился в машину.

— Нет! — сказал я. — Пусть едет, Джо-Джо. Сейчас ты все равно в него не попадешь. А он еще сможет пристрелить нас. Даже если ты его ранишь, он убьет кого-нибудь из полицейских — они ведь не знают, что он здесь. Пусть убегает. Будет другой шанс.

Мы наблюдали, как серая машина выезжает со двора и сворачивает на север к шоссе. Полиция появилась через несколько минут. Из других кабин высыпали люди. Они были очень взволнованы.

Полиция увезла нас и обоих бандитов. Джо-Джо отдал ключ от камеры хранения, где спрятал талон. Потом нас отвезли в аэропорт, и мы полетели домой с полицейским эскортом.

Капитан Газзо встретил нас с распростертыми объятиями и бронированной машиной. Газзо вызвал к себе Паппаса — идентифицировать номер машины на штрафном талоне и, может быть, получить у него какую-либо информацию в связи с последними событиями. Паппас долго смотрел на этот талон. Энди был как обычно щегольски одет, но казался бледным.

— Это мой маленький «Меркурий» с откидным верхом, — сказал Паппас. — Он был в Джерси. Джейк ездил туда один. Вы говорите, Джейк воспользовался им в тот день, когда... убили Тани?

— Он поставил машину на место, прежде чем вы вернулись из Вашингтона, — пояснил Газзо. Капитан старался быть вежливым с Паппасом. Это давалось ему с трудом. — Форчун знает всю историю.

Я рассказал Энди все, что мне было известно. Его лицо потемнело, когда я дошел до Олсенов. Холодные глаза изучали Джо-Джо. Поведал и о том, как Рот обработал меня.

— Я этого не приказывал, — сказал Паппас.

— Мы нашли в ее квартире проигравший билет со скачек в Монмуте, — вставил Газзо.

— Джейк был в Монмуте за день до этого. Я помню, — прошептал Паппас.

— Его наемники поют вовсю, — заметил Газзо. — Рассказывают все, что знают.

— Да, — вяло отозвался Паппас. Он смотрел на штрафной талон, облизывая пересохшие губы. — Вы знаете, что... что тогда произошло? У нее дома?

— Вы имеете в виду — почему Джейк ее убил? — сказал я. — Его ребята говорят, что он поделился с ней своими большими планами. Разболтался как щенок — именно

так выразились его люди — и был вынужден закрыть ей рот навсегда.

— Планы? — сказал Паппас, суживая свои мертвые глаза до щелочек.

— Планы против вас, Паппас, — пояснил Газзо. — Похоже, Джейк хотел произвести впечатление на Тани и, чтобы показать, какой он большой человек, поделился своими планами.

— Он поехал туда вовсе не для того, чтобы ее убить, — сказал я. — Он собирался развлечься с ней. Но сделал ошибку — и чтобы исправить ее, совершил убийство.

— Джейк и Тани? — задумчиво проговорил Паппас. — Да. Она была всего лишь глупой девчонкой, которая любила мужчин. Наверное, просто не могла не гулять. Но знаете что? Детка любила меня. Да, она меня любила.

— Знаю, — вздохнул я. — Это ее и убило.

Я мог себе представить сцену в тот день. Джейк Рот наедине с Тани, польщенный ее вниманием, на мгновение уверившийся, что она предпочтет его Паппасу. Во всяком случае, он был моложе и, по собственному мнению, лучше. Он был уверен, что она выберет его, но некоторое сомнение все же оставалось, нужно было его погасить. Вот он и рассказал ей о своих планах. Вероятно, похвастался, что скоро станет боссом организации. И в следующее же мгновение понял свою ошибку. Может быть, увидел это по ее глазам. И тогда он понял, что для Тани он всего лишь мимолетное увлечение — развлечение, а Паппас — нечто большое, главный человек в ее жизни. Тани могла и не знать, кто такой Паппас в действительности, или ее это не волновало, но когда для ее мужчины возникла угроза, она это сразу поняла. Джейк увидел в ее глазах ужас, и ему все стало ясно. И тогда он застрелил ее.

— Он застрелил ее там, Энди, — повторил я, — но убийцей можно считать и тебя. Страх, который ты вызываешь, Энди, вот что убило Тани. Она была твоей женщиной, и Джейк знал, что живой оставлять ее нельзя.

Я намеренно ударил его этими словами, но мне было его немного жаль. Он вдруг стал лишь еще одним мужчиной средних лет, потерявшим любимую женщину. И не имело значения, что это была внебрачная связь. Всем нужна любовь, а что я знал о его семейной жизни? Да, мне было его немного жаль. Но лишь немного. Ибо он был Энди Паппасом, и жизнь задолжала ему много горя. Вот и я ударил его словами. Хотя что толку?

— Ты хорошо справился, Дэнни, — сказал Паппас, будто и не слышал меня. — Я пришлю тебе чек, хотя ты работал и не на меня. И этому парню тоже. Которого избили.

— Не надо чека, — я отрицательно покачал головой. —

Мне — нет. Я свой выбор давно сделал, Энди. Все, к чему ты прикасаешься, умирает.

— Как хочешь, — Энди отвернулся.

— Ты убил ее так же, как если бы сам нажал на спусковой крючок, — сказал я.

Паппас начал натягивать белые перчатки, в которых обычно ходил последнее время. Он меня по-прежнему не слышал. Он никогда не видит и не слышит того, чего не хочет видеть и слышать.

— Это все, капитан? — спросил он, повернувшись к Газзо.

— Это все. Разве что вы захотите рассказать нам, что именно собирался захватить Рот.

Паппас едва заметно улыбнулся. Потом кивнул мне и вышел. Я увидел, как он пригладил рукой то место на пиджаке, где у него всегда был пистолет. Газзо тоже это увидел. В его глазах вспыхнула надежда. Капитан думал, что, возможно, Паппас поскользнется в этот раз, сам убьет Рота и попадется. Я в этом сомневался. Несомненно, в организации Паппаса произойдет чистка — он уберет всех, кто был связан с Ротом, но сам ни в чем участия принимать не станет.

В комнате для допросов пойманные бандиты заливались вояку. Они рассказали все, что сделал Джейк и для чего их нанял.

— Мы должны были забрать талон и убить старика. Старика просто не повезло. Мы задали ему пару вопросов, а он взял и помер.

Судя по тому, как они это сказали, старый Шмидт сам был виноват в том, что умер. И по отношению к ним эта смерть была большой несправедливостью. Всякий мог это сам понять. Похоже, они думали, что это объяснение истерпывает тему, что мы сейчас все поцелуемся и разойдемся добрыми друзьями.

— Рот обещал, что когда станет боссом, то даст нам хорошие места в организации, — сообщил один. — Я хочу сказать, это был наш шанс, понимаете?

Второй пожал плечами.

— Может, он не такой уж и умный. Разболтал все этой девчонке — ну дурак дураком.

Джейк Рот сделал дурацкую ошибку. Из-за этого погибли люди.

— А что с Нэнси Дрисколл? — спросил я.

Первый покачал головой.

— Мы не знаем никакой Дрисколл, мы уже говорили кэпу. Наверно, Джейк сам ею занимался, как и тобой, нюхач.

— Как вы узнали, где Олсен? — спросил я.

— Джейк сказал. Только он и здесь не очень хорошо справился. Мы приехали туда намного раньше тебя, Фор-

чун, но он сначала послал нас в эту дыру, Фламинго. Мы перевернули мотоциклетный трек вверх дном, потом обыскали весь Спэниш Бич, и только тогда Джейк велел попробовать на гоночном треке.

— И вы ничего не можете сказать нам о Нэнси Дрисколл?

— Нет, сэр, кэп, ничего.

Было уже утро, когда мы с Джо-Джо, рассказав Газзо все что знали о Роте, вышли на улицу. День в городе обещал быть жарким и душным. Джо-Джо не хотелось идти домой. Я посоветовал ему снять комнату в отеле. Предложил денег взаймы, хотя и сам-то был не очень сейчас богат.

— Спасибо, мистер Форчун, — как-то неопределенно ответил Джо-Джо.

Он избавился от усов и темных очков. Стоя на улице, оглядывался по сторонам, еще не веря, что все кончилось, и не знал, что делать дальше. Это одна из проблем, которые возникают, когда идешь своим путем. Долго кажется, что тебе нечего особенно делать, потому что ты слишком привык делать то, чего ждут от тебя другие люди.

— Послушай, давай зайдем к Питу, — предложил я. — Надо же отчитаться перед клиентом...

Джо-Джо пожал плечами. Мы поймали такси и поехали в больницу святого Винсента.

ГЛАВА 19

— Ты и Питу послал записку, да? — спросил я в такси. — Когда я появился в мотеле, ты думал, это Пит сказал мне, что ты в Спэниш Бич.

— Я просто написал, что погода хорошая. Он бы понял, что у меня все в порядке, — объяснил Джо-Джо. — Наверно, я отправил записку в тот вечер, когда ездил на мотогонки во Фламинго.

— Вот тут тебе повезло.

— Повезло? — удивился Джо-Джо.

— Кто-то сказал Роту, что ты в Спэниш Бич или поблизости. Сначала он искал во Фламинго, потом в городе, потому что был уверен — к гоночному треку ты и близко не подойдешь. Он сам себя перехитрил.

Джо-Джо непонимающе смотрел на меня.

— Но Пит нанял вас.

— Да, — согласился я. — Он меня нанял.

В больнице нас вначале не хотели пускать к Питу. Я сказал, что мы по очень важному делу. Полиция по-прежнему держала человека у входа в палату Пита. Охранник знал меня и о моем участии в деле и позволил нам войти.

Пит лежал в постели. Он был еще слаб, но повязки с

лица сняли. Когда мы вошли, Пит попытался сесть. Я заметил, что от боли он прикусил губу. Лицо его было испещрено свежими ранами, а на руках были еще шины и повязки, но он улыбнулся Джо-Джо.

— Хелло, приятель, — сказал Пит. И, обращаясь ко мне: — Спасибо, мистер Форчун.

— Я пришел с докладом к своему клиенту, — заявил я.

— Ну так докладывайте, — Пит подмигнул Джо-Джо.

Я рассказал всю историю. Пит внимательно слушал. Палату заливало утреннее солнце. Джо-Джо стоял поодаль от кровати. Когда я рассказал Питу финал, его лицо потемнело.

— В аду им гореть! — воскликнул Пит. — А Рот бежал, да?

— Его возьмут, — сказал я, — но вряд ли живым.

— Живой он не дастся, — подтвердил Пит.

— Мне повезло, что я добрался до Джо-Джо первым.

— Джо-Джо тоже чертовски повезло, — согласился Пит. — Верно, приятель?

— Ты прав, Пит, — подтвердил Джо-Джо.

— Мистер Форчун знает свое дело, — оживленно проговорил Пит. — Я нанял кого надо, это уж точно.

Было очень тихо. Пит ухмылялся нам обоим. Джо-Джо взял со столика металлический кувшин и внимательно его рассматривал.

— Почему ты не рассказал мне о записке, которую прислал тебе Джо-Джо, Пит? — спросил я. — Сестра ведь тебе ее прочитала, верно?

Пит кивнул.

— Да, я вспомнил про нее, как только вы ушли, понимаете? Очень глупо с моей стороны. Вы же тогда рассказали мне о старом Шмидте и о том, что машина была передвинута, я и забыл.

— Нет, — сказал я. — Ты не забыл.

Глаза Пита были как две неглубокие лужицы с тонкой темной пленкой льда. Лицевые мышцы подергивались.

— Рот знал, что Джо-Джо находится где-то в районе Спэниш Бич, — продолжал я. — Он узнал об этом еще раньше меня. Никакими силами нельзя было бы извлечь эту информацию из Анны, а если бы она сказала Роту, то уж никак не сказала бы мне.

Пит молчал. Он смотрел на Джо-Джо.

— О Спэниш Бич Рот мог узнать лишь одним путем, Пит, — медленно проговорил я.

Пит кивнул. Взгляд метнулся куда-то в сторону, потом на стену. Потом опять на Джо-Джо. Казалось, он смотрит на Джо-Джо для того, чтобы набраться храбрости.

— Он пришел сюда... Рот был здесь, — сказал Пит запынаясь. — Он собирался избить меня. Еще одного избития я бы не перенес. Мне очень жаль, приятель.

— Нет, — сухо сказал я.

Пит посмотрел на меня.

— Что? — проговорил он. — Что?

— Он ничего из тебя не выколачивал, Пит. Даже и не собирався. Ну как бы он мог это сделать здесь? И откуда ему знать, что Джо-Джо прислал тебе записку? Нет, ты ему сам позвонил. Рассказал по собственной инициативе. Почему?

— Понятия не имею, как он узнал про записку, но он узнал! Может, я слишком легко пугаюсь, но если бы вас так сильно избили... черт возьми, я ведь нанял вас, мистер Форчун.

— Да, ты меня нанял. Но не для того, чтобы найти Джо-Джо, Пит. Все это было странновато с самого начала. Я хочу сказать — то, что ты ко мне пришел. Ты знал, что у Джо-Джо неприятности.

Тут вмешался Джо-Джо.

— Я тебе говорил, что у меня неприятности.

— Конечно, — быстро согласился Пит, — но ты же не сказал, что собираешься сбежать. И какие неприятности, тоже не сказал!

— По всем нормальным правилам, Пит, — произнес я, — ты должен был заниматься своими делами, а в чужие не лезть. Если у Джо-Джо были неприятности и ты считал, что они связаны со Стеттином, тебе полагалось молчать. Это если ты хотел помочь Джо-Джо. Но ты пришел ко мне. Я думаю, ты даже догадался о Тани Джоунс. И с самого начала знал, что это Рот ищет Джо-Джо. Но ты пришел ко мне, хотя и знал, что, когда я возьмусь за это дело, неприятностей у Джо-Джо будет еще больше.

— Я хотел, чтобы вы помогли ему! Это плохо? Разве я знал, что получится наоборот? Черт возьми, вы ведь его спасли, разве нет? Все вышло хорошо!

— Да, вышло-то все хорошо, но не для тебя, — со значением проговорил я. — Ты нанял меня для того, чтобы устроить неприятности, а не прекратить их.

Пит ничего не сказал. В палате было сейчас очень солнечно и жарко. Джо-Джо поставил на место металлический кувшин и смотрел на Пита. А Пит просто сидел, привалившись к подушкам, весь обмякший. Наверное, он был еще очень слаб. Или устал. Он же, конечно, без конца думал обо всем этом с тех пор как узнал, что Джо-Джо в безопасности, а Рот скрывается.

— Джо-Джо, — сказал я, — где твой талисман «Феррари»?

— Мой «Феррари»! — отозвался Джо-Джо. Он вытащил колечко с ключами. — Вот он, а что?

Я взял миниатюрную машинку и поднес к лицу Пита. Он уставился на нее. Талисман Джо-Джо был весь по-

блекший и исцарапанный, как если бы его долго носили в кармане. На вид он ничем не отличался от того, который Газзо нашел под телом Нэнси Дрисколл.

— Покажи-ка свой, Пит, — попросил я.

Пит не шелохнулся.

— Ну что ж, я его хорошо помню, — спокойно продолжал я. — Твой талисман был новенький и блестящий, верно, Пит? Джо-Джо, когда Пит купил себе такую штуку?

— Тогда же, когда и я.

— Ну и что, я купил новую машинку, — заявил Пит. — А эту потерял, да.

— Конечно, — кивнул я, — ты ее потерял.

— Да их сотни, — голос Пита поднялся до крика. — Ты-сячи!

— Разумеется. Мне вспомнилось кое-что из слов этого Уолша. Он рассказывал о Джо-Джо и Нэнси и упомянул, что Нэнси жаловалась — они все время говорили только о машинах и двигателях. Во множественном числе, Пит, понимаешь? Они — это больше чем один человек.

Тут заговорил Джо-Джо. Он догадался наконец, к чему я веду.

— Иногда мы приходили к ней вместе. Да, я помню, он с ней разговаривал. И еще я помню, как он на нее смотрел.

— Черт возьми, все знают, что я был с ней знаком! — прокричал Пит.

— Да, но не так, — возразил я. — Ты, как говорят, на нее «глаз положил». Талисман, испачканный носовой платок — все, что подходит Джо-Джо, подходит и тебе. Ты вел себя так, будто почти ее не знаешь. Но все время у тебя подразумевалось, что она замешана в этом деле. Ты послал меня к ней, Пит.

— Ты знал, что я не виделся с ней несколько месяцев, — сказал Джо-Джо.

— Ты знал, что ей ничего не известно о Джо-Джо, — подхватил я.

— Ты знал, что я уехал из города еще до того, как ее убили, — продолжал Джо-Джо.

— Ты знал, что никто не пойдет к ней, разыскивая Джо-Джо, — не отставал я.

Наши голоса били по нему, словно молотками.

— Нет! Я не знал! Эти два бандита избили ее. Рот до нее добрался! Ну конечно, так и было, это все Рот. Рот!

Он походил сейчас на загнанное животное. Маленькое животное, привязанное к этой постели и неспособное убежать или прятаться. Мне не нравилось то, что я делал, но я должен был припереть его к стене.

— Ты сам впутал ее в это дело, Пит, — заявил я. — Ты послал меня к ней. Тебе нужно было, чтобы все так или иначе замыкалось на нее, ибо она уже была мертва. Убив ее, ты вспомнил, что Джо-Джо скрывается.

— Нет! — крикнул Пит. — Нет!

— С ней был мужчина в субботу во второй половине дня, — сказал я. — Пьяный парень. Это был ты. Джо-Джо уехал, тебе стало одиноко, я думаю, а ты всегда стремился к ней. Ты поехал к ней. Не знаю, как все происходило. Вряд ли ты собирался убить ее, ты не Джейк Рот. Наверно, ты просто сильно напился. Ты ударил ее, Пит. Ты ударил ее и продолжал бить!

— Нет, — прошептал Пит. — Нет... Нет... — Но деваться ему было некуда.

— Ты испугался. Я бы тоже испугался на твоём месте. Ты вытер ей лицо. Думаю, ты пытался ее оживить. У тебя ничего не получилось. Тогда ты убежал. Долго ли ты бежал, Пит? Весь обратный путь до Челси? И уже здесь обнаружил пропажу своего миниатюрного «Феррари»? Обнаружил, что оставил там носовой платок и бутылку? Ты не был одним из тех, кто регулярно к ней приходит, но ты оставил «Феррари», и рано или поздно полиция вышла бы на тебя. Ты видел, как они работают. Они не сдаются легко. Все определила эта «Феррари», верно! Миниатюрная машина дала тебе идею, несомненно. У Джо-Джо был точно такой же талисман. Но Джо-Джо действительно встречался с Нэнси, это многие знали. И он был в бегах. Его неприятности уже начались.

Я замолчал. Пит отвернулся к стене.

— Ты решил отдать Джо-Джо полиции, — продолжал я. — Ты умный парень. Возможно, ты даже высчитал, что кто-то охотится за Джо-Джо и вся вина может лечь на этого кого-то. Или, возможно, тебе по-настоящему повезет, и Джо-Джо никогда не найдут — не найдут живым. Может быть, тогда ты уже знал, что за ним охотится Рот. А может быть, нет. Но ты наверняка знал про Стеттина и, не исключено, про Тани Джоунс. Тебе нужно было, чтобы кого-то обвинили в убийстве: полицейские не перестают искать, пока не находят кого-нибудь, кому можно приписать убийство. Вот ты и решил отдать им Джо-Джо. Тебе пришло в голову, что удобней всего это сделать, наняв меня, чтобы я волей-неволей пускал круги по воде. Ты знал, что я пойду в полицию в связи с исчезновением Джо-Джо. Ты знал, что полиция — или я сам — свяжет Джо-Джо с Нэнси Дрисколл.

Мне не были видны его глаза. Он по-прежнему смотрел на стену. Плечи его тряслись.

— Не думаю, что ты желал его смерти, по крайней мере сначала. Тебе просто была нужна дымовая завеса. Но потом тебя избили, и ты понял, что за тобой охотятся опасные люди. Тебе это избиение сослужило хорошую службу. Получалось, что Нэнси Дрисколл могли убить эти же люди. Ее ведь тоже избили. Но ты оказался слишком хитрым, Пит. Направляя меня к Нэнси, ты перестарался. Ты

считал, будет лучше, если полиция не найдет Джо-Джо живым. При том, что у них на него было, если его найдут мертвым, то, вероятно, повесят на него убийство Нэнси и закроют дело. Или припишут убийство Нэнси тем же, кто убил его. Это уже не имело значения. А если его возьмут живым — это хуже. Поэтому ты позвонил Роту и сказал, где можно найти Джо-Джо. Вот это и было твоей ошибкой. Ибо только ты мог сказать Роту. Письмо от Джо-Джо получил ты.

Он лежал весь обмякший. Ни убежать, ни сопротивляться Пит не мог. Он знал всю тяжесть своей вины. Всегда есть стремление признаться. Оно есть, спросите любого полицейского. Причины пусть объясняют психиатры, но я знаю, что это так. Сам часто видел. Может, человеку трудно лгать, если он знает правду? Я не говорю о профессиональном преступнике, Джейке Роте. Я говорю об обычном человеке, о таком, как Пит Витанца. Он не собирался убивать, я был в этом совершенно уверен, и сейчас его переполняло чувство вины — но он еще и боялся, так что попробовал сопротивляться.

— У вас нет доказательств, — заявил Пит.

— У меня достаточно улик для того, чтобы Газзо взял тебя для допроса, Пит, — сказал я. — А ты знаешь, как будет тебя допрашивать Газзо. Ты ему все расскажешь.

Когда Пит повернул к нам свое избитое лицо, оно было, можно сказать, спокойным. Он долго жил страхом и переживаниями, а теперь все кончилось. Он посмотрел сначала на Джо-Джо, потом на меня.

— Она мне отказала. — В его голосе звучало удивление, он до сих пор не мог поверить, что Нэнси Дрисколл могла ему отказать. — Я был пьян. Я поехал к ней. Взял бутылку виски и пиво. У нее я был долго. Она меня дразнила всю. Сука! Я хочу сказать, она же трясла передо мною всеми своими телесами. А потом сказала — нет. Нет, и все! Я ее ударил. Она назвала меня свиньей. Щенком назвала меня, мальчишкой. Грязная свинья, сказала она. Я опять ее ударил. Она упала на пол, а я продолжал ее бить. Пьяный я был очень, вот что. Она перестала двигаться. Помню еще какие-то крики. Я не то чтобы слышал, как она кричала, просто помню что-то такое. Она совсем не двигалась. Я вытер ей лицо и увидел, что она мертвая.

Пит умолк, закрыл глаза.

— Потом ты вытер пивные банки и бутылку, — сказал я. — Ты видел в кино, как это делается. Там всегда стирают отпечатки пальцев. Взял адресную книжку. Боялся, что там может быть твое имя. Но ты слишком рано убежал. Слишком много оставил. Потом вспомнил, что оставил, и сообразил — Джо-Джо-то в бегах. Все, что там осталось, подходило и для Джо-Джо. А для тебя это был прекрасный шанс — подстроить все так, будто ее убил Джо-Джо.

Если повезет, Джо-Джо погибнет, и он ничего не сможет отрицать — только нужно было обеспечить «привязку» Джо-Джо к Нэнси. Тут и появился я.

Помолчав, я подошел к телефону — пора было звонить Газзо.

Джо-Джо вышел, не сказав ни единого слова. Ни Питу, ни мне.

ГЛАВА 20

Пит подписал свои показания капитану Газзо еще в больнице. Потом Газзо увез его к себе и запер в камере. Я поехал к Марти.

— Почему они признаются? — спросила Марти. — А ведь они всегда признаются, такие, как Пит.

— Не знаю, — задумчиво ответил я. — Может быть, потому что в действительности они не убийцы. Убийство для них — паника, мгновение утраты рассудка. Когда это мгновение проходит, они опять становятся собою, их мучает ужас и чувство вины.

— Но он пытался устроить все так, чтобы и Джо-Джо убили.

— Это другое дело. Здесь уже был страх. Никто ничего не знал, и он уцепился за шанс остаться незамешанным. Свалить на кого-нибудь другого — мы все так устроены. Ему это могло и удасться, но он слишком уж старался. Совсем как Джейк Рот. Им обоим нужно было всего лишь не высовываться, и, вероятно, все бы обошлось.

Мы сидели в ее квартире. Меня уже не подстерегали в темных углах — по крайней мере, я так думал. Но полной гарантии никто в этой жизни не дает.

— Вот это слово — «вероятно»... — продолжала Марти. — Они не могли просто сидеть и ждать. Не могли жить, когда опасность нависла над головой. Не зная, раскроется все или нет. Вздрагивая при каждом стуке в дверь. Они решили сделать попытку избавиться от опасности сразу и навсегда. Вероятно, я бы тоже так рассуждала. Убийцы — тоже люди. Питу пришлось бы жить в постоянном страхе. Он попытался освободиться от этого страха.

Конечно, она была права. Именно этого и не вынесли Пит и Джейк Рот, хотя, может быть, и не осознавали до конца угрозы, которая постоянно висела бы над их головой. Им необходимо было освободиться, и неважно, сколько человек пострадает при этом или умрет.

— Нельзя во всем обвинять одного Пита, — задумчиво проговорил я. — Его никогда не учили отличать добро от зла.

— Что с ним будет, Дэн?

— Ну, непреднамеренное убийство — отсидит свое и вый-

дет. Возможно, чему-нибудь научится, хотя вряд ли. Он слабый.

Что было дальше? Двум наемникам Рота предъявили обвинение по целому ряду пунктов. Из тюрьмы они выйдут скорее всего к старости.

Джейк Рот продолжал скрываться. Розыск объявили по всей стране. Его искала полиция, не говоря уже о Паппасе и связанных с ним людях. Так что это было лишь вопросом времени. Но Рот, будучи профессионалом, умел растягивать это время.

Наступила осень, приближалась зима. Я начал немного нервничать. Рот ускользал и от полиции, и от Паппаса.

В конце концов получилось так, что первой до Рота добралась полиция — для Рота, вероятно, это было лучше. Холодным ноябрьским днем в Дулуте его загнали на чердак. Он пытался пробиться с боем. Получилось нечто вроде самоубийства. Ему не удалось уехать за границу, он похудел на двадцать пять фунтов и был совершенно один. Тело накрыли и увезли в морг.

Если бы это была поучительная история, то я сказал бы сейчас, что решение Джо-Джо Олсена идти своим путем принесло всем благо. Но вышло не так.

Пит плохо переносит тюрьму. Он ожесточился, жалуется на невезение и на меня. Считает, что напрасно пострадал, ибо Нэнси Дрисколл заслужила то, что получила. Негодная была девчонка, считает он. Говорят, он ожесточается все больше и больше.

В связи с делом Рота Швед Олсен, естественно, потерял работу. Паппасу было известно, что Олсены покрывали Рота и знали о его планах стать боссом вместо Паппаса. Паппас не прощает и не забывает, он устроил большую чистку в своей организации, и некоторых гангстеров уже не видно в Челси.

Магда Олсен плюнула Джо-Джо в лицо, когда встретилась с ним у Газзо. Она сказала, что у нее был всего лишь один человек, который делал жизнь сладкой, — Джейк Рот. Двое сыновей Олсена тоже вылетели с работы. Один ходит со Шведом в доки, но работу им дают очень редко: они же в немилости у Паппаса. Второй уехал куда-то. Третий сын, который учился в колледже, вернулся в Челси и работает поваром в столовой. Дочь, Анна, тоже ушла из дома. Иногда я встречаю ее на улице. У нее есть работа, порядочный парень, и, кажется, все в ее жизни о'кэй.

Джо-Джо домой не вернулся. Не знаю, куда он уехал. Он мне не пишет. Зачем? Мы почти что незнакомы. Я ищу его имя в газетах — как возможного члена команды «Феррари». Не то чтобы я действительно ожидал этого — но вдруг. К тому же суть не в фактах и событиях, а в том, что представляет собой человек. О Джо-Джо можно ска-

зять, что он из викингов. Это и заставило его вначале убежать, вместо того чтобы пойти к Паппасу или помогать Роту, это же заставило его вернуться потом, чтобы разделаться с Джейком Ротом и Питом Витанцей. У него есть понимание того, что должен делать настоящий мужчина.

Перевел с английского Л. ДЫМОВ

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ЗЕЛЕНОЕ ОБЛАКО

РАССКАЗ

Четверо суток, если перевести в земное измерение времени, бушевал ураган. Немой ураган, без грохота, ливней и могучих океанских валов. Четверо суток, фиксируя необычное излучение, конвульсивно дергались стрелки приборов. Четверо суток межпланетный корабль «Адальберта Виргиния» шел сквозь взбесившееся пространство, как путник, потерявший направление, продирается сквозь джунгли. И только на пятые сутки пляшущая синусоида, что неумоимо бесновалась на экране капитанского пульта, нехотя нырнула наконец под красную горизонталь.

Курс, как и предсказывал капитан, быстро удалось восстановить, однако радость немногочисленного экипажа оказалась преждевременной. На поверхности корабля локаторы обнаружили странные изменения — таких повреждений не было за все годы полета. Меньше всех, казалось, удивился капитан.

— Коля, выйди наружу и выясни, в чем дело, — распорядился он, слегка нагнувшись к мембране видеофона. — Автоматике я перестал доверять...

Надев скафандр, штурман Николай Борт крутанул верньер с надписью «вакуум». Стены барокамеры едва заметно задрожали и покрылись узорчатым инеем. Стрелка барометра, описав полный круг, уткнулась в «зеро».

Все! Можно выходить.

Штурман нажал на кнопку, но люк остался неподвижным. «Засело», — подумал обеспокоенно Борт.

В этот момент на экране видеофона появилось лицо капитана.

— Что, не открывается? — спросил Федор Скала.

— Да.

— Тогда подожди.

Через несколько минут в барокамеру вошли капитан и астробиолог Ярослав. Вслед за ними туда же влетел Кир — благо он в скафандре не нуждался.

— Нештатная ситуация, — заметил Ярослав, ударив кулаком по люку. Капитан, астробиолог и штурман что было силы налегли на люк, но он не поддался.

— Придется тебе, Кир, — сказал капитан и сделал шаг в сторону. — Только антенну не повреди.

Робот разогнался и литым плечом ударил в люк, многотонный удар эхом отозвался в отсеке. Только после третьей попытки люк поддался.

Первым выбрался наружу капитан. Последним вылез Кир, цепляясь щупальцами за края люка.

Выбравшись на поверхность звездолета, штурман Борт в первое мгновение зажмурился, сделал несколько шагов, преодолевая сопротивление магнитных присосок, и посмотрел в портативный телескоп, с которым во время вылазок никогда не расставался.

Впереди по курсу, в черной бездне, пылало созвездие Лебедя. Оно было похоже на клочок голубого шелка, усыпанного

блестками. Тускло сверкала схваченная синим поясом туманность Андромеды. В самом ее центре несколько звездочек отливали красноватым светом. Казалось, это стыннут угольки в сизом пепле костра. Ярко пылала фиалковая лента Ориона. Плавало в сером кольце созвездие Лиры...

— Ты не заснул, Николай? — прозвучал в наушниках голос капитана.

Штурман оторвал взгляд от трубки телескопа и, посмотрев под ноги, удивленно крикнул: поверхность корабля была покрыта тончайшим слоем изумрудного по цвету вещества, которое фосфоресцировало. Ближе к фотонным дюзам свечение становилось ярче, цвет переходил в светло-зеленый. Нетрудно было догадаться, что загадочное вещество обладает огромной плотностью.

— Возможно, микрометеориты налипли, — высказал предположение астробиолог.

— Почему же тогда приборы не показали метеоритный ливень? — возразил штурман. — Нет, тут что-то другое...

— Кир, возьми на пробу, — отдал приказ капитан.

И все четверо двинулись к входу в корабль...

После обеда Скала спросил астробиолога:

— Ну, как там поживает изумрудное вещество?

— Пока ничего не могу сказать, — как-то неохотно ответил Ярослав. — Приборы капризничают. Я опустил пробу в насыщенный раствор астрогиббереллина...

— Гиббера? — удивился Борт. — Но почему ты думаешь, что в веществе, которое находилось в условиях температуры выше двух с половиной тысяч градусов, посчастливится обнаружить биологические признаки?

Астробиолог собрался пояснить, что натолкнуло его на такое предположение, но тут завывла сирена. На контрольном пункте близ цифры 3 вспыхнула звездочка аварийной сигнализации. Третий отсек... Это была астролаборатория.

Ярослав метнулся из каюты. Вслед за ним бросился штурман. Оклик капитана «остановитесь!» настиг их у самых дверей.

Федор включил экран, который занимал всю заднюю стенку кают-компания, перебрал несколько клавиш, и перед тремя космонавтами предстала астролаборатория. Хитроумная аппаратура, уставленные приборами стеллажи... Но что это? Какая сила сдвинула с места массивные термостаты? Их черноматовые кубы, вместо того чтобы находиться в стройном порядке, громоздились теперь в углу. Один из кубов на их глазах внезапно раздулся и лопнул, и сквозь щель поползло что-то зеленое, похожее на олений мох.

— Споры! — прошептал побледневший астробиолог. — Я подозревал это...

С экрана словно напоздало наваждение, гипнотически окутавшее всех.

Первым пришел в себя капитан.

— Кир! — крикнул он. — Немедленно в третий отсек. За-
драй выход...

Робот, не раздумывая, выскочил в коридорный отсек. Однако чем ближе к третьему отсеку, тем медленнее становились его движения. Вскоре он стал перемещаться осторожно, почти крадучись. На экране хорошо было видно его шарообразное тело, мощные щупальца, поблескивающие глаза-фотоэлементы.

Внешне все выглядело как обычно. Но каждый из космонавтов с минуты на минуту ожидал какой-то беды.

До сих пор «Адальберта Виргиния» мчалась сквозь космические пространства без особых приключений. Даже достигнув района загадочного Антареса, экипаж не обнаружил никаких подтверждений гипотезы академика Светлова: хоть бы какие-нибудь признаки высокоорганизованной материи! Только радиация, уровень которой все время возрастал, наводила на мысль, что жизнь в этих сферах невозможна. Но что же в таком случае означают показания биоанализатора? Если им следовать, то зеленая масса является носителем жизни. Но почему на нее не влияют сильнее радиационные бури? Какова ее природа? Здесь возникали десятки вопросов, и ни на один пока не было ответа.

Между тем немой ураган, который четверо суток буйствовал снаружи и только недавно утих, не прошел бесследно ни для корабля, ни для тех, кто находился в нем. Микрочастицы, с огромной скоростью бомбардируя корабль, порождали в отсеках вторичное излучение. Чуткие приборы, правда, едва фиксировали его. Раскрыть физическую природу поля никак не удавалось. Во всяком случае, оно вело себя довольно странно: под воздействием загадочных лучей космонавтов то и дело клонило в тяжелую, какую-то дурманную дремоту. Еще более непонятно действовало поле на роботов: однажды они вовсе потеряли способность двигаться, и только Кир составлял исключение.

Космонавты натыкались на своих белковых спутников в самых неожиданных местах. Роботы застывали в углах многочисленных отсеков, на винтовых бегущих лестницах, движущихся транспортерных лентах — собственно, повсюду, где их охватывала страшная катаlepsия.

Выполняя приказ капитана, Кир постепенно доставил космонавтов в тринадцатый отсек, где хранилось снаряжение, необходимое для высадки на чужие планеты. Сделал он это с помощью манипуляторов, которые тоже не без труда подчинялись командам.

— Похоже, теперь и Кира поразила проклятая дремота, — заметил Ярослав и с трудом подавил зевоту. Все трое не отрываясь наблюдали за тем, что происходит на экране.

Кир между тем повел себя неожиданно. Вместо того чтобы задраить люк, как было приказано, он некоторое время стоял перед ним, затем неожиданно устремился к третьему отсеку.

— Лучше бы он уснул, чем разума лишился, — с досадой произнес астробиолог, потирая ладонью покрасневшие глаза.

— Не спеши с выводами, — посоветовал капитан. Он не глядя пощелкал на пульте клавишами, и на экране появилось изображение третьего отсека.

...Вбежав в отсек, белковый замер у двери. Зеленая масса, долгие дни созревшая в контейнере, теперь буйствовала, росла, стараясь заполнить все свободное пространство. Она играючи ломала и расщепляла все на своем пути. Даже термостаты, изготовленные из сверхпрочного нейтролана, один за другим лопались, как перезрелые дыни.

Увы, подробных инструкций Кир получить не мог — то, что творилось в отсеке, явилось полной неожиданностью и для экипажа, а связь с роботом оказалась нарушенной.

Итак, белковому была предоставлена свобода действий, и судьба экипажа и корабля волей случая оказалась в его руках, точнее, щупальцах.

Простейшее решение: попытаться уничтожить, сжечь луче-метом таинственное вещество. Но спешить с этим неразумно: ведь Кир знал от людей, что в районе Антареса они надеются обнаружить высокоорганизованную жизнь. И никто не мог предположить, какую форму она примет...

Все эти соображения пронесли в мозг белкового за какие-то доли секунды, в то время как он стоял спиной к люку, загораживая выход из отсека.

Следующим действием Кира было — задраить люк.

Едва белковый успел сделать несколько шагов к середине отсека, как на него сверху, раскачиваясь, начало опускаться что-то похожее на зеленую лиану. Она изгибалась словно живая и едва не касалась черной блестящей поверхности робота. Оборвать ее? Испепелить? Но что это изменит? Нет, сначала необходимо определить правильную стратегию поведения, алгоритм необходимых действий.

Кир отскочил в угол отсека и застыл в выжидательной позе. Это решение выглядело разумным: по крайней мере, с трех сторон его защищали стены и пол.

Робот внешне казался спокойным. На экране было четко видно, как движутся его усики-антенны, холодно поблескивают круги фотоэлементов, дрожат микролокаторы.

Прежде чем начать действовать, Кир накапливал информацию. В эти мгновения он перебирал в мозгу тысячи вариантов, выискивал среди них самый целесообразный, быть может, единственный.

Люди, собравшиеся перед экраном в далекой кают-компании, понимали, что именно теперь решается и их судьба.

В этот момент восстановилась радиосвязь с третьим отсеком. Скала нажал кнопку приема, шорох и писк радиопомех наполнили помещение.

— ...Счел необходимым проникнуть внутрь третьего, — донесся до них четкий голос Кира. — Люк задраен. Анализ

воздуха в отсеке... — голос робота начал слабеть, словно белковый от них удалялся.

— Короче! Докладывай только о самом главном, — предупредил капитан. — Судя по индикатору, энергия в твоём переговорном аккумуляторе кончается.

Николай Борт кашлянул. Следить за энерговооруженностью роботов входило в его функции. В течение нескольких дней он собирался поставить Киру новый аккумулятор. А потом «Адальберту Виргинию» захлестнули малоприятные неожиданности: радиационный ураган непонятной природы, выход белковых — кроме Кира — из рабочего ритма, заклинивание переходных люков, наконец, сонная болезнь, поразившая экипаж. Да тут еще изумрудное вещество, представляющее собой, по всей видимости, грозную опасность...

Так или иначе, оплошность Николая могла теперь привести к роковым последствиям.

— ...Анализ воздуха в отсеке, — упрямо повторил Кир, — свидетельствует, что процентный состав кислорода ниже обычного и продолжает уменьшаться.

Космонавты молча переглянулись — это было новое звено в цепи неожиданностей.

— Намерен начать исследование зеленой субстанции, — спокойно продолжал Кир, словно находился не на корабле, который достиг далекой звездной системы, а на тренировочном полигоне.

Прошло несколько минут, и связь с белковым прервалась. Кир не трогался с места, выжидал. Какие-то соображения, видимо, удерживали его от решительных действий.

Подвижный язык, похожий на зеленое пламя, подполз по полу отсека к стеллажу, разбившись на струйки, охватил его со всех сторон. Стеллаж покачнулся и рухнул на пол, усев его обломками. Часть реторт разбилась, и едкий, ядовитый дым от смешавшихся реактивов заполнил весь отсек.

— О-о! — застонал Ярослав словно от зубной боли и на мгновение прикрыл ладонями глаза.

— Спокойно! — положил ему руку на плечо капитан.

Когда дым рассеялся, перед космонавтами на экране предстала жуткая картина: зеленая масса, извиваясь, выползала из всех лопнувших контейнеров в стороны. Казалось, перегрузки, вызванные ускоренным движением корабля, для нее не существовали. Можно было подумать, что в биолaborатории, вопреки всем законам физики, установилась невесомость.

Николай первым обратил внимание на одно удивительное обстоятельство: предмет, которого коснулось изумрудное вещество, куда-то исчезал. Вот зеленый язык наткнулся на катодный осциллограф, и прибор, обесцветившись, медленно растаял, словно был вылеплен из снега.

— Возможно, он, потеряв цвет, стал прозрачным, — высказал предположение Ярослав. — Проклятая плесень, или что там еще, лишила его пигмента...

— А я думаю, она просто растворила его в едких кислотах, — добавил Николай.

— Боюсь, каждый из вас далек от истины, — покачал головой капитан. — Но давайте посмотрим, что произойдет дальше.

Близ Кира все еще оставалось немного свободного пространства. Биоконтейнеры, стекло, различные приборы — все без следа исчезало, стоило лишь загадочному космическому джинну коснуться его. По лицу Ярослава было видно, как больно ему наблюдать это дикое разрушение. Гибли результаты многолетних трудов, и никто не в силах был помочь. Но астробиолог волновался и переживал больше других: это он сам, собственноручно, выпустил на волю некоего монстра, с которым невозможно было совладать.

Тем временем робота, зажатого в угол, охватило движущееся вещество. Оно смело расправлялось с приборами и оборудованием отсека, но белкового пока щадило. Не касалось оно и корабельных стенок.

— Может, его пугает ионопластик, которым обклеены внутренние панели? — прошептал астробиолог.

— Ну, а Кир? — возразил штурман, борясь с дремотой.

Ярослав только плечами пожал.

Капитану на какое-то время удалось наладить радиосвязь с отсеком.

— Зеленое вещество испускает лучи, — донесся еле слышный голос робота. — Через тридцать секунд перехожу...

Фраза оборвалась — зеленая масса — это хорошо было видно на экране — двинулась на робота.

Кир исчез из поля зрения. Поверхность экрана затопило бушующее месиво, из него несколько раз показывались щупальца робота. Видно, Кир отчаянно сражался с противником, отступать ему было некуда.

В конце концов зеленая масса отхлынула от робота, и он, пошатываясь, поднялся на опорные щупальца.

— Кир, я приказываю: береги себя! — крикнул капитан.

Зеленая масса подозрительно колыхалась, готовясь к новому нападению.

— Эта... — штурман запнулся, подыскивая подходящее слово, — эта штуковина, видимо, опасается белковой материи.

— Не очень-то и опасается, — возразил капитан, наблюдая, как зеленая подкова снова начала сужаться.

Экран показывал все перипетии необычной борьбы. Кир отбивал атаку, будто лев. Вещество начало менять тона, словно хамелеон.

Неожиданно из зеленой массы вырвался тонкий шнур. Конец его на ходу раздулся и легко качнулся в сторону робота. Одним из щупалец Кир оборвал удивительный стебель, и тот, извиваясь, плавно опустился.

Ярослав покосился на товарищей. Кажется, они ничего этого

не заметили. И неудивительно: все произошло за какую-то долю секунды.

Астробиолог нервно потер щеки, отгоняя дремоту, и изо всех сил закричал:

— Перед нами разумная материя!

Николай Борт вытаращился на Ярослава, словно видел его впервые. Только капитан не выразил никакого удивления. Он словно ожидал этих слов.

— Какие у тебя, собственно, основания? — спросил Федор Скала, продолжая наблюдать за экраном.

— Правильная тактика в нападении и защите! — горячо произнес Ярослав. — Окружение врага... И еще: захват его.

Капитан кивнул, услышав подтверждение собственным мыслям.

— Если это разумная материя, то как найти с нею контакт? — сказал с отчаянием Николай и показал пальцем на экран.

Кир продолжал сражение с врагом.

Зеленая стена, которая к этому моменту стала сплошной, осторожно прогибалась каждый раз, когда робот делал шаг вперед, и сразу же стремилась охватить его со всех сторон. Становилось ясно, что посланцу Земли долго не продержаться.

Поймав мгновения, когда радиосвязь восстановилась, капитан охрипшим голосом прокричал:

— Кир, мы получили достаточно информации. Приказываю: любой ценой вырвись из отсека. Понял?

— Да.

— Нельзя допустить, чтобы зеленое вещество покинуло пределы астробиологического отсека, — заключил Федор Скала.

— Можно ли мне... воспользоваться... — долетел до кают-компания слабый голос робота. Слова было нелегко разобрать, но люди поняли, о чем речь.

Капитан не колебался.

— Да! — закричал он недослушав. — Включай лазерный пистолет.

— Капитан! — выкрикнул Николай.

— Спокойно, без паники! — произнес Скала. — Берегите глаза...

В то же мгновение по экрану пробежал следящий свет. Он погас и вспыхнул снова.

Тысячи огненных иголок, посланных роботом, пронизали третий отсек. Зеленая масса дрогнула и отступила.

Кир был похож на фантастического ежа, который выставил колючки в минуту опасности. Только роль иголок играли лазерные лучи — слепяще белые нити, которые несли на своем пути смерть всему живому.

Лабораторию наполнили белые испарения. Видимость почти исчезла, и капитан быстро включил инфравидение.

Зеленая масса конвульсивно подергивалась. Судя по всему,

лазерные лучи пришили ей не по вкусу, и робот от обороны перешел в наступление. Огромный еж медленно продвигался к середине зала, поводя огненными стрелами-иголками. Лазерные лучи достигали полутора метров, а потом обрывались. Такая настройка была связана с тем, что Кир опасался прожечь стенку лаборатории — а это дало бы возможность врагу распространиться по всему кораблю.

— Какая стойкая форма жизни, — пробормотал штурман. — Ничего подобного не встречал.

— И мне кажется — разумная... — прошептал астробиолог, готовый, казалось, влезть в трехмерный экран.

Капитан кивнул.

— Может быть, ты и прав, Ярослав, — сказал он и положил ему руку на плечо. — Но весь вопрос в том — дружен ли нам этот разум?..

— Два разума обязаны понять друг друга, — произнес астробиолог.

— Хм, обязаны найти общий язык, — усмехнулся Скала. — Короткая у тебя память.

— Ты о чем?

— Забыл, как когда-то на одной планете воевали представители одной цивилизации? Разумные, казалось бы, существа, а как безжалостно уничтожали они друг друга, с какой дьявольской изобретательностью! Старались так, чтобы от других и следа не осталось... Да что там говорить, — махнул рукой Федор Скала, — ты не хуже моего знаешь историю материнской планеты.

— Я знаю историю Земли, но тут другой случай.

— Случай другой, а опасность та же, — стоял на своем капитан.

— Смотрите, Кир что-то придумал! — перебил их штурман, показав рукой на экран.

И в самом деле, поведение робота резко изменилось. Он начал маневрировать, перебегая с места на место. Казалось, он исполняет какой-то странный танец, настолько выверенными и четкими были его движения. Еще бы, ведь любой неверный жест — и это теперь осознавали не только люди, но и белковый, — мог стоить ему жизни. И за каждым жестом, за каждым движением его стояла огромная работа счетно-решающего устройства...

Вскоре в движениях белкового начала проявляться определенная закономерность. Медленно, но верно, приближался он к заветному люку. В такт прыжкам Кира покачивались и огненные иголки, которые помогали удерживать зеленую массу на определенном расстоянии.

— Чувство самосохранения... — пробормотал астробиолог. — Лишнее подтверждение разумности.

Радиосвязь с белковым снова прервалась, наладить ее никак не удавалось. Из третьего отсека доносились только ка-

кие-то шумы. Поэтому о том, какие чувства обуревают Кира, экипаж мог только догадываться.

Продолжая делать хитрые финты, робот пробился к стене и тут же погасил часть лучей, чтобы не повредить стенные панели, а остальную часть лучей собрал в узкий сноп.

Ошеломленная массивным огнем, зеленая масса отступила на несколько метров. Возможно, это был тактический ход, состоявший в том, чтобы, собравшись с силами, ринуться на неприятеля. Однако Кир сумел лучше врага воспользоваться образовавшейся паузой. С невероятной силой он рванул на себя люк и выскочил из отсека...

Зеленый рукав выплеснулся было вслед за роботом, но, отсеченный безжалостным скальпелем лазерного луча, бес- сильно опустился на пол.

В то же мгновение Скала быстро переключил инфразор на коридорный отсек. Здесь все было обычно, даже не верилось, что в соседней лаборатории творится нечто невероятное. Спокойно фосфоресцировали панели, висела плотная, какая-то слежавшаяся тишина, поглощаемая мягким пластиком пола.

Все увидели медленно удаляющуюся фигуру робота. Он прихрамывал, подволакивая щупальце, видимо, поврежденное в недавнем сражении.

— Интересно, куда это он? — нарушил короткую паузу штурман. — Регенерировать повреждения?

— Не думаю, — покачал головой астробиолог.

— А куда же?

— Там, в конце, лаборатория экспресс-анализа, — пояснил Ярослав.

— Для Кира дело — прежде всего, как и для нас, — сказал Федор Скала. — Эту мысль ему внушили еще воспитатели Зеленого городка, где он был выращен... И, как я вижу, сделали это достаточно основательно.

Догадка Николая оказалась правильной.

Когда Скала переключил экран на отсек экспресс-анализа, все увидели там массивную фигуру робота, который копошился подле приборов. Сноп лучей, выпускаемый им, погас, едва Кир покинул третий отсек.

— Завершил предварительный анализ зеленой массы, взятой из третьего отсека, — доложил Кир.

— Ну! — подстегнул капитан.

— Вещество имеет мягкую кристаллическую структуру, — продолжал Кир.

Астробиолог крикнул и с досадой хлопнул ладонью по ручке кресла.

— Однако, беря во внимание некоторые данные, которые я сейчас перечислю, — сказал робот, — это, безусловно, живая материя.

Кир начал приводить данные, засыпая слушателей цифрами. Однако Скала прервал его:

— Цифры запомни, доложишь потом. А сейчас нас интересуют только логические выводы. Имей в виду, времени у нас в обрез.

— Скажи, Кир, как ты полагаешь: обладает ли зеленая материя разумом? — Задав этот главный для него вопрос, астробиолог с замиранием сердца ожидал ответа.

Но белковый не спешил. Он замер перед гигантской спектральной установкой, подобный огромной статуе. Неподвижность робота свидетельствовала о напряженной работе мысли.

— Зеленое вещество не является высокоорганизованной материей, — произнес наконец Кир. — Это конгломерат бактерий, появившихся из спор. Причина такого бурного размножения, которое продолжается до сих пор, — подходящие условия...

— Астрогиббереллин, — вставил Ярослав.

— Однако я не исключаю, что перед нами — явление, до сих пор человечеству неизвестное, — продолжал белковый. — Бактерии образуют некий коллективный разум, подобно тому как клетки головного мозга образуют самый мозг.

— Скажи, Кир, а самый вид бактерий нам известен? — спросил астробиолог.

— Нет, — ответил белковый. — Я проверил по каталогу «Жизнь в космосе», который ношу в памяти. Ничего подобного там не нашел.

— Каково их основное назначение? — задал вопрос капитан.

— Они способны расщеплять и усваивать чужеродное вещество.

— А панельный пластик? — спросил астробиолог.

— Это одна из загадок, решить которую пока не удалось: ионизированное вещество является исключением, — произнес белковый.

Наступило продолжительное молчание. Наконец Николай Борт сказал, ни к кому не обращаясь:

— И все-таки я не нахожу ответа на главный вопрос: представляет ли собой зеленая масса некий организм, обладающий разумом? И если да, то каков его потенциал? Неужели в поведении зеленой массы, которое мы наблюдали, нет ничего разумного?

— Может быть, эта масса действует подобно саранче, которая уничтожает на своем пути все что можно, — сухо произнес Федор Скала.

В этот момент Кир, надолго замешкавшийся у последней диагностической установки, отвернулся от нее и решительно сказал:

— Капитан!

Люди умолкли: тон робота не сулил ничего доброго.

— Слушаю, Кир, — ответил Скала.

— В мое тело проникли чужеродные бактерии.

«Только этого нам не хватало!..» — промелькнуло у астробиолога.

— Много? — спросил капитан.

— Несколькó сот. Они проникли в порез на щупальце и оттуда распространяются по всему телу...

У штурмана екнуло сердце. Он припомнил походку, которой белковый шел по коридорному отсеку, и подумал, что уже тогда почуял что-то неладное. А если еще и Кир выйдет из строя...

— Вот что, Кир. Ступай в камеру профилактического облучения, — распорядился капитан.

— На сколько? — уточнил белковый будничным тоном, словно погружаться в смертельно опасное излучение было для него обычным делом.

— На сто секунд.

Робот кивнул:

— Слушаюсь.

— Ты с ума сошел, Федор! — схватил штурман за руку капитана. — Такая доза убьет его.

— Максимальная доза — единственный шанс в создавшихся условиях, — возразил Скала.

— Если Кир погибнет, нам не справиться с управлением корабля!.. Ярослав, что же ты молчишь, черт возьми! — в отчаянии закричал Николай. — Нужно остановить Кира, пока еще есть время — он будет идти до камеры около двух минут!

Астробиолог колебался.

— По данным Зеленого городка, Кир от такой дозы должен погибнуть, — разжал он наконец бледные губы. — Однако с тех пор прошло...

— Вот-вот, мы находимся в полете добрых пятнадцать лет, — перебил капитан. — За это время белковый претерпел определенные изменения. Его организм усовершенствовался, как то было заложено в программе.

Штурман хотел что-то возразить, но только махнул рукой.

— Наведаемся в третий отсек, — произнес капитан и переключил видеозор.

Волнение, которое породил в астролaborатории Кир своими действиями, успело улечься. Но количество зеленой массы заметно увеличилось. Она колыхалась, разбухала, зловеще перекатывалась от одной стены к другой, однако по-прежнему не касалась панелей.

Что будет с кораблем, когда она вырвется на волю?.. «Адальберта Виргиния» наверняка погибнет. Об этом думал каждый из членов экипажа.

Тревожные предчувствия, казалось, материализовались, образовав в кают-компанинi неспокойную атмосферу. Как там Кир? Неужели погиб?

— Умом, Федор, понимаю, ты прав, — произнес Ярослав Горный. — Но согласиться трудно...

Капитан промолчал.

— Необходимо разработать план дальнейших действий, — начал штурман, — в случае, если...

— Бактерии погибли, — послышался из динамика голос белкового.

Люди облегченно вздохнули.

— Как ты? — спросил Скала.

— Поврежден нервный центр.

Ярослав скривился словно от боли.

— Но еще какое-то время я смогу выполнять твои приказания, капитан, — заключил робот.

— Спасибо, Кир, — сказал Федор.

Капитан тяжело поднялся, прошелся по отсеку. Остальные молча следили за ним.

— Итак, нас пока четверо, — сказал капитан. — Курс корабля остается стабильным, последние события на него не повлияли. Давайте решим: что делать с третьим отсеком?

Гнетущая тишина воцарилась в отсеке. Каждый понимал, какая ответственность ложится на него в эти мгновения. О, нет, не только ответственность за жизнь друзей, за корабль, за бесценную информацию, которую ждет Земля. Здесь речь шла о чем-то качественно новом.

Кто возьмет на себя смелость сказать, что на самом деле представляет собой странное изумрудное вещество? Ведь даже показания приборов, которые исследовали его, противоречили друг другу. Что же говорить об умозаключениях экипажа?

— Может, покроем снаружи третий отсек ионопластиком? — предложил штурман.

— Нет, все равно рискованно, — покачал головой капитан. — Корабль не может нести в себе все время бомбу, которая способна взорваться в любой момент.

— Мы смонтируем лазерную пушку и нацелим ее на люк третьего отсека, — произнес Ярослав. — Если зеленая напасть переступит границу, мы расстреляем ее в упор, как это делал Кир.

Астробиолог вопросительно посмотрел на капитана, но тот снова возразил:

— Расстрелять-то расстреляем, но где гарантия, что при этом какая-то часть бактерий не проникнет в другие отсеки? Тогда уж нам ни за что не справиться с зеленым чудовищем. Оно уничтожит весь корабль.

В кают-компанию вошел Кир. Вид у него был не ахти какой: шупальца искалечены, пластик, прикрывающий фотоэлементы, разбит.

Робот молча приблизился к экрану и включил третий отсек. Картина была, увы, малоутешительной. Вся зеленая масса вращалась словно сумасшедшая. В этом был свой смысл:

в результате такого вращения возникали центробежные силы. Они отбрасывали внешние слои бактерий к стенкам лаборатории, и отдельные изумрудные языки едва не касались ионопластика.

Космонавты некоторое время как зачарованные смотрели на вакханалию зеленых красок.

— Вот что, — произнес капитан. — Биолaborатория — весь отсек — должна быть катапультирована. Другого пути к спасению у нас нет.

«Адальберта Виргиния» была построена по принципу подводной лодки: она состояла из отсеков, каждый из которых имел самостоятельное значение. Это придавало кораблю большую живучесть: он мог «оставаться на плаву» и функционировать, даже когда значительная часть отсеков выходила из строя. В случае необходимости «Адальберта» могла лишиться любого из своих отсеков.

В течение нескольких минут космонавты произвели необходимые расчеты — бортовому компьютеру пришлось потрудиться с полной нагрузкой — и заняли свои места. За долгие годы полета производить подобную операцию с кораблем еще не приходилось. И потому не только члены экипажа, но даже Кир заметно волновались...

Когда капитан нажал на кнопку, которая приводила в действие катапульту, штурману почудилось, что корабль протестующе вздрогнул и от носа до хвоста прошла тормозящая волна. А может, это была только игра расстроенного воображения? Впрочем, стрелки на пульте управления кораблем поначалу и впрямь неуверенно задергались и лишь спустя несколько минут, после трех-четырех команд капитана, снова успокоились, а сигнальные лампочки погасли.

Странно и непривычно было видеть на экране внешнего обзора вместо одного — два искусственных небесных тела: «Адальберту Виргинию» и отпочковавшийся от нее шарообразный отсек биолaborатории. Расстояние между ними медленно увеличивалось, словно отсек изо всех сил старался не отстать от материнского тела корабля.

— Мать и дочь, — заметил кто-то из экипажа, кивнув на экран.

— Строптивая дочь, — уточнил капитан.

— Третий отсек уже далеко от нас, — после паузы с грустью произнес астробиолог, ни к кому не обращаясь. Он чувствовал себя так, словно его обокрали.

Штурман покачал головой:

— Твой глазомер, Ярослав, не выдерживает никакой критики.

— А ты что скажешь, Кир? — спросил капитан.

— Двадцать четыре километра, — не колеблясь, ответил робот, словно ожидал этого вопроса.

— Двадцать четыре километра! — повторил Скала. — Пешеход преодолевает это расстояние за пять часов. Автомоби-

на — за пятнадцать минут. А звездолет... звездолет «глотает» их за ничтожную долю секунды. Контейнер, который несет в себе смерть, плывет совсем рядом с кораблем словно привязанный к нему. Опасность уменьшилась, но не исчезла.

— Очевидно, отсек получил недостаточный импульс, — встал задумчиво Кир.

— О! Смотрите! Отсек начал дрейфовать в нашу сторону, — воскликнул штурман. — Мне кажется, он увеличивается в размерах. — При этом штурман бросил испытующий взгляд на Кира, имевшего непререкаемый авторитет во всех вопросах, которые касались измерений в открытом космосе.

— Ты прав, но только отчасти, — пророкотал робот. Иногда он высказывался достаточно цветисто — привычка, перенятая им еще от своего воспитателя.

— Поясни, пожалуйста, Кир, — кротко попросил Николай.

— Расстояние между отсеком и кораблем в настоящее время остается неизменным.

— Но отсек растет!

— Да, он сам по себе увеличивается в размерах, — согласился робот. — Объяснить это явление пока не берусь...

— Неужели это споры?.. — воскликнул побледневший астробиолог.

Теперь уже и невооруженным взглядом было видно, что феерический осек разбухает словно на дрожжах.

— Послушайте, а вам не кажется, что... — начал штурман, но его голос заглушил дружный крик, вырвавшийся у остальных членов экипажа. Громче всех вопил Кир — его вопль был подобен отчаянной сирене корабля, заблудившегося в тумане.

...Черный шар, плывущий в пространстве, вдруг лопнул, и из трещины вырос извивающийся фантастический цветок изумрудного цвета. Зеленые лепестки его поблескивали, словно осыпанные драгоценными камнями.

Однако при всей своей чарующей красоте цветок нес в себе страшную опасность. Хищная колония микроорганизмов вырвалась из темницы, в которую была заключена, и бросала вызов космонавтам.

Цветок некоторое время покачивался на своем гибком все увеличивающемся стебле, а затем рывком потянулся к звездолету.

Первым оторвал глаза от феерического видения капитан. Словно сбросив чары, он подскочил к пульту управления и крутанул несколько верньеров, резко увеличив мощность фотонных дюз. Из чаши-отражателя, расположенной в кормовой части корабля, хлынула ослепительная река пламени.

Люди разместились в противоперегрузочных креслах и замерли в болезненном ожидании.

«Адальберта Виргиния» набирала скорость. На экране хорошо было видно, как растет постепенно расстояние между ко-

раблем и изумрудным цветком, который к этому моменту уже стал походить на зеленое облачко.

Кажется, облачку жаль было разлучаться с «Адальбертой». Оно протягивало к кораблю длинные присоски, словно умоляло подождать его.

Скала, Борт, Горный и Кир не отрываясь смотрели на огромный выпуклый глаз обзорного экрана. Зеленая тучка удалялась. Вот она превратилась в кошачий глаз и в конце концов — просто в зеленую точку, которая через короткое время растворилась в бесконечных просторах космоса.

ОБ АВТОРАХ

Майкл КОЛЛИНЗ (псевдоним Денниса Линдса) — американский писатель. Родился в 1924 году. По образованию химик, автор многих научных работ. В настоящее время пишет детективные и фантастические произведения. Под псевдонимом Уильям Арден и Марк Сэдлер публиковал романы, герои которых — детективы Кэйн Джексон и Пол Шоу. Его произведения печатались также под именем Джон Кроу и под собственной фамилией. Роман «Страх» получил в 1968 году премию Эдгара, присуждаемую детективным писателям Америки.

Владимир МИХАНОВСКИЙ родился в 1931 году в Харькове. По специальности физик-теоретик, преподавал в Харьковском университете. Известен как поэт и писатель-фантаст. Автор книг «Тайна одной лаборатории», «Двойники», «Прыжок над бездной», «Оранжевое сердце» и многих других. Член Союза писателей. За научно-фантастические произведения, посвященные космосу, награжден медалями имени Ю. А. Гагарина и С. П. Королева. Неоднократно печатался в «Искателе»,

Под редакцией Александра ПОЛЕЩУКА
и Евгения КУЗЬМИНА
Художник Борис МОКИН
Художественный редактор Валерий КУХАРУК

Учредители литературного приложения «Искатель»:
трудовой коллектив редакции журнала «Вокруг света»,
ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Рукописи не рецензируются

Адрес редакции: Москва, 125015, Новодмитровская ул., 5а
Тел. 285-88-84, 285-80-10

Сдано в набор 21.05.91. Подписано в печать 21.06.91.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 9,0.
Тираж 300 000 экз. Цена 2 руб. Заказ 2101.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-
полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Суцеская, 21

ISSN 0130-6634

ЦЕНА 2 РУБ.

Майкл КОЛЛИНЗ
Владимир МИХАНОВСКИЙ

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

